

«Деятели народного образования»

Г.П. НИКОВ

**ВЕК СВЕТЛЫХ НАДЕЖД
И РАЗОЧАРОВАНИЙ**

ВОСПОМИНАНИЯ

*Посвящается памяти моего отца
Никова Петра Пантелеевича
и его братьев*

Уфа 2008

УДК 37.01(470.57)
ББК 74.03(2)7-8
Н 63

Н 63 **Ников Г.П.** Век светлых надежд и разочарований: воспоминания [Текст] / Г.П. Ников. (предисл., подгот. текста Х.Х. Лукмановой). 2-е изд., испр. и доп. – Уфа : Вагант, 2008. – ил. – (Б-ка «Педагогического журнала Башкортостана»). 216с. – 500 экз.
ISBN 978-5-9635-0084-2

Предлагаемая читателю работа относится к категории общественно-политической и научно-популярной (область педагогики) литературы. Автор на основе жизненных наблюдений, а также педагогической деятельности, стремится показать некоторые особенности советского периода нашей истории.

Адресуется учителям, студентам, всем, интересующимся историей образования в Башкортостане.

УДК 37.01(470.57)
ББК 74.03(2)7-8

Рецензент

Р.М. Асадуллин, д-р пед. н., проф. (БГПУ).

ISBN 978-5-9635-0084-2

© **Ников Г.П., 2008**
© **Вагант, 2008**

Предисловие

Мы живем в эпоху осмысления и переосмысления жизненного пути, пройденного нами и нашей страной в минувшем XX веке. Наряду с теоретическими появились и такие работы, авторы которых пытаются рассмотреть обсуждаемые вопросы с практических позиций, то есть с позиций самой жизни, какой она была и остается по сей день. Представляет интерес в этом плане предлагаемая читателям книга Г.П.Никова.

Ее автор хорошо известен в педагогических кругах Башкортостана. Выходец из рабочей среды, он прошел жизненный путь, типичный для его сверстников: детство, школа, открывающая широкие перспективы для социального продвижения, но в то же время и многочисленные тернии на протяжении жизненного пути. Он родился в 1924 году в селе Нащи Сасовского района Рязанской области в семье рабочего. Детские годы прошли в городе Николаеве, что на юге Украины, где отец работал в порту. После голодного 1933 года семья переезжает в Башкирию, в рабочий поселок Ишимбаево – ныне город Ишимбай – и благополучно обустроивается. То было время освоения земных богатств Башкирии, получивших географическое название Второй Баку.

Он работал бригадиром слесарей на строительстве крупной по тем временам электростанции. Однако благополучие семьи длилось недолго: в 1937 году отец попадает под удар сталинских репрессий, и начинается безотцовщина со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами.

В 1942 году Григория Петровича призывают в Советскую армию, и после окончания Уфимского пехотного училища он принимает участие в Великой Отечественной войне в качестве командира пулеметного взвода. За успешное выполнение заданий командования он был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и многочисленными медалями. Уволившись в 1955 году в запас в звании капитана, он возвращается в ставшую для него родной Башкирию, в молодой тогда город Салават. Там начинается его педагогическая деятельность, длившаяся до 2002 года.

Учитель истории и логики; завуч, а затем директор средней школы, школы-интерната в Салавате; старший преподаватель кафедры педагогики; проректор по учебной и научной работе Стерлитамакского педагогического института; заведующий кафедрой педагогики Башкирского государственного педагогического института и доцент той же кафедры после достижения пенсионного возраста. Одновременно Григорий Петрович вел разностороннюю общественно-педагогическую работу в республиканских отделениях общества «Знание» и Педагогического общества РСФСР, а также публицистическую деятельность в республиканской печати по общественно-политической и педагогической проблематике. За эту разностороннюю и актуальную деятельность ему были присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки Башкирской АССР» (1977г.), Отличник просвещения РСФСР, Отличник просвещения БАССР, был награжден Почетными грамотами Президиума Верховного Совета БАССР, ЦК ВЛКСМ и другими грамотами. Таков трудовой путь Г.П.Никова, сделавший его известным в нашей республике.

В жизни каждого человека можно выделить события, дела, которые он считает смыслообразующими вехами своей жизни. Таких у Григория Петровича три: участие в Великой Отечественной войне, путь к вершинам образования и личная, а точнее – семейная жизнь. Попробуем конкретизировать эти вехи.

Великая Отечественная война. Здесь все ясно и добавить нечего, кроме того, что на наших глазах постепенно, но неуклонно уходит племя защитников Отечества и тех, кто ковал победу в тылу на заводах и фабриках, на транспорте и колхозных полях.

Путь к вершинам образования. Перед самой войной он окончил первый курс Уфимского железнодорожного техникума. Затем тринадцать лет служил Родине в Вооруженных силах. Откуда же взялось образование, которое позволило ему сразу после увольнения из армии в звании капитана начать педагогическую деятельность сначала в школе, а через некоторое время в вузе? Григорий Петрович использовал для образовательного, духовного роста возможности, которые предоставлял человеку советский строй. Проходя военную службу, за счет свободного времени он готовит и экстерном успешно сдает экзамены на аттестат зрелости. Получив аттестат, сразу поступает на исторический факультет Киевского пединститута (заочно) и также успешно оканчивает его в установленные сроки. Убедившись, что в армейских условиях высшее педагогическое образование не находит применения, он обращается к командованию с рапортом об увольнении в запас. Затем уже упоминавшаяся педагогическая работа в средней и высшей школе и одновременная подготовка к сдаче кандидатского минимума по специальности педагогика школы.

Получив приглашение кафедры педагогики Стерлитамакского педагогического института, Григорий Петрович принял его и окунулся в работу над диссертацией. Это было время, когда советская школа и педагогическая мысль работали над реализацией одной из самых значительных школьных реформ, вошедшей в историю просвещения

под названием «Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Предметом его исследования стала профессиональная ориентация школьной молодежи.

И, наконец, третья веха в его жизненном пути. Недавно Григорий Петрович со своей супругой Марией Федоровной отметили 60-летний юбилей совместной жизни. Скажем откровенно, такое в наше время встречается очень редко. И не потому, что современники долго не живут, а прежде всего потому, что семья и брак все больше становятся уязвимыми общественными институтами. Мы часто сталкиваемся с рассуждениями о том, что семья отживает свой век, что она своего рода пережиток прошлых эпох и цивилизаций. И, к сожалению, российская действительность подтверждает эту молву. Общественность бьет тревогу по поводу того, что резко снизилась роль семьи как фактора воспитания. Пройденный супружеской четой Никовых 60-летний путь делает ей высокую честь!..

Г.П.Никовым опубликовано свыше 50 работ на научно-педагогическую тематику. Среди них назовем следующие: «Возвращение к нравственности» (составитель и научный редактор книги, автор главы «Инструмент прикосновения к личности», 8 п.л., Уфа, 1993); «Нравственное воспитание в семье» (Уфа, 1983, в соавторстве с О.Р.Кунцем); «К вопросу о профессиональной консультации школьников», 0,7 п.л. (в сборнике «Вопросы воспитания и обучения», Куйбышевский пединститут, 1973); «О причинном объяснении педагогических явлений» (в сборнике Вопросы повышения эффективности теоретических исследований в педагогической науке. АПН СССР, часть I, М., 1976) и др. С 2002 года Г.П.Ников из-за плохого состояния здоровья отошел от активного участия в общественной жизни. Но как бы заключительным аккордом его активной жизни стала настоящая книга.

Она представляет собой попытку объяснить происходившие события с ним и его семьей, а также советской школой, претерпевшей в годы так называемой горбачевско-ельцинской перестройки серьезные изменения, в сопоставлении с тем, что происходит сейчас. Книга основана на личном опыте и наблюдениях автора, его эрудиции и способности объективно разбираться в происходящем. Трудно не согласиться с эпиграфом, который автор заимствовал у башкирского писателя Б.Зайнутдинова, что **только созидаящий ум сохранит жизнь.**

Х.Х.Лукманова, профессор
кафедры педагогики БГПУ

*Только созидающий
ум сохранит жизнь...*

Б.Зайнетдинов

От автора

Последний день уходящего года и века. Вечер. До начала новогодней телевизионной программы остались считанные часы. Память не спеша перебирает наиболее значительное, что было пережито в уходящем году и веке, три четверти которого достались моей жизни. Считаю себя свидетелем XX века, так как семь его десятилетий запечатлены моей памятью, а о трех предшествующих начитан и слышан от близких мне людей. Век, оставивший в нашей стране след, несравнимый с наследием других столетий. Три революции, две мировых и одна гражданская война; век электричества и атома, научно-технической революции и еще бог весть чего.

На мою долю выпало родиться, вырасти и провести всю сознательную жизнь в рядовой советской семье, она и сейчас остается такой – к творению истории отношения не имеет. Но жизнь советского, а затем российского общества отражалась в ней, как в зеркале. И поэтому, что и как с ней происходило, можно многое понять из того, что и как происходило в обществе и какие уроки из этого можно извлечь. Думается, что чем больше мы, люди старшего поколения, поделимся с внуками и правнуками о пережитом, тем легче им будет разобраться в наших успехах и ошибках, ответственно – с умом – относиться к жизни. Но только при одном условии: ни одно оставленное нами слово, суждение не должно изменять правде, истине.

Годы детства и отрочества

Я родился 28 июля 1924 года в селе Нащи Сасовского района Рязанской области от второго брака родителей. Отец, Петр Пантелеевич, 1890 года рождения, овдовел в 1921 году, мать, Матрена Дмитриевна, по отцу Конькова, 1901 года рождения – тоже овдовела годом позже отца. У отца остался ребенок, сын Петр, мать ребенка не имела и, как в таких случаях говорят, пошла замуж на ребенка. Такой брак рассматривался вынужденным, связанным с каким-то сложным обстоятельством у невесты. И оно было, но об этом ниже.

Местность, в которой я родился, уникальна по своему географическому положению и этническому составу. Она расположена в центре России с его богатой событиями историей. С севера – мещерские и касимовские татары, с востока мордва. Тех и других много в Сасовском районе, а русских – в местах проживания татар и мордвы. Районный центр – город Сасово – и деревня, в которой я родился – Нащи, в своем названии русского корня не содержат. Два моих приятеля – один татарин, другой мордвин – каждый убеждал меня, что мои предки были его национальности. Да и фамилия Ников какая-то странная, словно оторвана от Красильникова или Шапошникова, то есть опять намек на запутанное происхождение. Попробуйте разобраться в этой этнической мешанине, корни которой ведут в далекие от нас времена.

Как и у многих современников, моя родословная неизвестна за пределами третьего поколения, то есть деда с бабкой. Знаю, что дед Пантелей в 1914 году утонул в Каспийском море, а дед Дмитрий умер в 1933 году. Оба родились и выросли в Тамбовской губернии (ныне территория

Рязанской области), а всю свою трудовую жизнь один провел на Каспии, другой - на Баренцевом и Карском морях. Откуда такое трудовое поприще у людей, родившихся за тридевять земель от моря?

Объяснение простое. Центр России в царские, да и в советские времена особым изобилием продукции сельскохозяйственного труда не славился, в крае царило малоземелье и бедность крестьян, лишние рты в семье было не прокормить. Поэтому стоило парнишке чуть подрасти, как его отправляли на заработки. За полвека, прошедшие после отмены крепостного права, разрешившей крестьянину покидать отчий дом, идти на поиски лучшей жизни, во многих местах сложились пути отхода в поисках этой лучшей жизни. Из места рождения моих родителей один путь вел в Баку, что определило судьбу деда по отцу, а другой - на север - предпочел дед по матери. Им было к кому ехать – там уже прижились либо отец, либо старшие братья и односельчане, не отказывавшие во временном приюте, пока парень не определится. Определиться на судне означало самый удачный вариант, потому что судно представляло собой одновременно место работы и место проживания моряка. Но, что любопытно, в приютивших их местах парни не женились, это откладывалось на поздние времена, когда они что-то накопят, и тогда приезжали в родные края, где быстро находилась избранница, а женившись, снова убывали к месту работы. Периодически приезжали, теперь уже к своей семье, привозили недорогие подарки, оставляли задел очередного ребенка и снова восвояси. Из-за этого мать впервые увидела своего отца в девятилетнем возрасте. Так что по числу детей, живых и умерших, можно было безошибочно определить, сколько раз отец навещал семью. Помирать стремились на родине, но у многих жизнь обрывалась задолго до наступления старости, как это случилось с дедом Пантелеем, погибшим, когда ему не было и пятидесяти лет.

Дед Дмитрий в годы моего раннего детства плавал на знаменитых в те советские времена ледоколах "Литке" и "Красин". Был рулевым

первого класса. В конце 20-х и начале 30-х годов эти ледоколы значили для страны не меньше, чем во второй половине века атомоходы "Ленин" и "Арктика". Дед Дмитрий был человеком малоразговорчивым и суровым, как моря, на которых он плавал. Подобно многим морякам, пил, под старость нажил рак желудка и ушел из жизни в голодном 1933 году. Перед самой кончиной завещал матери хоронить его без священника и музыки, то есть оркестра. Первого он ассоциировал с царским режимом, вторую – с советской властью. Когда мать спросила его, почему же так – без попа и оркестра, он ответил: "Одни – мерзавцы, и другие не лучше". Вспоминаются последние годы его жизни, когда он уже был списан с корабля и приехал к нам в Николаев. Под хмелем это был шутник и добряк, но в похмелье становился злым, нелюдимым, и я держался от него как можно дальше.

Отец родился и вырос в многодетной, одной из самых бедных в деревне семей: пять братьев и три сестры. Едва подросши, братья отправлялись в Баку, где уже были свои и было у кого остановиться. Там же, в Баку, братьев застала революция, которую они приняли с радостью, и после некоторых перипетий два брата, в том числе мой отец, оказались в городе Николаеве, где стали работать в порту, а некоторое время плавали. Все вступили в ВКП(б), кроме младшего брата Гавриила, который вернулся в родные места и занялся земледелием. Добросовестная работа, способности, порядочность и другие положительные качества помогли братьям при новой власти быстро расти. К началу 30-х годов один окончил Институт красной профессуры и стал кадровым партийным работником – секретарем Орджоникидзевского райкома партии в Баку, другой – директором завода тоже в Баку, третий – капитаном Ялтинского порта, то есть его главным диспетчером. Младший же брат, Гавриил, вернулся на родину, в отчий дом, и занялся крестьянством, да так усердно и успешно, что попал под раскулачивание. Боясь высылки в Сибирь (со многими

раскулаченными тогда именно так и поступали), он тайком, без семьи, уезжает в Баку в надежде на помощь влиятельных братьев. Но, судя по дальнейшим событиям, "влиятельные" братья то ли по своему классовому сознанию, то ли из-за трусости пострадавшего брата приняли всего на несколько дней, затем отправили устраиваться в Ленкорани – юго-восточной части Азербайджана, где тогда свирепствовала тропическая малярия, или, как в народе ее называли – лихорадка. Гавриил буквально сходу подхватил ее и умер. Его смерть была первым ударом советской власти по братьям Никовым и явилась причиной охлаждения между отцом и бакинскими братьями. Отец упрекал их за бездушие и трусость, которые они проявили, отвернувшись от брата в тяжелую для него минуту.

Как жила и чувствовала себя наша семья в описываемое время (годы НЭПа и начало 30-х годов)? Она состояла из семи человек. Содержал ее отец, работавший в порту мотористом. Деда Дмитрия в счет не беру, так как он пропивал свою зарплату. По тем меркам достаток в семье был, то есть все были сыты, одеты, проживали в собственном доме и нужды не терпели. Как сквозь сон вспоминаю рынок, заваленный продуктами, частные лавки и пекарню, что была напротив нашего дома. Сады и огороды Украины обильно снабжали город своими плодами. По моим детским воспоминаниям, такая жизнь длилась до начала тридцатых годов. По мере коллективизации и раскулачивания, свертывания НЭПа, жизнь становилась с каждым годом хуже: стали исчезать продукты, в магазинах появились очереди за хлебом.

В некоторых публикациях, посвященных голоду на Украине в 1933 году, можно встретить утверждения, что он был вызван искусственно. Здесь есть правда, но отнюдь не вся. Почему-то редко и слегка упоминают сильнейшую засуху, которая в 1932 году поразила Украину, особенно южную. Как и в послевоенные годы, тогда рабочие и служащие получали по несколько соток земли для огородов.

Получала и наша семья. Вспоминаю, что весь урожай картофеля с участка в три сотки родители принесли буквально в носовом платке. А ведь они были вчерашними крестьянами, любили землю и могли на ней работать. Первопричиной голода была страшная засуха, а оставление крестьян без помощи со стороны государства усугубило их положение. Надеясь спастись, многие устремились в город, но попали в него далеко не все, да и поддержки не получили: город к этому времени уже жил по карточкам и урезанной норме. О том, что люди пухли и умирали с голоду, я могу свидетельствовать, так как дважды видел умирающих прямо на улице. Что же касается горожан, то они кое-как перебивались: кто имел драгоценности и сдавал их за продукты в торгсин, кто ловчил, кому-то, как, к примеру, нам, просто повезло.

Под конец засухи, уже в конце августа или даже в сентябре, по югу Украины пронесся ураган, и обычно спокойный Южный Буг, на котором стоит Николаев, превратился в бушующий океан, из-за чего потонуло до десятка барж, груженных высокосортной пшеницей, которая предназначалась для вывоза за рубеж. Когда стихия утихла, баржи подняли и непригодное не только для экспорта, но и для хлебопечения зерно бесплатно раздали рабочим порта с учетом состава семьи. Отец привез домой целый воз этой пшеницы, долго сушили ее на крыше дома и во дворе, а потом мололи на ручной мельнице типа кофемолки или толкли в ступе и таким образом заимели ощутимую прибавку к норме, получаемой по хлебным карточкам. Сперва чуть ли не объедались лепешками из Богом посланной муки, потом они в рот не лезли из-за специфического привкуса, который вначале не ощущался, но сработала поговорка голод – не тетка, и мука постепенно ушла в дело.

Память о 1933 годе сохранила не только очереди за хлебом, которые были и в ночное время, то есть кто-то из членов семьи обязательно стоял возле магазина, дабы не потерять очередь на завтрашний

день. Помнится также очередь морских и океанских судов, которые загружал хлебом в то время самый большой в стране Николаевский элеватор. Это не могло не вызвать у горожан возмущения. Но явного протеста не было то ли потому, что люди предпочитали молча голодать, то ли были бессильны что-либо предпринять. Портовые же рабочие, особенно те, кто имел дело с погрузкой зерна, быстро приспособились к этой ситуации: редкий из них приходил домой с пустыми карманами и пазухой, не загруженной зерном. Не исключением из этого был и мой отец, которому надо было кормить шесть человек. Кроме того, в течение зимы 1932/33 года он дважды ездил в Баку и возвращался от братьев с грузом субтропических фруктов, мать продавала их на рынке, и это немного пополняло семейный бюджет. Так что бытующее сейчас в мире мнение "В России все воруют" относится, увы, не только к переживаемому времени. Кстати, квартирных краж тогда было значительно больше, чем сейчас; по ночам жители городских окраин, особенно имевшие скот, организовывали дежурство. Обычными становились воровские шайки.

Сохранила ли что-нибудь моя память о политической атмосфере в советском обществе начала 30-х годов? Пожалуй, да. В основном это было возбуждение, вызванное коллективизацией, раскулачиванием и индустриализацией. Если первые вызывали недовольство, то индустриализация воспринималась как нужное дело и поддерживалась. Она только разворачивалась. Николаев был уже городом полуторавекового возраста со сложившимся составом рабочих, или, как тогда было принято говорить, с кадровым рабочим классом. И, пожалуй, это верно, так как у горожан еще свежи были воспоминания о французских интервентах, расстрелянных ими рабочих, в городе немало людей прошли через горнило революции. Этим можно объяснить, почему он спокойно перенес голод и открытый, поистине циничный для голодающих людей вывоз хлеба за рубеж.

Были в те годы репрессии или что-либо похожее на них? Наш отец был грамотным, некоторое время был членом ВКП(б), но то ли в 1930, то ли в 1931 году его исключили из партии "за поддержку правого и левого уклона в ВКП(б)". Вот уж поистине абракадабра: за поддержку одновременно противоположных уклонов – контрреволюционного и архиреволюционного. Мне понятна причина исключения отца из партии: с крестьянской душой, он не верил в коллективизацию и не таил это, высказывал свою точку зрения на партсобраниях. Но, что надо отметить, в те годы за взгляды, мнения, высказывания и т.п. еще не сажали, предшественнику НКВД – ОГПУ тогда было не до рабочего класса, его острие было направлено в деревню, где шло "уничтожение кулачества как класса". Слушая разговоры взрослых, можно было понять, что в стране происходит не то, на что они рассчитывали, принимая революцию и участвуя в гражданской войне. Обыденному сознанию происходящее было непонятно. По улицам уже ходили нищие, как правило, беженцы из села. Разумеется, никакого культа личности Сталина не существовало, в народе его недолюбливали, даже можно было услышать похабщину о нем. Тем не менее советские памятные даты и праздники отмечались торжественно, всенародно. То же можно сказать и о религиозных праздниках, особенно пасхе и рождестве, хотя атеистическая пропаганда была не в меру воинственной. Как райские годы, люди вспоминали период НЭПа, а многие – дореволюционные годы. Что заставляло задуматься, так это ставшее рефреном изречение "Жил бы Ленин, было б иначе".

Датой, начиная с которой мое сознание стало отмечать политические события в жизни страны, стало первое декабря 1934 года – день убийства Кирова. Об этом я узнал на следующий день в школе. Мне шел одиннадцатый год – возраст, далекий от политики, но с того дня

все значительное, что происходило в стране, оседало в моей памяти. Именно это обстоятельство и побудило взяться за воспоминания.

Хотя голод нашу семью обошел, у отца созрело решение уехать из Николаева и вообще из Украины. Город находится недалеко от государственной границы, и в случае войны здесь не сдобровать, свидетельством чему была история, особенно годы Гражданской войны и революции. Об этом напоминала Площадь 61 коммунара, расстрелянного французскими интервентами. Плюс к этому, южная часть Украины нередко подвергается засухе, подобной пережитой в 1932 году. Еще раз испытать такое родителям не хотелось. Не помню, по каким соображениям выбор отца пал на Петропавловск, что в Казахстане, но в конце лета 1934 года он выехал в том направлении, чтобы ознакомиться с городом, устроиться на работу, а затем привезти семью. Так все и получилось, кроме одной неожиданной детали: он, а затем семья прибыли на постоянное место жительства в поселок Ишимбаево (теперешний Ишимбай). Что послужило причиной столь неожиданного поворота?

Уже в поезде, с билетом до Петропавловска, отец разговорился с соседом по полке, и оказалось, что встретились два земляка, да еще каких! Оба родом из одного села, знали друг друга в детские годы, ровесники, не раз дрались, и оба подростками выехали из малой родины, но в разных направлениях – один на север, другой на юг. Земляк, по фамилии Данилов, в это время работал плановиком-экономистом строящегося первенца башкирской нефтяной промышленности – Ишимбаевского нефтеперерабатывающего завода. Узнав от Данилова, что представляет собой рабочий поселок Ишимбаево, каковы его перспективы и что там нет проблемы ни с трудоустройством, ни с жильем, да еще поддержка близкого человека, отец круто меняет свой маршрут и вместе с Даниловым приезжает в Ишимбаево. Через три

месяца он приехал за нами, а в декабре 1934 года мы уже прибыли к новому месту жительства. Отец работал бригадиром слесарей на строящейся электростанции, существующей и по сей день. Мы въехали в уже готовую квартиру в доме, построенном самими новоселами. По стандартам того времени это была вполне нормальная квартира.

В Ишимбаево мы словно оказались в другом мире: рынок был полон сельскохозяйственных продуктов и живности, причем по доступным квалифицированному рабочему ценам. Мука, картофель, овощи, мясо, птица – все то, о чем, когда мы уезжали с Украины, и мечтать не могли. А мед в долбленных бочонках и много другой снеди, изделий сельских умельцев! Здесь для нашей семьи, не претендовавшей на особый ассортимент продуктов, всего было в изобилии. Правда, оговариваюсь, что это изобилие было доступным не всем. Так, в классе, в который меня определили, до десятка учеников получали в школе бесплатное питание из-за низкой обеспеченности семьи. Но нам, распродавшим перед отъездом в дальний путь все, что не укладывалось в два сундука, жаловаться на отсутствие денег не приходилось.

Не могу без улыбки вспоминать начало моей учебы в ишимбаевской школе № 1, тогда единственной в поселке. Школа была переполнена, меня с трудом приняли лишь благодаря табелю успеваемости: там были одни пятерки. Почти как римского триумфатора завуч школы приводит меня в класс и поздравляет учительницу и детей с первым круглым отличником. Меня на следующий же день выбирают старостой класса. Доволен класс, довольна учительница, доволен "триумфатор". Но вот через несколько дней проводится диктант, и новоявленный отличник делает в нем 34 ошибки. "Роковую" роль сыграло не только то, что я рос на Украине, но и учился в школе на украинском языке. Хотя я вскоре реабилитировал себя как отличник и четвертый класс закончил с похвальной грамотой, но диктанты на "отлично" писать не научился...

Только что родившийся рабочий поселок вобрал в себя немало раскулаченных и бежавших от колхозного рая. Специалисты же съезжались сюда преимущественно из Баку и Грозного, других нефтяных центров. Страна создавала так называемое Второе Баку; рассчитывали – со слов самого академика Губкина – на то, что нефти здесь хватит, как минимум, лет на сто.

Мы быстро обустроились на новом месте, в квартире загорелась "лампочка Ильича", заговорила знаменитая "Зорька" – популярный репродуктор в довоенные времена. Как-то вечером, за ужином, отец с удовлетворением произнес: "Наконец-то рабочий класс зажил по-человечески".

Должен отметить, что и обстановка в стране в целом в те годы была спокойная. Убийство Кирова страну и народ не потрясло, как это было представлено позже. Кирова вообще мало кто знал, хотя он был секретарем ЦК ВКП(б) и возглавлял Ленинградскую областную парт-организацию, а до нее работал в Баку. В сообщении, что убийство совершено контрреволюционной организацией, поверили. Кого и сколько расстреляли из-за Кирова, народ не интересовало. Да и карательная система тогда еще не разрослась до гигантского спрута, каким она стала в 1937-1938 годах. Предельным сроком лишения свободы были 10 лет, суды еще не свирепствовали, а троек не было. Помню, как летом 1936 года по линии НКВД арестовали нашего соседа, как тогда говорили, за язык, да еще, как назло, он не успел привести в порядок квартиру после ремонта, и при обыске портрет вождя мирового пролетариата обнаружили не на стене, а под кроватью. Ну разве не враг – решили доблестные чекисты ..., и сосед был приговорен к четырем годам лишения свободы. Трудно представить, какой срок ему дали б, случись это в 1937 году.

Еще помню слова Сталина, произнесенные им на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников: "Жить стало лучше, товарищи, жить

стало веселее". То была суцая правда. Народ почувствовал облегчение после пережитого в предыдущие годы. Это позволило Сталину и созданному им карательному аппарату подготовить и без помехи провести печально знаменитые московские процессы. После уничтожения видных партийно-государственных деятелей, стоявших в оппозиции к Сталину или подозреваемых в этом, в 1937 году под нож пошли многие партийные и советские деятели на местах, верхушка командования Красной Армии и Флота. Заработала сталинская мясорубка...

Вне связи с этими событиями первая беда пришла в нашу семью летом 1936 года, когда отец на работе получил травму глаза. Лечение не помогло, и ему пришлось согласиться на удаление пострадавшего глаза, иначе воспаление могло перейти на здоровый глаз. Так отец стал инвалидом, о работе слесарем не могло быть речи. Но без работы не остался. К тому времени он стал депутатом поселкового совета, числился в рабочем активе, был бригадиром стахановской бригады, и руководство поселкового совета предложило ему должность налогового агента. Вчерашнему рабочему обходить дома, собирать налоги с кустарей пришлось не по душе, и после непродолжительного пребывания в этой должности его назначили инспектором по животноводству. За таким названием стояла несложная, но нужная населению работа – контроль за работой пастухов, организация их труда, обеспечение деятельности случного пункта. Эта должность пришлась отцу по душе, он энергично принялся за нее; хотя зарплата была невысокая, но вместе с пенсией, которую он стал получать по инвалидности, достаток семье был обеспечен.

Вторая половина 30-х годов, по моим представлениям, была самой яркой страницей довоенной истории нашей страны. Жизнь, действительно, стала лучше, чем в годы коллективизации и раскулачивания, репрессии коснулись не всех, и они к тому же получили такую мощную пропагандистскую поддержку, что большинство людей верило в опасность, исходящую от "внутренних врагов" - "шпионов", "ди-

версантов", бывших кулаков и подкулачников, троцкистов и т.п. Вся эта выдуманная братия обобщалась термином "враги народа", заимствованным из лексикона французской буржуазной революции конца XVIII века. На растущую шпиономию и "разоблачение" врагов всех мастей заработали художественная литература, кино, по сути все средства массовой информации, воздействия на сознание людей. В те годы быстрыми темпами росла промышленность, улеглось возбуждение на селе, и правящая партия умело использовала значительные события, происходившие в жизни страны и народа. А их было немало. Первым назвал бы челюскинскую эпопею (1934 год), в качестве аналога которой можно привести события, происшедшие в наше время с подводным крейсером "Курск". Тогда же в плену льдов Восточно-Сибирского моря оказался ледокол "Челюскин" с экспедицией полярников на борту. Возглавлял экспедицию академик О.Ю.Шмидт. Вырваться из ледового плена кораблю не удалось, экспедиция и команда ледокола перешли на лед, успев взять все необходимое для оборудования ледяного поселка. Так возник лагерь Шмидта. "Челюскин" затонул, при этом погиб лишь один человек из состава команды. Лагерь Шмидта ежедневно по радио сообщал о борьбе за выживание. За его сообщениями и ходом подготовки спасательных работ с напряжением следила вся страна. После нескольких месяцев пребывания на льдине челюскинцы были эвакуированы на большую землю самолетами. Москва восторженно встречала героев-челюскинцев, в их честь был устроен прием в Кремле, руководители экспедиции и корабля были отмечены высокими наградами. Одновременно было учреждено звание "Герой Советского Союза", первыми героями стали летчики, доставившие челюскинцев на континент.

В 1935 году зародилось стахановское движение, получившее такое название в честь его зачинателя – забойщика одной из шахт Донбасса Алексея Стаханова, добывшего за смену несколько дневных норм угля. Это движение, немедленно поддержанное руководством

страны, средствами массовой информации, просуществовало вплоть до Великой Отечественной войны. Не берусь судить о его тонкостях, официально оно толковалось как борьба за лучшую организацию труда, повышение его производительности, лучшее использование техники и каждой трудовой минуты и т.п. Но что характерно, стахановское движение породило встречное ему "движение" сверху: снижение расценок за единицу выработанной продукции, поэтому зарплата рабочих росла медленнее производительности труда. Стоило в цехе или бригаде одному-двум рабочим заметно превысить норму выработки, как ее тут же увеличивали, заставляя и других рабочих подниматься до уровня отличившихся. Это, несомненно, сдерживало трудовую инициативу рабочих. Тем не менее стахановское движение, особенно на первых порах, сыграло положительную роль во всех отраслях народного хозяйства. Лишь в послевоенные годы оно постепенно пошло на убыль и прекратилось.

В описываемые годы мы в буквальном смысле жили в атмосфере истинных и мнимых успехов социалистического строительства, науки и культуры. Наши летчики совершали беспосадочные перелеты через Северный полюс в Америку, полярники высаживались на полюс и дрейфовали почти до Гренландии (четверка папанинцев), а женский экипаж в составе В.Гризодубовой, П.Осипенко и М.Расковой совершил также беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток. Иными словами, общество, народ всегда получали удовлетворение от каких-то свершений, трудовых достижений, рекордов. А победы скрипачей на конкурсе в Брюсселе в 1936 году, затем пианистов на конкурсе имени Шопена в Варшаве! На весь мир звучали имена наших музыкантов, слава Большого театра, особенно его балета. Гордиться было чем.

Когда сейчас критикуют советский строй, то нередко впадают в крайности, забывая или же не желая говорить о том, что при нем было хорошего. К уже сказанному назову расцвет культуры. Не привожу

статистические данные, это не материал воспоминаний: ссылаюсь на то, свидетелем или участником чего сам был.

В рабочем поселке если не ежегодно, то по мере его роста вводились новые школы; в школе № 1, в которой я учился, библиотека постоянно пополнялась книгами. Я состоял в активе библиотеки: помогал библиотекарю выдавать книги, следил за состоянием подшивок газет, вместе с другими активистами ремонтировал книги. Библиотека росла как на дрожжах, причем поступала как отечественная, так и зарубежная литература. В.Скотт, Ж.Верн, Э.Золя, О.Бальзак, В.Шекспир... Каких только писателей я ни перечитал, учась еще в средних классах! Не называю отечественных авторов, творчество которых изучалось на уроках литературы. В школьные годы я стал постоянно читать журналы "Техника молодежи", "Знание – сила", "Огонек", не говорю уже о детской и юношеских изданиях.

Но особенно с душевной теплотой вспоминаю уже упоминавшийся репродуктор "Зорька", висевший в нашей квартире почти до пятидесятых годов. В советские времена радио было под контролем не только политики, но также нравственности и культуры. В радиопередачах, транслировавшихся на всю страну, не было ни чернухи, ни порнухи. И хотя политическая обработка с помощью радио велась до тошноты, его культурный вклад в жизнь народа неоспорим. По радио мы могли знать все важнейшие новости в стране и в мире, в передачах преобладала оптимистическая тональность (если не слишком оптимистическая, которая тоже приедалась). Но этот порок компенсировался содержательными передачами, посвященными науке, культуре, литературе; часто транслировались спектакли, оперы, концерты народной и классической музыки, выступали деятели из различных сфер общественной жизни.

Меня природа одарила музыкальной чувствительностью, и появление в квартире радио дало простор развитию этого качества, сохранившегося и до сегодняшних дней. Вначале меня трогали передачи с

участием замечательной исполнительницы русской народной песни О.В.Ковалевой, хора имени Пятницкого, ансамбля красноармейской песни и пляски Красной Армии под руководством А.В.Александрова. Затем мне понравился Турецкий марш Моцарта, несколько отрывков из оперы "Кармен", стали нравиться романсы русских композиторов. Учась в восьмом классе, я как-то прильнул ухом к репродуктору и не мог оторваться от звуков щемящей душу музыки. Когда произведение закончилось, узнал, что это была Неоконченная симфония Шуберта. Так за пять лет, без наставника, слушая несовершенное звучание примитивного технического средства, я в своем культурном развитии прошел путь от увлечения народной и популярной песней к восприятию произведений крупной формы, составляющих вершину музыкальной культуры. Учась перед войной в Уфимском железнодорожном техникуме, я прослушал весь репертуар нашего театра оперы и балета, до конца дней своих запомнил художественного руководителя и главного дирижера театра П.М.Славинского, а в поздние годы, в каком бы крупном городе ни был, первым долгом стремился попасть в оперу или на симфонический концерт. Эту страсть сохранил и до сегодняшних дней. Примитивная "Зорька", затем радиола, долгоиграющие и стереофонические пластинки и наконец компактдиски выработали во мне то отношение к музыке, которым как-то поделился уважаемый мной писатель Чингиз Айтматов. Читаем в его "Тавро Кассандры": "... музыка – это одна из неисчислимых трансформаций солнечной энергии... она исходит из недр Вселенной, а композитор, как радар, улавливает музыку из космоса, формирует ее, гармонирует, делает ее конкретно звучащей. Иначе говоря, музыка – это звуковое преобразование вселенского Пространства и Времени.

... Когда человек слушает музыку, погружается в нее, он вступает в надличностную категорию времени, он включается в течение бесконечности, и жизнь его удлиняется в соприкосновении с вечностью..."

Пусть своими рассуждениями Ч.Айтматов уводит нас в мир не всем понятных абстракций, тем не менее представляется, что никто так глубоко и понятно не выразил сущность этого вида искусства.

Зародившаяся в детстве любовь к музыке потянула меня к балалайке, в те годы самому распространенному русскому народному инструменту, который ныне можно встретить разве только в музее, затем к мандолине, постигшей ту же участь, и наконец в школьный струнный оркестр. Разумеется, нот мы не знали, играли на слух. Оркестр всегда участвовал в школьных вечерах, под него танцевали на большой перемене. По тем временам, когда радио только входило в нашу жизнь, а усилительная аппаратура отсутствовала, в школе и самодеятельный струнный оркестр представлял ценность. Не могу не вспомнить такой эпизод. На школьном вечере ведущий объявляет: "А сейчас ученик седьмого класса Гриша Ников и Ксения Маркелова исполнят арию из оперы "Кармен" французского композитора Бизе". И вот мы – я на мандолине, а Ксения на гитаре – исполняем на слух подобранную мелодию популярной хабанеры. Всякому, сколько-нибудь знакомому с музыкой, такой "опус" покажется по меньшей мере комичным, так как арию двое не исполняют, к тому же вокальные произведения исполняются голосом, а не на инструментах. Но Гриша Ников с Ксенией Маркеловой находились на седьмом небе от собственного успеха, ликовала и аудитория.

На годы моего отрочества пришлось принятие в декабре 1936 года Конституции СССР, вошедшей в нашу историю под названием сталинской конституции. Ее проект был опубликован за несколько месяцев до VIII Чрезвычайного съезда советов, как тогда говорилось, для всенародного обсуждения. Не только мои сверстники, но и абсолютное большинство взрослых до этого слово "конституция" не знали. Существовавшие конституции РСФСР и СССР принимались в 1918 и в 1924 годах, но их успели забыть. Всенародное обсуждение состоялось как тщательно заорганизованная компания, а не выражение подлинных инициа-

тивы и отношения к обсуждаемому вопросу. Всюду проводились заранее спланированные собрания с назначением ораторов и содержания выступлений. Эту работу проводили партийные организации, они же отвечали за качество выступлений, активность собравшихся. Иными словами, спектакли, после которых все последующие мероприятия подобного рода (предвыборные собрания, обсуждения партийно-правительственных постановлений, выражение гнева по поводу мирового империализма, а до некоторых пор и германского фашизма) проходили по такому, то есть заранее подготовленному, сценарию. Особенно дружно проходили "стихийно возникшие" митинги и собрания, на которых трудящиеся требовали самой суровой кары "врагам народа" и их приспешникам, или же изъявляли готовность подписаться на очередной государственный займ. На этих мероприятиях возражавших принимаемым решениям никогда не было. Именно с этих лет начала складываться атмосфера, получившая впоследствии название "морально-политическое единство советского народа".

И вот 30 ноября 1936 года открывается Чрезвычайный VIII съезд советов. Заранее население по месту работы и жительства было поставлено в известность о том, что доклад И.В.Сталина на съезде будет транслироваться по радио. Снова организационная работа парт-организаций и советов всех уровней, чтобы обеспечить возможность каждому советскому человеку услышать вождя. Так оно, пожалуй, и было: в учреждениях, школах, больницах и на улице – всюду, где можно было установить громкоговорители, страна с замиранием духа слушала вождя. Неожиданностью для всех явилось, что вместо ожидавшегося громкого голоса, на что настраивали фотографии и портреты вождя, до слушателей доносился слабый сиплый голос. Впервые я был свидетелем того, как, стоило председательствующему на съезде предоставить слово И.В.Сталину, зал взорвался от аплодисментов и выкриков "Да здравствует товарищ Сталин!". Всеобщее ликование длилось свыше четверти часа. Доклад постоянно преры-

вался аплодисментами и возгласами, одобряющими слова вождя. Можно утверждать, что VIII чрезвычайный съезд советов возвестил стране о том, что культ личности Сталина сложился. Соперники и противники были убраны, никто не смел без похвалы отозваться о вожде, его портреты висели повсюду, бюсты украшали залы для торжественных мероприятий. На этом фоне даже Ленин отошел на второй план. После принятия конституции она изучалась членами партии и беспартийными через систему партийного просвещения, в качестве учебного предмета была введена в школе.

Сталинской конституции история уже дала оценку. Это была конституция, которая в части гражданских прав, демократических свобод, избирательного права и других не менее важных позиций осталась на бумаге. Впервые проведенные в декабре 1937 года выборы в Верховный Совет СССР на основе этой конституции продемонстрировали сущность советской избирательной системы: в списке кандидатов – одна-единственная фамилия, подтасовка результатов голосования, право участия в выборах подменяется обязанностью проголосовать. Фиктивной была система власти, нарисованная конституцией, потому что в центре и на местах власть была полностью сосредоточена в руках коммунистической партии, ее центральных и местных органов. Широко разрекламированное право на труд фактически вылилось в свою противоположность – в обязанность трудиться без достойного вознаграждения за труд. Уклонение же от такого труда рассматривалось антиобщественным злом и подвергалось административному воздействию. Вспомним хотя бы борьбу с так называемым тунеядством в последнем периоде советского строя. И все это громогласно выдавалось за демократию, вернее за социалистическую демократию и подлинное народовластие.

В исторической и мемуарной литературе при характеристике 1937-го года не упоминается одна существенная деталь. Сейчас с этим

годом ассоциируются только репрессии. Но это был самый урожайный год за всю довоенную историю, а колхозникам столько выдали хлеба, что они вспоминали его много лет спустя. В иных колхозах тогда на трудодень выдали по восемь и больше килограммов зерна. Когда и где еще было подобное после 1937 года! Можно предположить, что, замышляя большой террор, Сталин нуждался в надежном тыле, поддержке народа, и сельское население, получив от колхозов хлебный дар, сомнений у вождя не вызывало. Но хлебный и иной колхозный рай прекратился сразу же после советско-финской войны, а материальное вознаграждение за труд на земле приняло символический характер. По этой причине, а также из-за хронического отставания села от города усилился отток крестьян в город, который испытывал постоянную потребность в рабочей силе. Сложилась сохранившаяся до наших дней традиция: парень растёт в селе, через некоторое время после окончания школы его призывают в армию, и больше в село, в отчий дом он не возвращается, оседает в городе. Постепенно из-за этого окружавшие Ишимбай села исчезли либо поредели.

Роковой 37-й

День 25-го июня 1937 года удался солнечным, умеренно жарким, еще отдающим весенней свежестью. В нашей семье был хороший настрой, ничто не предвещало драмы, которую вписал этот день в ее жизнь и память. Началась она тем, что увели отца. Навсегда.

Можно встретить мнение, что тема сталинских репрессий себя исчерпала, к ней теперь ничего не прибавить, остается только муссировать, пережёвывать одно и то же. Заблуждение, которому есть чем возразить!

События, подобные сталинским репрессиям, выходят за пределы времени и территории, которыми они ограничены. Их последствия чувствовал и долго еще будет чувствовать мир. Хотя ушло поколение, испытавшее репрессии на своей судьбе, и на исходе поколение, окунувшееся в их последствия, это вовсе не значит, что наша и другие страны гарантированы от повторения подобного зла. Достаточно вспомнить Мао Цзедуна, Чаушеску, правителей Северной Кореи, а также других, продемонстрировавших, насколько заразителен сталинизм как разновидность тоталитаризма. Мир всегда чреват опасностью возродить произвол и беззаконие.

Происходящий на наших глазах и при нашем участии научно-технический прогресс, как это ни странно, не сопровождается нравственным прогрессом, скорее наоборот. Сегодня реальную опасность представляет агрессия технократического мышления, проникающего во все сферы человеческой жизнедеятельности. И как тут не вспомнить предостережение Никиты Моисеева: "Это хорошо, что машина может

думать, как человек; плохо, что человек начинает думать, как машина". Машиноподобные люди уже заявили о себе терроризмом как средством решения политических и национальных вопросов, и нет гарантий, что эти люди когда-нибудь по доброй воле прекратят террор, направленный против всех инакомыслящих и инаковерующих.

Сталинские репрессии - это историческое действие, истинные масштабы которого определить невозможно. Все еще продолжаются споры, какое количество людей ими были поражены, какими "параметрами" руководствоваться при определении, кого считать подвергавшимся репрессиям и преследованиям и др. В этом смысле можно провести некоторую параллель между Великой Отечественной войной и репрессиями: они пока изучены как события исторического масштаба. С достаточной полнотой освещены свершения полководцев и политиков, но явно недостаточно "окопной правды" – деталей войны, скрытых от маршалов и генералов. Что же касается репрессий, то осталось в живых слишком мало их жертв, где бы они тогда ни находились: по ту или по эту сторону колючей проволоки. Поэтому хочется поделиться деталями, свидетелем и жертвой которых была наша семья.

Еще до потери глаза, будучи депутатом поселкового совета, отец попал в поле зрения и покровительство секретаря поссовета Г.П.Дворникова. Ненамного моложе отца, начал трудовую жизнь пастухом, чем до конца дней своих гордился. Через участие в комбедде смог продвинуться, дорос до секретаря сельсовета. Порядком нажил на раскулачивании и с началом строительства поселка Ишимбаево, входившего в 30-е годы в состав Стерлитамакского района, получил должность секретаря поселкового совета. Коммунист, бывший пастух, без признаков порядочности – что еще надо было для роста в начавшей в то время складываться административной системе?

Не могу сказать, что побудило Дворникова приблизить к себе отца, вызвать его расположение. При его содействии наша семья приобрела с оплатой в рассрочку квартиру в двухквартирном доме. Соседя-

ми стали Дворниковы. Было несколько совместных застолий. Располневший, самодовольный, всегда во френче, называвшемся в те годы сталинкой, и в хромовых сапогах, он, несомненно, чувствовал себя наверху блаженства. Отец слишком поздно узнал об основном ремесле этого человека – доносительстве.

Сперва соседство протекало нормально. Но вот в мае 1937 года Дворников распорядился завезти в его двор воз сена, предназначенного для случайного пункта. Отцу не дано было понять, как можно это сено свалить для коровы секретаря поселкового совета? Доложил председателю совета. Тот сделал Дворникову внушение, потребовал возместить стоимость сена. После этого отношения между соседями приняли натянутый характер.

Невежественный и малограмотный, Дворников не справился с работой секретаря райисполкома после реорганизации поселка в районный центр, но до ухода на пенсию не выпадал из обоймы горкома партии: занимал должности, означавшие в те годы находиться на вторых ролях (заместитель директора по общим вопросам, по хозяйственной части и т.п.). При этом продолжал заниматься охотой на людей. Благо, существовали органы, нуждавшиеся в услугах таких специалистов.

Отца, как уже упоминал, арестовали 25 июня 1937 года. Привожу воспоминания брата Николая: "Где-то после полудня отец, мать и я сидели на кухне, и вдруг входит милиционер в типичной для тех времен форме. Это был старший лейтенант Максютков. Он вручает отцу какую-то бумажку (очевидно, ордер на арест). Обходит обе наши комнаты, в которых стояли два топчана, стол, сундук и несколько табуреток, садится за кухонный стол и начинает описывать имущество (без понятий). Единственным не занесенным в опись предметом было старое настенное зеркало, которое висело за его спиной.

Закончив обыск, он взял с собой документы, несколько каких-то бумаг - и увел отца. Если мне не изменяет память, в тот день исчезли

и похвальные листы отца и матери, которыми они были награждены за успехи еще в церковно-приходской школе...

Кстати, – продолжает брат, – я хорошо запомнил фамилию милиционера, производившего обыск и арест. По непредсказуемым обстоятельствам судьбы через много лет я со своей семьей жил в коммунальной квартире рядом с семьей его дочери. И сейчас иногда встречаемся на улицах города. Она и по сей день не знает, что ее отец увел моего. Разве этот исполнитель был виновен?.."

Арест был произведен днем, а не ночью, как обычно аресты НКВД описываются в литературе. Я присутствовал в конце этой печальной процедуры. Могу засвидетельствовать, что работник милиции вел по отношению нас и отца корректно, с вещами обращался аккуратно, разрешал выходить во двор. Все было настолько контрастно по сравнению с описаниями, приведенными во многочисленных воспоминаниях об арестах 37-го года, что даже становится непонятным прочитанное. Вероятно, провинциальным чекистам было далеко до профессионального мастерства собратьев из центрального аппарата НКВД.

Вечером того же дня Дворников, придя с работы, через невысокий забор, разделявший наши дворы, выразил матери свое удивление по поводу происшедшего и задал почти риторический вопрос, что бы это могло означать? Ведь Петр Пантелеевич такой честный и порядочный человек. Наверное, все уладится, когда органы НКВД разберутся в деле. Не сомневаюсь, что по искусству перевоплощения Дворников намного превосходил библейского Иуду. В ответ на его риторiku мать недвусмысленно сказала, что нам известно, кто и за что посадил отца. Пусть этот человек торжествует сейчас. Рано или поздно ему придется поплатиться за свою подлость. (Кстати, поплатился ли он? В конечном счете, да. Неудачно сложилась жизнь всех его четырех детей: двое из них рано умерли; сам он в последние годы жизни

был одинок; соседи узнали о его смерти, когда по дому стал распространяться трупный запах).

После этого разговора всякое общение между соседями прекратилось. День ареста отца стал самой тяжелой, трагической датой в жизни нашей семьи. Тогда мы еще не думали, что его увели навсегда. Хороший семьянин, любящий муж, заботливый отец, авторитетный среди знавших его людей - таков далеко не полный перечень его личных качеств. Никак не укладывалось в голове, что он враг народа, а печать и радио упорно вбивали в сознание людей жупел классовой борьбы, якобы усиливающейся по мере наших побед и достижений в социалистическом строительстве. Пускала глубокие и ядовитые корни шпиономания, требовавшая от советских людей проявления бдительности даже в кругу родных. Именно в это время снова на щит был поднят Павлик Морозов, написавший донос на своего отца. На финишном отрезке своей жизни могу с чувством достоинства сказать, что ни разу я не усомнился в честности отца. Уже тогда, подростком, понимал, что он, выходец из самых глубин русской народной жизни, нес в себе лучшие черты этой жизни и народности. И, конечно же, понимал, что произошло страшное недоразумение по прихоти негодяя. Надеялись, что самые справедливые в подлунном мире органы НКВД разберутся и расставят акценты. Затем эта уверенность сменилась другой, выражаемой пословицей: лес рубят - щепки летят. Конечно, в стране орудуют враги народа, хотят разрушить наше государство, и их надо истреблять. Но могут пострадать и честные люди, подобные отцу.

В те дни мать делилась своими раздумьями со мной, тринадцатилетним подростком. Она считала, что существует одно обстоятельство, которое вернет нам отца. На что она надеялась?

В самом начале 1937 года он написал письмо в редакцию газеты "За индустриализацию" (впоследствии "Социалистическая индустрия", после "Правды" и "Известий" это была одна из популярных га-

зет). В письме отец сообщал о недостатках и беспорядках, которых много было в рабочем поселке Ишимбаево. Плохо обстояло со снабжением, особенно хлебом, коммунальным и медицинским обслуживанием, поселок утопал в грязи. Мать и я знали о письме. Между прочим, мать отговаривала его от этого шага, приводя в обоснование своей позиции всю силу женской логики. Через некоторое время отцу пришел ответ редакции, в котором сообщалось, что письмо направлено в Главнефть (существовал такой главк до создания Наркомата нефтяной промышленности) и предлагалось ждать ответ. Он пришел месяца через два, однако снова из редакции, а не из Главнефти. Отца благодарили за сигнал, который помог разоблачить врагов, орудовавших в поселке Ишимбаево.

Действительно, в Ишимбаево было арестовано к этому времени почти все руководство и нефтепромысла и поселка. Еще помню фамилии арестованных (Р.З.Бучацкий, Л.Р.Буерогло, А.И.Захаров, И.И.Коннов, А.Ф.Борзенко и др.). Разумеется, их арестовали не по письму отца. В это время аресты начались повсеместно. Но допускаю, что письмо подлило масла в огонь. Впрочем, помню и фамилию Барина - начальника Главнефти, который тоже был арестован в это время.

Своим письмом отец надеялся улучшить положение дел в рабочем поселке, а оказался причастным к грязному делу. В связи с этим еще одна дополнительная деталь. На второй день после ареста мать собрала переписку с редакцией "За индустриализацию" и отправилась в отдел НКВД. Эти письма должны были, как ей казалось, свидетельствовать о том, что наш отец не мог быть причастным к деятельности врагов народа. Бумаги приняли, но больше их никто не видел, в деле их не оказалось. Не на дураков напала! Узнав о пропаже документов, мать дважды обращалась в редакцию с просьбой прислать копию переписки. Ответили, что такие документы частным лицам редакция не выдает. Нужен запрос компетентных органов. Но "компетентным органам" они были не нужны...

Отца увели. Что в такой ситуации делает вдова при живом муже? Обращается в производивший арест орган за разъяснением происшедшего, добивается свидания или хотя бы разрешения на передачу. Так мать и поступила. Но где там разъяснения, свидания и передачи! Вот теперь события покатались по накатанной дорожке, как ее рисует мемуарная литература. Грубость, молчание, отказы. На всю жизнь в память матери врезался начальник отдела НКВД, к которому вынуждена была не раз обращаться. (Думается, негативная аттестация шефа сталинских опричников в Ишимбаево не навеяна обидой личного плана. О нем, но уже в роли начальника особого отдела Башкирской кавдивизии, я наслушался от шофера, возившего его на Сталинградском фронте. Аттестация та же). Никто ничего не говорил и не принимал. Если и удавалось что-либо узнать, то только из уст таких же страдальцев, как и мы. Кого-то освобождали, и он передавал привет от отца; кто-то приносил от него записку, пришедшую по нелегальным каналам связи, всегда существовавшим между волей и неволей.

Два с лишним года, а если точнее – 26 месяцев прошло от ареста до суда, вынесшего приговор. Пожалуй, это самое странное и непонятное обстоятельство в деле отца. Столько времени не требовалось для подготовки московских процессов, суда над высшим командованием Красной Армии, над руководством Башкирской АССР, а уж о руководстве Ишимбаево и говорить не приходится. Следователи блестяще раскручивали дела, заставляли "раскалываться" не только германских или японских "шпионов", заговорщиков всех мастей, но даже новозеландскую, гвинейскую и прочую злокозненную агентуру. А здесь, в деле всего-навсего за язык (словосочетание того времени - Авт.) - и 26 месяцев! Вероятно, массовыми арестами были созданы стратегические запасы "врагов народа" и постепенно их перерабатывали.

Когда мы убедились, что отец арестован не вследствие недоразумения, но основательно и надолго, когда мать предостаточно наслушалась хамства в отделе НКВД и в милиции, она стала писать куда

только могла. В первую очередь, разумеется, Сталину, затем Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И.Калинину (кстати, собрату по несчастью, потому что его жена тоже попала в тюрьму по 58 статье и просидела почти весь срок, 10 лет), не оставила в покое и Генерального прокурора страны А.Я.Вышинского, сыгравшего гнусную роль в событиях того времени. Ни от кого ответа не получили, письма как в воду канули. Правда, до нас дошел слух, что дело отца к концу 1937 года следствием было закончено, и он должен был предстать перед "тройкой" – порождением сталинского гения, – выносившей менее чем за полчаса смертные приговоры или 25 лет лишения свободы. Что-то его спасло от этого судилища, вскоре и сама тройка была упразднена, а дело отложено в дальний ящик.

Первый суд состоялся 22 января 1939 года, если это слово применимо к тому, что тогда произошло. Мы знали о дне суда и дежурили вблизи милиции. Каково же было удивление, когда увидели, что из милиции в сопровождении трех милиционеров вывели группу из пяти человек. Впереди шел отец – бодро, почти чеканя шаг, с отросшей черной, как смоль, бородой. Вошли в здание нарсуда. Не прошло и часу – их вывели обратно. Что бы это значило? Ведь тройки уже завещали долго жить, да и они вряд ли "обработали" бы за такое время пять человек. Оказывается, все обвиняемые в один голос заявили суду, что они друг друга не знают, их искусственно объединили в группу, и они отказываются отвечать на вопросы суда. Требуют переследствия. Суд согласился с заявлением всей пятерки и вынес решение направить дело на следствие.

Первая атака НКВД была отбита. По тем временам случай необычайный. Второй суд проходил 2 апреля 1939 года. Опять на скамье подсудимых сидела пятерка. Трое (Барышников, Зеткин, Майский) были оправданы, а дело отца и Ладыгина еще раз направлялось на следствие. Можно допустить, что судьи не рискнули оправдать всю пятерку, двоих задержали, но не осудили. Третий суд состоялся 22 апреля. В ито-

ге оказался на свободе и Ладыгин. Опять дело отца направляется на следствие. Наконец, последний суд и приговор 22 августа 1939 года. Отца снова увели под конвоем, но уже не как подсудимого, а осужденного. Зек в собственном смысле этого слова.

Отца приговорили к восьми годам лишения свободы. Много это или мало по тем временам? В 1937 г. был установлен предельный срок 25 лет. Срок же, который по 58-й статье получил отец, в те годы был почти минимальным. Знаю лишь один случай подобного приговора. Родственник жены, деревенский балагур и остролов по кличке Сорока, отец многодетного семейства, в 1942 году был осужден за “антисоветские разговоры”. Из-за проливных дождей он высказывал опасения, что не будет урожая. Ну как же не контра, не вражеский лазутчик, распространяющий панические настроения! Впрочем, как и отец, был инвалид и тоже погиб в лагерях.

После суда мать побывала еще раз в Стерлитамаке, ей было разрешено свидание. Отец держался бодро, успокаивал ее, заверял, что еще проживут вместе. Через некоторое время мы получили от него письмо из колонии N 10, что была на территории нынешнего Орджоникидзевского района Уфы. Теперь у нас была с ним открытая переписка. Кажется, лимита на письма не было. Изредка мать высылала ему переводы по 30 рублей, отправили несколько посылок.

В 1940 году я поступил учиться в Уфимский железнодорожный техникум и в течение года несколько раз встречался с отцом, получая разрешение на свидание, или же привозил передачу, находил место работы (это была ручная копка траншей под городские коммуникации), перебрасывались фразами. Не могу сказать, что охранники были грубыми. Все-таки люди и, наверное, сочувственно относились к заключенным. Больше того, иногда разрешали передать пирожки с ливером, которыми тогда на многих углах торговали.

Похоже, физически и душевно отец мужественно переносил невзгоды заключенного. Был бригадиром. Но с началом войны резко ухудшились

условия содержания в лагерях, особенно питание. Стал реже писать, последнее письмо было полным отчаяния. И как-то ночью, в конце февраля 1942 года мать разбудила нас с братом и сказала, что наш отец умер. Об этом один из заключенных сообщил письмом своей жене.

Буквально на следующий день мы запросили колонию. Нам подтвердили факт смерти, предложили приехать за личными вещами.

Может, покажется необычной и такая деталь дела нашего отца. Мы привыкли к описаниям ночных арестов, расстрелам и осуждению на 25 лет без права переписки. Как правило, от ареста до суда проходило немного времени, иногда считанные дни. А пресловутые 25 лет без права переписки, фактически означавшие осуждение к расстрелу... И как правило, семья ничего не знала о жертве беззакония. В нашем же случае все было иначе, но только иначе, а не лучше, потому что отца тоже не стало.

В 1955 году я направил в Прокуратуру РСФСР заявление о пересмотре его дела. Сообщил о нем и деле все, что мне было известно. Окончательный ответ был получен в 1957 году. Это была справка о том, что решением Верховного суда РСФСР от 25 июня 1957 года приговор выездной коллегии Верховного суда БАССР в отношении отца отменен за недоказанностью обвинения. Ровно 20 лет, ни дня меньше и ни дня больше, понадобилось славному социалистическому правосудию для того, чтобы восстановить так жестоко и грубо попорченную справедливость!

Немного об участии братьев отца, которых я упоминал в начале повествования. Повторю, что их было четверо: Матвей, Иван, Алексей и Гавриил. Выходцы из социальных низов дореволюционной России, ни в каком отношении не обойденные природой, трудолюбивые, плюс к этому непьющие - они при советском строе стали расти, что я уже отмечал. Самый перспективный из них, Алексей, был воспитан комсомолом и партией, в которую вступил в дни ленинского призыва в нее в 1924 году. С гордостью рассказывал, как его едва не растоптали

верующие, когда он с комсомольскими активистами пытался снять колокола в одной из церквей. Считал себя верным сталинцем. Вспоминаю эпизод, когда два брата – отец и Алексей – размахивали друг перед другом кулаками, отстаивая свою точку зрения на происходящее в стране. Отца дядя аттестовал "бухаринцем", каким эпитетом отец его наградил - не запечатлелось.

И вот в нашей семье несчастье. Сразу шлем письма в Баку и Ялту, просим совета, поддержки. Но ответа не получаем. Снова пишем – и опять молчание. Ивану, который отцу душевно был ближе бакинских братьев, писали еще несколько раз, но безрезультатно. Только в конце 1938 года узнаем причину молчания: колесница репрессий прокатилась по всем братьям.

Секретарь райкома партии, после того как в Баку прошли массовые аресты, был арестован вместе с другими секретарями райкома и вскоре приговорен к 15 годам лишения свободы за "засорение рядов партии антисоветскими элементами" (?!). По злой иронии судьбы приговор отбывал почти в родных краях - в лагерях печально знаменитой Потьмы, что в Мордовии. Просидев девять лет, в 1946 г. умер от пеллагры - лагерной болезни, про смерть от которой говорят, что умер от голода, тоски и холода.

Был также арестован и Иван, капитан Ялтинского порта. Но, просидев год под следствием, освободился, отделавшись основательным испугом. Да еще овдовел, жену без него схоронили добрые люди. Это он, освободившись, сообщил нам в конце 1938 г. о том, что произошло с другими братьями. Сообщил – и больше ни одного письма не прислал.

Наконец, Матвей, директор завода в Баку. Он остался нетронутым бдительным НКВД. Но с руководящей работы его за что-то сняли. Доподлинно известно, что бывший сатрап Сталина по Закавказью Багиров, долгое время занимавший пост первого секретаря ЦК компар-

тии Азербайджана и сам расстрелянный в хрущевские времена, грозился с трибуны партактива выкорчевать корни "никовщины".

Из-за всего случившегося мы не знаем, где находится сейчас наша родня. Возможно, кто-то остался в Баку, а может быть, в числе беженцев находится на территории Российской Федерации. Есть двоюродные братья в Ялте. Приведу и такой эпизод. Старший брат Петр, которого взял к себе в Ялту дядя Иван, из-за обстоятельств, связанных с арестами и войной, не имел с нами связи 23 года. Впервые после длительного неведения друг о друге мы встретились только в 1957 году. Короче, топор сталинских репрессий под корень вырубил мощное генеалогическое древо, которое могло дать хорошие побеги и плоды. Хочу при этом отметить, что братья Никовы пострадали вне всякой связи друг с другом. Это значит, что удары наносились не по роду Никовых как таковому, о котором, к примеру, НКВД дозналось, что он своим происхождением тянет к Чингисхану или великим князьям Московская и Всея Руси, а по ним как индивидам, личностям, которые чем-то выделялись на общем фоне. В самом деле, рослые, умом не обиженные, внешне привлекательные и к тому же трезвенники. Ну как же можно по-черному не завидовать, не подставить ножку? Уж что-что, а зависть, причем черная, – и наша национальная черта. Подставили вне всякой связи друг с другом, за прегрешение против нравственного императива сталинизма: "Не высовывайся!" А тут такая безграничная потребность развивающегося общества в даровой рабочей силе и пустившая глубокие корни шпиономания!

Что же касается пробухаринской ориентации отца, то это означало только одно: ему было не по себе от происходящего на селе. Своей крестьянской душой он чувствовал, что село разрушают, и основательно. Правда, когда приехали в Башкирию, он увидел иную деревню – сытую; удивлял его и обильный рынок крестьянской всячины, от снеди до ручных поделок. Стали меняться его взгляды на колхозы. Собирался вторично вступить в партию, наверняка разговаривал с

Дворниковым о рекомендации, причине исключения его из партии. Не случайно первый после ареста допрос начался с вопроса: "За что вас исключили из ВКП(б)?" Не думаю, что его дело предварительно разрабатывалось, делались запросы по месту предыдущего жительства. В 1937 году уже было не до этого. Органы НКВД не успевали читать поступающие доносы от многочисленной армии сексотов (осведомителей, стукачей и прочей братии).

Итак, в обойме, состоявшей из пяти братьев, все так или иначе пострадали. За что, спрашивается, такая немилость? Что они сделали или, наоборот, не сделали, но должны были сделать? С дядей Гавриилом все ясно - кулак. Таких пострадало около 10 миллионов человек. Дядя Леня - "засорял партию антисоветскими элементами". Тоже ясно. Можно допустить, что еще и руководил на общественных началах строительством подземного канала Баку-Стамбул или, скажем, Баку-Тегеран. При желании следователей НКВД и в этом сознался бы. Обвинение против дяди Ивана распалось, и до суда дело не дошло. Остается наш отец. Знаем ли мы, что ему ставилось в вину? Да, причем чуть ли не с самого начала.

Сразу знали, что он арестован, не за "вредительство", а за язык. Иными словами, не за содеянное, а за сказанное. Этим, несомненно, социалистическое государство обогатило мировую сокровищницу права. В разговорах в семье, с людьми мы никогда не говорили, что он арестован органами НКВД - в ходу было выражение: его посадил Дворников. Это в моем сознании сохранилось и до наших дней. НКВД же - орудие, с помощью которого отец был им, Дворниковым, уничтожен. Доносить, клеветать на людей было призванием этого человека, его политическим хобби. Но не будь "дворниковых", не было бы всеполюса НКВД - они нуждались друг в друге.

В один из зимних дней середины 90-х годов в Стерлитамаке можно было наблюдать, как благообразного вида и почтенного возраста мужчина остановился возле тюрьмы, снял шапку и некоторое время стоял с непокрытой головой перед одним тюремным окном. Это был Николай, теперь уже профессор медицины, хирург. Память воскресила ему события далёкого 39-го года. За две недели до последнего судилища над отцом мать приехала с ним в город, как тогда во всей округе назывался Стерлитамак, привезла передачу. В это время тюремный столяр занимался ремонтом "намордников" (деревянных ящиков на окнах, пропускавших свет только сверху). Женщины складывались по тридцатке и платили ему за то, что он устраивал им своеобразные свидания с арестантами: снимал с окна ящик, вызывал через окно арестантов, за которых получил мзду, и те, становясь на плечи сокамерника, имели в распоряжении полминуты, чтобы созерцать приехавших с передачей близких. Появился в окне и улыбающийся отец. Так брат в последний раз видел его, назвав этот эпизод прощанием через решётку.

Брату вспомнилось многое другое из его детства, из того, что выпало испытать нам всем. Нам - это матери, мне и ему. На работу мать поступила не сразу, так как у нее не было специальности. Затем в разных организациях работала чернорабочей. Первое время нас поддерживали вещи, которые постепенно уплывали на рынок. Ходила к людям стирать и убирать квартиру. Сдали квартирантам обе комнаты нашей квартиры, сами ютились на кухне, спали на полу. Постепенно всё ушло из нехитрого состояния рабочего человека. Самые дорогие предметы: швейная машина, одежда отца и матери, а также корова – пошли на оплату услуг защитников.

Отвернулись ли от нас люди, с которыми общались при отце? И да и нет. Похоже, сочувствовали, жалели. Представляли, что с нами происходит, но боялись открыто выразить своё отношение, избегали встреч. Был и такой эпизод. Одноклассник Лёнька Т. сразу после слу-

чившегося обозвал меня троцкистом. Придя домой, я рассказал об этом матери и расплакался. Она пожаловалась матери Леньки. Тот на следующий день приходит к нам, красный, как рак, смущённо повествует о том, что ему крепко досталось от отца, и заканчивает: "Давай, Гришка, будем дружить". Так мой оскорбитель неожиданно стал лучшим другом на многие годы, а его родители были ко мне подчеркнуто благосклонны.

Скоро мы подружились с такими же осиротевшими семьями. Жёны "врагов народа" знакомились возле милиции, Стерлитамакской тюрьмы, отдела НКВД. Сводили их вместе мытарства, связанные с получением разрешения на передачу (о свидании не могли и думать). Не помню, из каких источников, но мы часто знали, когда отца приводили на допрос. Иногда смотрели в щель милицейского забора, как арестованных выводили на прогулку; если не удавалось иным путём передать отцу батон и сахар, бросали через забор.

С каждым днём наша жизнь становилась тяжелее. Жили впроголодь, обносились. Наступила нищета. Всё, что можно, выжимали из себя, чтобы поддержать отца передачами. Я ходил в каком то подобии пальто и обуви, о костюме или хотя бы пиджаке не могло быть и речи. В 50-градусные морозы печально знаменитой финской войны (1939 год) не в чем было показаться на улице. Мне уже 15 лет, вижу, как сверстники обретают приличный вид. Сравнение не в мою пользу - и перестал ходить на школьные вечера. Но лишения не сломили желания учиться, по-прежнему остаюсь старостой класса. Коля тоже хорошо учился, и в один прекрасный день с гордостью сообщает, что его выбрали старостой класса. Услышав это, мать грустно промолвила: "Что мне с вами, тремя старостами, делать? Вы меня скоро в гроб загоните". (Отец в это время тоже старостой был - старостой тюремной камеры). Нет, конечно, мы с Колей свою мать не загнали в гроб. Хорошая учёба, послушание и готовность помочь ей чем могли спасли её, но приступы грудной жабы случались часто.

Вспоминаю лето 1940 года. Еду учиться в Уфимский железнодорожный техникум. На мне грубые рабочие ботинки, брюки, пошитые матерью из матрацной наволочки, пальто, из которого я уже вырос. Неудобно писать, но облегчение в нашу жизнь пришло на фоне всенародного бедствия – начавшейся Великой Отечественной войны: я прекратил учебу, стал работать, получать зарплату.

Долгие годы наша осведомленность о деле отца была неполной, больше носила характер догадок и отрывочных сведений. Но в 1997 году я ознакомился с его следственным делом, хранящимся в республиканском управлении ФСБ, где мне была предоставлена возможность перелистать его от корки до корки, сделать выписки. Не скрою, что, беря дело отца в руки, испытал волнение. Чтобы не потонуть в деталях, привожу текст приговора в редакции его творцов и некоторые собственные комментарии к нему. Вот этот шедевр правосудия времен сталинских репрессий.

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

28 августа 1939 года Судебной Коллегией по уголовным делам Верховного суда Башкирской АССР в составе председательствующего Ожгихина и народных заседателей Платонова и Аскарова, с участием прокурора Тузмерова и заседателя в лице Юскова ... рассмотрела в закрытом заседании в поселке Ишимбаево дело по обвинению

Никова Петра Пантелеевича, 1890 года рождения, уроженца села Нащи, Сасовского района, Московской области [некоторое время Сасовский район находился в составе Московской области, затем вошел в состав Рязанской области – Г.Н.], исключенного из ВКП (б) за протаскивание троцкизма, с 1907 по 1911 год состоял в эсеровской организации в г.Баку, не судимого, женатого, семья имеет четырех человек, грамотного, из крестьян-середняков, в последнее время работал уполномоченным по животноводству Ишимбаевского рабочего поселка - по ст.58-10, ч.1 Уголовного кодекса.

Предварительным и судебным следствием установлено, что обвиняемый Ников, будучи враждебно настроенным к советской власти, среди населения поселка Ишимбаево вел контрреволюционную агитацию.

Зимой 1936 года в помещении поселкового совета и в присутствии граждан обвиняемый Ников произвел контрреволюционную клевету по адресу советского правительства по вопросу налоговой политики.

В сентябре 1936 года тоже в помещении поселкового совета в присутствии граждан обвиняемый Ников произвел контрреволюционную клевету по адресу ВКП (б) и Советского правительства по вопросу налоговой политики, колхозного и совхозного строительства.

Осенью 1936 года на улице поселка в присутствии граждан обвиняемый Ников произвел контрреволюционную клевету по вопросу советской торговли. В феврале 1937 года в квартире Дворникова в присутствии последнего обвиняемый Ников произвел контрреволюционную клевету по адресу советской власти по вопросам народнохозяйст-

венного плана, стахановского движения и о плохом экономическом положении населения СССР.

В марте 1937 года в присутствии Дворникова обвиняемый Ников у себя во дворе произвел контрреволюционную клевету по адресу советской власти по вопросу колхозно-совхозного строительства, одновременно восхвалял врага народа.

В апреле 1937 года обвиняемый Ников в присутствии граждан у себя во дворе произвел клевету по адресу ВКП (б).

В апреле 1937 года в помещении поселкового совета в присутствии граждан обвиняемый Ников произвел контрреволюционную клевету по адресу советского правительства по вопросу налоговой политики.

В июне 1937 года в присутствии граждан у себя во дворе обвиняемый Ников восхвалял врагов народа и произвел контрреволюционную клевету по адресу советского правительства по вопросу колхозно-совхозного строительства.

В мае 1937 года в помещении поселкового совета обвиняемый Ников в присутствии граждан произвел контрреволюционную клевету по адресу вождя трудящихся, чем он совершил преступление, предусмотренное статьей 58-10, ч.1 УК.

Обвиняемый Ников заявил в суде на наличие личных счетов у него со свидетелем Дворниковым, но данное заявление на суде ничем не подтверждено, а наоборот установлено, что взаимоотношения обвиняемого Никова со свидетелем Дворниковым были хорошие.

А посему Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда Башкирской АССР, руководствуясь статьей 58-10, ч.1 УК, ст.319-320 УПК

п р и г о в о р и л а :

Никова Петра Пантелеевича по ст.58-10, ч.1 УК подвергнуть лишению свободы на восемь (8) лет с зачетом предварительного заключения с 25 июня 1937 года.

П о д п и с и .

Протоколы допросов отца и слушания его дела в суде дают возможность конкретизировать некоторые эпизоды, приведенные в приговоре.

Состоял в эсеровской организации в Баку. Два момента, вносящих ясность в этот "грех" отца. Это было в начале века, в годы его ранней молодости, когда ему трудно было разобраться в том, кто такие эсеры и социал-демократы. Даже возможно, что выходцу из крестьян идеи эсеров были ближе, поскольку это была крестьянская партия. А, собственно, что из того, что он состоял в этой партии еще задолго до Октябрьской революции, причем партии социалистического толка? Кстати, он не делал из этого факта тайны, делился со многими, в том числе и с Дворниковым. И даже иногда гордился, что участвовал в революционном движении.

Исключался из ВКП (б). Это он тоже не скрывал. На одном из допросов объяснил, что был исключен "за разделение взглядов правого и левого уклона, выразившихся в том, что когда проводили коллективизацию, у него не было уверенности в ее правильности". Если документы следственного дела не искажают его высказывания, то он говорил о нерентабельности многих колхозов, их убыточности, о том, что снижаются урожаи, происходит запустение деревни. Получается, что он почти на 20 лет опередил ВКП(б)-КПСС в оценке того, что происходило на селе (вспомним, что произносилось с трибуны сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 года).

Клевета на ВКП(б). По роду своей деятельности в поселковом Совете отец посещал квартиры жителей поселка, имевших домашний скот, видел, как они живут, и поделился своими впечатлениями от

увиденного. При этом сказал, что "коммунисты не все вещи называют своим именем. Говорят, что у нас люди не умирают от голода, в то время как люди умирают от голода". (Напомню, что заставило нашу семью покинуть в 1934 году Украину. Кстати повторюсь, что я дважды видел в Николаеве, как на обочине улицы умирали люди.)

Наконец, **клевета на вождя народов**. В разговоре с налоговым инспектором, будущим свидетелем Урмановым, отец с недоумением отозвался об инструкции по взиманию налогов, добавив несколько нелестных слов в адрес ее составителей. На это Урманов ответил, что инструкцию не в поселковом совете, а в Москве составили, и подписал ее сам Сталин. "А кто такой Сталин? - спросил отец - Разве его народ выбирал?" Вот и вся "клевета" на вождя. (Думаю, что реплика "ее подписал сам Сталин" была провокацией со стороны Урманова, потому что в те годы Сталин, являясь генеральным секретарем ЦК ВКП(б), инструкции по взиманию налогов не мог подписывать).

После знакомства с приговором возникает вопрос, действительно ли отец говорил, да еще "в присутствии граждан", все то, что ему инкриминировалось как контрреволюционная агитация? Допустим, что говорил. И что из этого следовало, что здесь было, кроме правды? Судя же по продолжительности следствия и количеству судов, он и этого не говорил. А постоянная, после каждого суда, перетасовка свидетелей, после которой на очередной суд оставались лишь те, которые подтверждали обвинение? На последнем суде отцу противостояли все те же Дворников с Урмановым, а также, новый свидетель - жена Дворникова. И еще одна деталь. На суде он заявил, что **подписал протокол следствия вынужденно, так как четверо суток его лишали сна**. То есть применили пытку без оставления следов на теле.

Такое же мнение о "контрреволюционной" деятельности отца сложилось и у заместителя прокурора РСФСР, рассматривавшего его дело в 1957 году по моей жалобе. Вот его заключение:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Башкирской АССР подлежит отмене, а дело прекращено производством по следующему основанию:

Суд в основу приговора положил показания свидетелей Дворникова Г.П. и его жены Дворниковой Х.З., с которыми у Никова были плохие взаимоотношения.

Из показаний свидетелей Урманова, Бесова, Ишмухаметова, Саффиканова и Кунягиной видно, что высказывания осужденного Никова не являются антисоветской агитацией и состава контрреволюционного преступления в себе не содержат.

П Р О Ш У :

Приговор отменить и дело о нем прекратить за недоказанностью. Справка: Осужденный Ников П.П. умер в местах лишения свободы, а дело пересматривалось на основании жалобы сына Никова Г.П.

На суде отец противостоял трем свидетелям обвинения и прокурору. А разве защитника не было? Был. И на предыдущих судах были. Это к ним перешло все сколь-нибудь ценное нашей семьи. На одного ушла на рынок швейная машина, на другого - корова, на третьего - костюм, который отец надевал только по праздникам. В то время мы не могли знать, что нанимать защитника на слушание дела, квалифицированного по 58 статье, - пустое занятие. Но они-то знали, тем не менее ломили за свои услуги цену по крупному счету. Дети фемиды и здесь оказались на высоте. В ходе третьего суда был, с нашей точки зрения, такой странный момент. Суд заседал в здании райисполкома. Объявляется перерыв, и защитник направился в кабинет Дворникова пить с ним чай...

Итак, судьба отца решилась. Решилась за правду, стоившую ему жизни. А как сложился наш - его сыновей - жизненный путь? Забегая вперед, скажу, что я сейчас пенсионер, участник Великой Отечественной войны, 46 лет состоял в ВКП(б)-КПСС, имею боевые награды, до полусотни различных грамот, кандидат педагогических наук и заслуженный деятель науки Башкирской АССР. Брат Петр, с которым из-за трагедии отца не было никакой связи в течение 23 лет, всю войну служил в действующей армии, пенсионер, почетный гражданин города Октябрьского. Петр полвека состоял в КПСС и сейчас член КПРФ. Брат Николай также долгое время состоял в партии. Ушел из жизни в 1998 г. Не страдая излишней скромностью, могу сказать, что достойно представляем свое поколение. Так что же, принадлежность отца к стану врагов социализма, а следовательно и Родины, никак не отразилась на социальном продвижении сыновей? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Все намного сложнее.

Первую пощёчину получил вскоре после его ареста при поступлении в Осоавиахим - общественную оборонную организацию, предтечу ДОСААФ. Собрание проходило в школе. Рассказывать биографию не требовалось. Но перед голосованием просит слово представительница райкома комсомола - бойкая девица, знавшая нашу семью, - и заявляет: "О Никове надо подумать. Его отец имел вредительские шаги по району, арестован органами НКВД". Снова вмешивается мать: на следующий день она идёт в школу, и директор извинился перед ней за случившееся. С тех пор ничего подобного со мной в школе не происходило. Ни я, ни Николай, проучившийся в ней все свои школьные годы, не испытывали притеснений из-за отца. На следующем собрании осоавиахимовцев меня дружным голосованием приняли в эту организацию, а ещё через два года - в комсомол.

До самого отъезда на учёбу в Уфимский железнодорожный техникум я состоял в школьном активе, пользовался расположением учителей, особенно замечательного педагога, моего классного руководи-

теля и завуча школы - того самого, который представлял меня третьеклассникам, - Александра Александровича Цветаева, впоследствии доцента БГУ. Подобное отношение было и к Коле: в старших классах он становится секретарём комсомитета школы. Или такой пример. 22 апреля 1939 года, когда состоялся третий суд над отцом и дело снова направили на доследование, а мы, разбитые горем, вернулись домой, где хоть шаром покати, с матерью случился сердечный приступ. В это время приходит друг Лёня Т. с запиской от Александра Александровича: "Гриша! Тебе сейчас трудно. Приходи в школу, у нас интересный вечер. С нами тебе будет легче". Разумеется, я не пошёл, но на всю жизнь запомнил эту записку. С тех пор душевно привязался к А.А.Цветаеву, до конца его дней поддерживал с ним связь. Чтобы написать такую записку, в те годы надо было иметь не только доброе сердце педагога, но и гражданское мужество.

Возможно ошибаюсь, но, думается, то обстоятельство, что школа тогда была для меня вторым домом, если не больше, предрешило выбор профессии педагога, которой я отдал свыше 40 лет своей жизни. Поэтому удивлялся, когда читал, как в некоторых столичных школах изживали детей репрессированных родителей. По-видимому, речь шла об элитных школах.

Говоря о репрессированных в 30-40 годах, обычно имеют в виду арестованных и осужденных по пресловутой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР. Параллельно с этим словом в обиходе были слова "семьи репрессированных", "дети репрессированных". Но значит ли это, что репрессированными были только главы семей, а семьи в это время со всем советским народом пребывали в счастливой жизни? Только наивные могут полагать подобное. Не случайно же реабилитация пострадавших в годы репрессий - это акт восстановления в политических правах и снятия позорного пятна, навешенного в те годы на детей, жен, матерей - всех членов их семей. Им, расстрелянным и

умершим за колючей проволокой, уже никакая реабилитация не нужна. Она нужна оставшимся в живых и потомкам.

Так отразилась ли на нашей с братьями жизни то обстоятельство, что проходили по разряду сыновей репрессированных? Прежде чем на этот вопрос ответить, хочу провести границу между сталинским и послесталинским периодами советской истории. Уже в первые месяцы после смерти вождя всех времен и народов можно было почувствовать облегчение в духовной и политической атмосфере общества. После XX съезда партии, на котором Н.С.Хрущев открыто выступил с докладом о культе личности Сталина и его последствиях, ни меня, ни братьев вопрос о судьбе отца как обстоятельство, влияющее на положение в обществе, не беспокоил. В годы сталинизма же, несмотря на лицемерие по поводу "самой демократической в мире сталинской конституции" и принадлежащей вождю фразы "Сын за отца не отвечает", сыновья за отцов отвечали намного больше, чем отцы за сыновей.

Сыну врага народа трудно было поступить в престижное высшее учебное заведение и уж вовсе невозможно - в военное. Ему была "противопоказана" работа на режимных предприятиях, существовало много других ограничений. Но не имею оснований утверждать, что все и вся были настроены против этой категории, достаточно многочисленной в довоенный период. Свою школу я вспоминаю с душевной теплотой. Не чинил препятствий и комсомол. В различных звеньях государственного и политического аппарата тоталитарного государства сидели люди, далеко не все поддавшиеся обману пропаганды, понимавшие, что скрывается под личиной борьбы с врагами народа. И они, эти люди, ни один не был застрахован от такой же участи. Поэтому не вижу оснований питать обиду на всю советскую действительность. О том, как приходилось преодолевать препоны своего положения, расскажу немного на примере Николая.

Успешно окончив школу, он поступил в Башкирский медицинский институт. При поступлении в автобиографии и анкете указал

свое "родимое пятно". Но приняли. Два эпизода своей жизни, связанные с памятью об отце, он изложил сам, привожу их без изменения.

"Мне, студенту пятого курса, бессменному секретарю курсовой комсомольской организации и члену комитета ВЛКСМ института секретарем парткома было предложено подать заявление о приеме в партию. С радостью согласился, но заявил, что являюсь сыном врага народа. В анкете и автобиографии об этом указал.

В партию принимали осенью 1952 года, то есть еще при жизни Сталина. Собрание посвятило мне два часа. В основном задавались вопросы, связанные с отцом. Особенно активными были два человека: заведующий спецчастью института (обычно принимаемый на работу по рекомендации органов безопасности) и заведующий кафедрой, он же министр здравоохранения республики профессор С.З.Лукманов.

Рекомендацию в партию дали фронтовики, комитет ВЛКСМ. Результаты голосования: все проголосовали "за" при двух воздержавшихся (профессор Лукманов и заведующий спецчастью). Через несколько дней утвердили на бюро Кировского райкома партии без единого вопроса и ни одного "против".

Интересен такой факт. Через некоторое время партийное собрание рассматривало заявление о приеме в партию одного моего однокурсника, бывшего фронтовика и в будущем крупного организатора здравоохранения в республике. Ему, как сыну раскулаченного, отказали в приеме.

...Апрель 1954 года. Идет распределение выпускников института. Среди них и я. Вхожу в кабинет директора института Н.Ф.Воробьева. Он говорит комиссии по распределению, что есть мнение руководства института и партбюро допустить Никова к конкурсу поступающих в аспирантуру по кафедре патологической анатомии. Основания - активный общественник, по своей учебе претендент на красный диплом (с отличием), четыре года занимается в студенческом научном кружке, сделал на студенческой конференции два научных доклада и т.п.

Слово берет представитель обкома КПСС и говорит, что Ников, как коммунист, в настоящее время направляется на усиление сельской медицины...

Произошла заминка. Меня попросили выйти. Через несколько минут выходит из кабинета секретарь комитета ВЛКСМ (член комиссии по распределению) и доверительно говорит: "Коля, представитель обкома сказал, что тебя нельзя принимать в аспирантуру, поскольку ты сын врага народа. Ректор ему ответил, что мы же приняли Никова в партию, оказали такое высокое доверие. В ответ услышали: "Вы совершили ошибку, приняв его в партию. Не надо повторять ее!" Удар поистине в сердце!

На следующий день мне предложили работу в Атняшевской лес-промхозной амбулатории (фельдшерский пункт!) Караидельского района. Я подписал свое согласие. При выходе из кабинета меня попросили вернуться, и заместитель директора института профессор В.А.Самцов обратился к членам комиссии со словами: "Ников последний, шестой год обучения прошел субординатуру по хирургии, так давайте пошлем его работать хирургом". Представителя обкома КПСС в этот день не было. Мне тут же предложили новый вариант - ехать хирургом в Дедовскую районную больницу Федоровского района. С радостью подписал новое назначение.

Не скрою, что самочувствие было отвратительное. Что бы ни говорили, а наплевали в душу. Поэтому решил пойти на прием к первому секретарю обкома КПСС, члену ЦК КПСС и депутату Верховного Совета СССР С.Д.Игнатьеву. Сообразил, что последний титул давал мне право идти к нему, добиваться правды.

Через десять дней я был в кабинете Игнатьева. Рассказал о ситуации на распределении и задал ему два вопроса:

1. Был ли ошибкой прием меня в партию?
2. Имею ли я право конкурировать в аспирантуру?

Ответ был ошеломляющим:

- Если представитель обкома сказал так, как Вы меня проинформировали, то он дурак, и причем большой.

Затем встал, подошел к окну и, указав в сторону пересыльной тюрьмы, находившейся тогда у пересечения улиц Фрунзе и Новомостовой, сказал при этом:

- Цари строили тюрьмы, мы продолжали это строительство. Так сколько же будет еще тянуться это позорное строительство! Я уже отдал распоряжение о переносе в другое место пересыльной тюрьмы, а занимаемый ей дом передать вашему институту под клинику.

Дальше:

– У вас есть фото отца?

– Да. Где-то у матери хранится.

– Так увеличьте его, и портрет повесьте на самом видном месте.

После этих слов, нервно ходя по кабинету (что напоминало сталинскую манеру во время заседаний политбюро и приема посетителей), он последовательно в течение почти получаса рассказал о том, что я через два года прочитал в докладе Хрущева о культе личности Сталина. Не без гордости считаю себя первым человеком, услышавшим этот доклад. (Трудно представить, что побудило С.Д.Игнатьева, рыльце которого по части репрессий было в пушку, произносить такой елей. Не мог же он переродиться за короткий срок после его работы министром госбезопасности! Но слово из песни не выкинуть - говорил именно такое.)".

После рассказанных мною событий прошло более полувека; расставлены акценты над самими событиями и причастными к ним людьми. Вроде бы и нечего сказать на извечную для российского склада ума тему "Кто виноват?". Известно, кто был автором сценария и главным режиссером спектакля под названием "борьба с врагами народа", кто особенно отличился в заплечных делах. История вынесла приговор им, а если кто-то и не назван, то уже поздно шевелить этот вопрос: доживают свой век их дети, не имеющие к этому никакого отношения. Но представляется, что свернуть эту тему или ограничиться только воспоминаниями о пострадавших, было бы ошибкой. Дело в том, что такое поистине историческое действие Сталина оставило след в массовом сознании, пустило корни, все еще дающие всходы, и подчас обильные. Один из них - это желание все беды, происходящие внутри нашей страны, объяснять происками врагов. Нам всегда кто-то мешал и продолжает мешать. Трудно живется - потому что готовимся отражать нападение врагов; не получается с намеченными планами - мешают вредители; проваливаются программы подъема народного благосостояния - дело рук предателей. Добавим к этому болезнь под названием шпиономания, и где только мы ее не видели! В той или иной степени ее вирусом поражена значительная часть нашего населения, особенно старшее поколение, сформировавшееся в сталинские времена. Развалили Союз - дело рук предателей, собравшихся в Беловежской Пуще; не ладится с реформами, расхищается народное добро - орудуют агенты ЦРУ и свои враги. Иногда достается сыновьям и внукам "врагов народа": мстят, супостаты!

Любопытно, много ли история знает случаев, когда люди, занимающие высшие посты в государстве, предавали народ, который эти посты им доверил? Не оскорбляем ли мы Отечество, объясняя подобным образом происходящие с нами беды? Не лучше ли будет не оправдавших доверия политиков оценивать по их уму, деловым и нравственным качествам, и лишь в крайних случаях, с неоспоримыми фак-

тами в руках, пускать в ход такие тяжкие обвинения, как измена и предательство?

Хотелось бы, чтобы соотечественники меньше кивали на Запад и Восток в поисках источников наших бедствий - мы и сами их великолепно создаем. Смотреть бы больше на себя, на наше отношение к закону, долгу, на порядочность наконец. Меньше б завидовать, зато прибавить усилий по наведению порядка и соблюдению законности, преодолению издревле присущей нам привычки жить и работать под девизом "авось, небось и как-нибудь". Глядишь, и врагов с предателями оказалось бы намного меньше. А их постоянные поиски, охота на ведьм никогда к добру никого не приводили и не приведут.

В моём грустном повествовании не нашлось места показать мать, Матрёну Дмитриевну такой, как она этого заслуживает. Типичная участь женского начала. Безропотно неся на горбу все беды человеческого рода, не давая ему зачехнуть, сгинуть, оно всегда остаётся в тени, когда этот род торжествует – лавры достаются мужчинам. Тяжкой участи наша мать испытала с избытком. Упомяну, что брак с отцом был её вторым замужеством. Первое прервалось также трагически. В 1921 году в их село был прислан секретарь сельсовета – интересный молодой человек. Познакомившись с ним, мать приняла его предложение, но не прошел медовый месяц, как он повесился. В чем дело? Оказалось, что он участвовал в известном Тамбовском восстании крестьян и, боясь разоблачения и мести, покончил с собой.

Отца увели в её 36 лет. Вся тяжесть случившегося легла на её далеко не богатырские плечи. Какая жестокая участь: совершенно несвязанная с политикой и далёкая от неё, мать дважды из-за неё пострадала!

Будучи религиозной, после первой трагедии мать в отчаянии предъявила счет Богу: за что ты меня, благочестивую, так сурово по-

карал, ведь я никому ничего плохого не сделала? Почему ты такой жестокий, да и есть ли ты вообще?.. И отреклась от религии. Под старость, пережив еще одну семейную трагедию и с трудом выбравшись из жизненной ямы, она постепенно стала возвращаться в лоно религии. Однако ее религиозность была неглубокой, поверхностной. Поставить крест на могиле не завещала.

Понимаю, что вдовы Отечественной войны за всё пережитое ими заслуживают намного больше того, что им даёт и давало общество и государство. Но представьте себе вдову с двумя детьми, которая влачит с ними нищенское существование, ни от кого не получает поддержки, даже моральной. Кроме таких же, соломенных, вдов, ей не с кем поделиться сокровенным. К этому добавлю, что беда случилась, когда она носила в себе новую жизнь. Осознав, чем грозит ей эта новая жизнь, появившись она на свет, мать решает на дважды отчаянный в её положении шаг: приглашает бабуку. Дважды отчаянный потому, что прошли все сроки, допускающие вмешательство в организм, и потому, что за аборт, да ещё криминальный, ей грозила уголовная статья, узнай об этом власть. В конечном итоге судьба смилостивилась над матерью: после того как мы с Николаем встали на ноги, её жизнь текла спокойно, и она дожила до глубокой старости. Но пережитое наложило на нее суровый отпечаток. Это был уже другой человек: с окаменевшим сердцем, утраченной способностью радоваться, улыбаться. А ведь когда-то была жизнерадостной и веселой...

Война

О том, что предстоит воевать, мое поколение знало задолго до начала не только Великой Отечественной, но и Второй мировой войны. Уже октябрятами знали, что во всем мире мы особенные, остальные страны и народы на нас непохожи. Там правят капиталисты, эксплуататоры, которые нас ненавидят, боятся и хотят нашей гибели. Но погибнут они, а не мы, потому что наши братья по классу - рабочие, пролетариат – не поднимут на нас руку, обратят оружие против эксплуататоров и с помощью Красной Армии пронесут через всю планету знамя революции, а вместе с ним освобождение от эксплуатации человека человеком. При всем примитивизме таких рассуждений, они внедрялись в сознание в школе, через печать и радио, естественно, с поправкой на возраст и образование. В государственном гимне тех лет "Интернационале" были слова: "Мы наш, мы новый мир построим, / Кто был ничем, тот станет всем". Капитализм клеймили не только политики и военные, но также деятели литературы, искусства, особенно поэты и композиторы-песенники.

В стране шла и серьезная подготовка к войне. На этот счет стоит вспомнить довоенный Осоавиахим, пользовавшийся большим авторитетом среди молодежи. Первичные организации Осоавиахима создавались и в школах. Оборонно-спортивная работа проводилась в форме подготовки к сдаче норм на оборонные значки "Готов к труду и обороне", "Ворошиловский стрелок" и др. Носить оборонные значки среди молодежи было престижно. Мою грудь украшали два значка "Го-

тов к ПВХО" (к противовоздушной и химической обороне) и ГСО (Готов к санитарной обороне).

Большая война подкрадывалась постепенно. Сперва столкновение с японской военщиной в районе озера Хасан (1938-й год) и в Монголии (1939-й год), затем неудачная, если ни позорная война с Финляндией (1939-1940-е годы), вторжение Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию (1939-й год), в Молдавию (1940-й год). Ликования было предостаточно, тем более что все эти акции преподносились обществу как добровольное присоединение к нашей стране. Но и трудностей хватало. Снова, как в начале 30-х годов, страна стала испытывать нехватку продовольствия; появились очереди за хлебом, его не хватало, поэтому стали нормировать (в Ишимбае были введены заборные книжки – что-то подобное карточкам); стали исчезать из свободной продажи и другие продукты. Приходилось ходить в магазин, к которому нас прикрепили, отмечаться в очереди на завтра. Иными словами, предвоенное состояние.

В 1940 году я окончил восьмой класс и поступил в Уфимский железнодорожный техникум – один из лучших в довоенной Уфе. Он находился в новых зданиях, расположенных на пересечении улиц Пушкина и Карла Маркса (ныне в них располагается авиационно-технический университет). Учился хорошо, входил в студенческий актив, получал стипендию, которой хватало на питание по талонам в студенческой столовой и 3 рубля еще выдавали на руки. Матери каким-то образом удавалось ежемесячно высылать мне 30 рублей. Этого 16-летнему парню со скромными запросами хватало не только на поддержание существования, но и на посещение раз-два в месяц театра или кино. В январе 1941 года в оперном театре состоялась премьера оперы Верди "Травиата". Я уже имел представление об операх Верди, поэтому в первый же воскресный день после премьеры дважды ее

слушал – утром и вечером. Сагитировал друзей сходить на нее, создал что-то вроде кружка любителей оперы.

Выступление по радио наркома иностранных дел В.М.Молотова 22 июня 1941 года я слушал в общежитии. Сообщение о войне было встречено гробовой тишиной. Трудно было осмыслить услышанное, тем более что в предвоенные годы у нас с Германией были внешне нормальные отношения, даже перестали употреблять слово "фашизм". После выступления Молотова начали бурно обсуждать вопрос, как и в какой срок Красная Армия разгромит фашистские полчища. Стоило одному сказать, что ведь Гитлер и его окружение, наверное, долго думали, прежде чем напасть на нас, вычислили свои и наши возможности, как на него набросился шквал обвинений в недооценке силы Красной Армии, дошло до оскорблений. Парня едва не избили.

Первый день войны прошел в эмоциях, ожидании сообщений о военных действиях. Но уже через несколько часов группу студентов, и меня в том числе, комитет комсомола направил в Кировский райвоенкомат, где нам вручили мобилизационные повестки и обязали доставить их по указанным адресам. Мне достался район города, примыкающий к территории, на которой сейчас расположена мэрия города, кинотеатр "Искра". Тогда эту территорию составляло примыкающее к городу село Глумилино. Лишь близко к полуночи я справился со своей задачей и вернулся в общежитие. Посланцев с повесткой люди встречали молча. Все понимали, что начинается новый этап в их жизни, от которого невозможно ждать блага. Предстояло расставание с отцами, братьями, сыновьями. Возможно навсегда.

На следующий день мы всем техникумом освобождали занимаемые нами помещения под военный госпиталь. Техникум переводили в двухэтажное здание кооперативного техникума, что располагался тогда на пересечении улиц Крупской и Сталина (ныне Коммунистическая). Сейчас этого здания нет.

Государственный механизм после объявления о нападении Германии заработал на редкость четко. Мы еще не успели перенести имущество на новое место, как узнали, что наш техникум уже авиационный, а не железнодорожный. Когда через несколько дней разъезжались на каникулы, нас предупредили, что без персонального вызова на учебу с 1-го сентября не приезжать. Я понял, что моя учеба в техникуме прекращается: авиационный техникум относился к Наркомату оборонной промышленности, то есть отрасли, которой «противопоказаны» сыновья и дочери врагов народа. И не ошибся: вызов не получил.

В последних числах июня я вернулся в Ишимбай. Город, как и вся страна, был в тревоге и напряжении. Мобилизация заканчивалась, это означало, что мужчин в городе заметно поубавилось. Сводки о положении на фронтах не радовали. Немецкие войска наступали стремительно, захватывая наши города и области. Ощутимое сопротивление гитлеровцы, похоже, редко встречали, хотя героическая оборона Одессы и Брестской крепости вошла в историю. Доходили трудно понимаемые факты. Например, что в Прибалтике стреляли в спину отходящим красноармейцам.

Когда я убедился в том, что вызова из авиационного техникума не дожидаться, поступил на работу учеником маляра в трест "Башнефтестрой", стал получать заработную плату, быстро освоил пятый разряд, а с наступлением зимы, когда объем работы маляров резко сократился, меня перевели работать кочегаром в этом же тресте. Разумеется, материальное положение нашей семьи, состоящей из трех человек, улучшилось. Мы стали лучше питаться, на столе появилось такое шикарное блюдо, как жареная картошка. В июле 1942 года мне исполнилось 18 лет, и через месяц я был призван в Красную Армию.

Трудности войны дали знать о себе с ее первых дней. Сразу же были введены продовольственные карточки на основные продукты питания, чем были обусловлены два уровня цен: один на продукты,

покупаемые по карточкам в магазинах, и другой – на рынке. Отменялись отпуска, а на многих оборонных предприятиях и выходные дни (если не официально, то фактически). Был введен Всевобуч – всеобщее военное обучение мужчин призывного и мобилизационного возраста, его занятия проводились по выходным дням. Две школы города были переоборудованы под госпиталь.

Заметным событием в жизни нашей семьи стал переход матери на работу сторожем в рабочей столовой. Даже если в довоенные годы работа в продмаге или столовой для многих представляла соблазн, то что же говорить о военном времени. Проблема питания в семье была снята.

Между тем сообщения с фронта поступали одно тревожнее другого. До контрнаступления наших войск под Москвой в декабре 1941 года было лишь единственное сообщение, принесшее некоторую радость, – это эпизод под Ельней в Смоленской области, когда впервые удалось немного потеснить немцев. Однако вскоре пали Киев, Харьков, Смоленск, Псков, Новгород и десятки других городов, враг приближался к Москве и Ленинграду. По утрам люди задерживались возле городского радиоузла и молча, нахмуренные слушали сводки Совинформбюро.

Была ли тогда вера в нашу победу в так трагически начатой войне? Сомневаюсь. Дела на фронтах и в тылу обстояли намного хуже, чем изображали их средства массовой информации. Не успокоили и речи Сталина, произнесенные 3 июля по радио и на военном параде 7 ноября 1941 года. Как сохранилось в моей памяти, октябрь-ноябрь 1941 года был самым опасным периодом во всей истории Великой Отечественной войны, когда правительство, кроме Сталина, эвакуировалось в Куйбышев, а центральное радиовещание велось из Саратова. Москва словно замерла... Можно представить, какое наступило облегчение, когда эфир снова заговорил из Москвы и принес сообщение о

начавшемся контрнаступлении Красной Армии. Пусть оно длилось не столько, как хотелось, но враг под стенами столицы был остановлен и отброшен, понеся крупные потери; был разрушен миф о непобедимости германской армии.

Не ставлю целью придать своим воспоминаниям характер хроники, то есть последовательного изложения событий военного времени. В исторической и мемуарной литературе они изложены подробно.

В начале лета 1942 года в Ишимбай стали прибывать вывезенные из блокады ленинградцы. Они не были, как мы ожидали, исхудалыми и ослабленными. По пути в глубокий тыл их около месяца содержали в госпиталях на строгом режиме перехода от истощения к нормальному состоянию. Это делалось также в целях недопущения деморализующего воздействия их на тыл. Подселенные к нам женщина с 16-летним сыном Юрием быстро освоились с незнакомой для них обстановкой, завязали с нами дружбу. Жизнь в условиях блокады не лучшим образом повлияла на моего сверстника Юру. Он был с хитрецей, вороватый, быстро вошел в контакт с такими же дружками и вскоре был уличен в краже со взломом. Его с компанией воришек судили, но, учитывая блокадное прошлое, суд ограничился условным сроком лишения свободы. От Юры я узнал о блокаде много из того, что в советские времена не попадало на страницы литературы и печати. В частности, впервые после 1933 года я услышал нестандартное упоминание имени Сталина. Как-то Юра принес картошку и сказал, что будет жарить ее на сталинском масле. Я спросил, что это за масло. "Увидишь" - и стал без жира нарезанными ломтиками жарить картошку на раскаленной плите. Такое выражение у ленинградцев было в ходу, когда прекратилась выдача жиров по карточкам. Юра с матерью уехали в Ленинград вскоре после снятия блокады.

В 1944 году прибыли немцы, переселенные из Поволжья, крымские татары, а в 1945 году – военнопленные эсесовцы, для которых оборудовали госпиталь в бывшем эвакогоспитале, а еще позднее –

наши военнопленные, освобожденные Советской Армией и союзными войсками. Это была категория, на которых был какой-то компрометирующий материал, их оставили работать в Ишимбае, в родные края долго не отпускали, поэтому многие слились с местным населением, обзавелись семьями. В годы войны в Ишимбае было подразделение трудовой армии, состоящее из бывших кулаков и репрессированных. Детей и внуков всех этих категорий, по заслугам и без заслуг переселенных и репрессированных в годы войны, немало проживает в современном Ишимбае. Этот город пережил на себе практически все извращения сталинизма, которые позднее будут осуждены как грубые нарушения законности.

Уже в конце 1941 года начали поступать раненые, с которыми горожане устанавливали шефские связи. Это были встречи во время прогулок, концерты художественной самодеятельности. Некоторые раненые познакомились с девушками, а будучи "списанными" по ранению, навсегда остались в городе и его ближайших селах.

Весной 1942 года начался призыв в Красную Армию парней моего года рождения. Призывали, не ожидая окончания школы. Я был призван в августе в составе последней группы призывников 1924 года рождения. Нас было 18 человек, и все, как на подбор, – сыновья репрессированных отцов, причем, кроме одного, из семей рабочих и мелких служащих. Тот был сыном репрессированного командира Красной Армии. В память об отце явился в военной форме и даже с портупеей через плечо.

В военкомате одного из нас назначили старшим, вручили ему конверт и проездные документы до железнодорожной станции Тоцкое Оренбургской области. Никакого сопровождающего с нами не было, доверие полное, хоть езжайте, куда хотите. Сразу как отошли от военкомата, посмотрели конверт: что на нем написано? Адрес был больше чем лаконичен: "Станция Тоцкое, командиру II ЗСБ". Всю дорогу до Тоцкого гадали, что означает ЗСБ. Чутье подсказывало: земельно-

строительный батальон, то есть трудовая армия или, как ее сокращенно называли тогда, "трудоармия". Никого такая перспектива не радовала, потому что, общаясь в городе с солдатами строительного батальона, мы узнали, из кого он состоит и что положение этих военнослужащих мало чем отличается от положения расконвоированных заключенных. Случаи дезертирства из ишимбайского стройбата были нередки. Знал двух беглецов родом из Башкирии, которые, прибыв в свой район и минуя родную деревню, сразу же явились в райвоенкомат с чистосердечным признанием и просьбой направить их на фронт, в действующую армию, иначе покончат с собой. Военкоматы с радостью выполняли подобные просьбы, так как в 1942 году людские резервы для армии уже были основательно подчищены, призывать было некого, а наряды на мобилизацию продолжали поступать.

Однако наше опасение оказаться в "земельно-строительном батальоне" было напрасным. Батальонов с таким названием вообще не было, их породила наша фантазия. ЗСБ же означало "запасная стрелковая бригада", то есть регулярное соединение Красной Армии. Нас приняли, проверили по списку и направили в карантин – пункт пребывания вновь прибывающих в армию, где они проходят санитарный осмотр, определенный срок находятся под наблюдением медицинского персонала и только затем зачисляются в личный состав части. Наш карантин представлял собою обыкновенную казарму полуземляночного типа с трехэтажными нарами, покрытыми только матрасами, без признаков постельного белья, даже одеял не было. И, разумеется, никаких представителей медицинской службы. Находясь почти месяц в карантине, мы привлекались к хозяйственным работам, а чтобы не бездельничали, когда не было работы, с нами проводились занятия вне всякого расписания и плана. Нельзя же было допустить, чтобы солдаты предоставлялись свободному времяпровождению – это один из главных армейских принципов. Мы часто наблюдали, как шли на

занятия и возвращались с них так называемые маршевые роты, то есть уже укомплектованные боевые подразделения, готовые или почти готовые к отправке в действующую армию. Перед посадкой в воинский эшелон их переодевали, снабжали сухим пайком на дорогу и своим ходом отправляли на станцию.

Назвав Тоцкий лагерь, не могу не пояснить, что это за лагерь. Он в буквальном смысле частица военной истории нашей страны в XX веке; обозначен на всех топографических и военных картах под названием Тоцкий полигон. Здесь ковались боевые полки российской армии в Первую мировую войну и Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. Он и в послевоенные годы был одним из крупных центров боевой выучки Советской Армии. Не случайно именно на него в 1954 году пал выбор служить местом для проведения крупных общевойсковых учений с применением реального атомного взрыва. Я видел фильм, заснятый на этих учениях, и без содрогания не мог его смотреть, особенно кадры, показывающие, что осталось от леса и зеленых рощ, животных и техники после взрыва бомбы. Тоцкий, Алкинский в Башкирии и Чебаркульский лагерь в Челябинской области много сделали для победы. Что это за лагерь, как там жилось одетым в шинели людям, советую прочитать повесть В.Астафьева "Прокляты и забыты". Пусть это не воспоминания, а повесть, то есть художественное произведение, написанное с приемами литературного творчества, в том числе с гиперболой, там изображается обстановка и жизнь в тыловых лагерях Красной Армии во время войны. Трудно забыть обеды под открытым небом, длившиеся не менее двух часов от момента получения пайки хлеба до завершающего облизывания ложки; уже упоминавшиеся трехэтажные нары без постельного белья, хотя в сентябрьские ночи в оренбургских степях спать, укрывшись телогрейкой, удовольствия не составляло. Не удивительно, что из Тоцкого лагеря люди рвались на фронт...

В конце ноября 1942 года, после краткого пребывания еще в двух лагерях - Колтубанском (тоже Оренбургская область) и Осоавиахимовском (в Уфе, на крутом берегу Уфимки, вблизи современного юридического института МВД) я оказался в уже упоминавшемся, известном на всю Башкирию и за ее пределами Алкинском лагере. Но прежде чем рассказывать о лагере и моей службе в нем, остановлюсь на одной существенной детали, оказавшей влияние на всю мою последующую жизнь.

В Тоцком лагере нас не один раз опрашивали, имеются ли репрессированные родственники. Я дважды отвечал утвердительно и в обоих случаях оказывался вне производившегося отбора, то есть не соответствовал его требованиям. Солдаты, которых отбирали, следовательно, не имевшие репрессированных родственников, ничем от остальных не отличались, одни были лучше, другие – хуже. О том, из-за чего пострадала наша семья, я знал досконально, как и некоторые детали следствия и суда. Если в наше время возможен побег сразу трех человек из Бутырки, этой твердыни карательной системы страны, то много ли стоило подробностям жизни за стенками стерлитамакской тюрьмы преодолеть ее преграды и дойти до адресатов? В карательной системе всегда были люди, не опускавшиеся до уровня бездумных исполнителей. У меня никогда не было сомнений в невинности отца, я уже был способен ориентироваться в людях и понимал, что задававшие мне этот постылый вопрос были не лучше, а, может быть, хуже моего отца. Отвечать им утвердительно – значит клеветать на отца, ставить себя в положение изгоя. Тогда я с доверием относился к выражению Сталина "Сын за отца не отвечает", уже знал конституцию и был готов любому доказать свою правоту. Разумеется, на военной службе существуют ситуации, при которых надо все выкладывать о себе и родственниках, и я выкладывал, о чем речь пойдет ниже. Ни тогда, ни в другие времена советского периода я не мог допустить себе иной участи, чем та, которая досталась моему поколению. Больше

же всего не хотел оказаться в трудармии, боялся, что там я не по своей воле, а под давлением унижительных для человека обстоятельств окажусь в оппозиции к советской власти, которая – прямо скажем – умело превращала в своих недругов не только пострадавших от нее, но и своих сторонников. События последующей жизни подтвердили правоту такой позиции. Так что принятое восемнадцатилетним юношей решение не обливать грязью без вины пострадавшего отца, а вместе с ним и себя оказалось нравственно оправданным.

Итак, Алкино. Моя связь с ним сохранилась и по сей день: по левую сторону от железной дороги, когда ехать из Уфы, расположен наш садовый участок. Алкино военных лет напоминает о себе при подъезде со стороны Чишмов к станции Юматово, когда за окном вагона мелькают скромные памятники и кресты кладбища. Ежегодно, в День Победы, электрички останавливаются около этого кладбища, оказывая сыновью дань тем, кто уже более полувека мирно покоится на нем. Сейчас мало кто знает, что это могилы не только фронтовиков, но преимущественно умерших в гарнизонном госпитале воинов 4-й учебной бригады, готовившей для фронта младших командиров, и 17-й запасной стрелковой бригады, формировавшей маршевые роты. На Алкинском полигоне, также обозначенном на военных и топографических картах, одновременно находились многие тысячи человек, и вполне естественно, что они могли болеть и даже умирать. Им и было предоставлено это кладбище вблизи гарнизонного госпиталя, ныне – санатория Юматово. Среди похороненных на этом кладбище немало ушли из жизни из-за желудочно-кишечных заболеваний, так как питание в первые годы войны в этих лагерях было организовано плохо, курсанты и солдаты запасных полков были истощенными, можно было видеть роющихся в пищевых отходах. Помню такой эпизод. Наша рота впервые пошла в гарнизонный наряд, один взвод – дежурить на

пищевом блоке, то есть в столовой и обслуживающих ее подсобных подразделениях. Дежурить на пищевом блоке означало целые сутки досыта наедаться. Взвод так усердно дежурил, что в ночь после возвращения из наряда у 18 человек начался понос, в казарме стало нечем дышать. Наряду с такими случаями и пищевыми отравлениями, не редкостью была дизентерия. Госпиталь не справлялся с ситуацией, поэтому в каждом полку было по казарме, специально отведенной для лечения желудочно-кишечных заболеваний. Но вернусь к кладбищу. Оно ухожено, над ним кто-то шефствует, и когда в день Победы сюда приходят, чтобы отдать покоящимся должное как победителям в тяжелой войне, я не вижу в этом незаслуженной почести — не их вина, что, будучи призванными в армию, они не дошли до фронта, так как оказались в условиях, которые лишь с большой натяжкой можно считать человеческими.

И вот станция Алкино. Мы прибыли под вечер. Нас выгрузили из вагонов, с трудом разместили в небольшом станционном помещении. На путях стоял состав из нескольких вагонов, который оказался санпропускником, то есть баней. После двух месяцев скитаний по лесам и землянкам баня была для нас раем. Воды, по настоящему горячей, — вдоволь, пока не прожарится белье. За все время службы в армии, а это 13 лет, я не испытывал такого наслаждения от бани.

Алкинский лагерь мало чем отличался от Тоцкого и Колтубанского лагерей: такие же наполовину врытые в землю казармы, такие же трехэтажные нары и скудное питание, хотя курсантская норма, казалось бы, должна быть лучше, чем питание в запасных полках. Видимо, продуктов не хватало для обеспечения нормы, а часть из них исчезала на пути к желудку курсантов. В нашей республике в годы войны редко кто не знал, что такое Алкино. Этот лагерь давал только что оторванным от родного дома парням хорошую солдатскую закалку, умение переносить трудности и воевать в сложных

условиях. Зима 1943 года была суровой, провести под открытым небом 5-6 часов на полупустой желудок чего-то стоило 18-летним юнцам. Но заболеваний, подобных воспалению легких, обморожениям, не было. Молодость помогала все выносить.

Самым значительным событием на фронте в алкинский период моей службы в армии было наступление Красной Армии под Сталинградом, закончившееся разгромом гитлеровских войск на этом участке фронта. Победу год назад под Москвой заметно умалило наступление немецких войск летом 1942 года, когда они прорвались на Северный Кавказ, рвались к Волге и снова сложилась опаснейшая обстановка. Уныние охватило всех; казалось, что врага уже не остановить. Мы также знали, что изготовились для нападения на нас Турция и Япония, из-за чего советское командование вынуждено было держать войска и вблизи их границ. Союзники же по-прежнему вели с нами игру, откладывая открытие второго фронта. Кажется, еще в Тоцком лагере нам зачитали приказ Верховного Главнокомандующего № 227, обязывавший стоять до конца на каждом квадратном метре советской земли, не отступить без приказа командования. Ни шагу назад! – требовал этот приказ. На фронте создавались заградительные отряды, которым вменялось в обязанность открывать огонь по отступающим без приказа. (Забегая вперед, скажу, что я не встречал фронтовиков, видевших позади себя заградительные отряды. Очевидно, в конце 1942 года они где-то применялись, а с началом массового изгнания немецких войск надобность в них отпала).

В итоге разгрома немецких войск под Сталинградом была уничтожена трехсоттысячная группировка противника, только в плен захвачено свыше 100 тысяч солдат и офицеров во главе с командующим генерал-фельдмаршалом Паулюсом. Теперь уже всем стало ясно, что наступление вражеских полчищ провалилось. Одновременно с победой под Сталинградом наши войска изгнали гитлеровцев с Северного Кавказа, где им также удалось далеко продвинуться – до

Кавказского хребта и бои велись за горные перевалы. Нужно ли доказывать, что моральный дух советских людей после сталинградской победы заметно поднялся?

Постепенно в Красной Армии начались перемены, о которых раньше никто не думал, а на первых порах не мог понять их смысла. Например, как-то незаметно, без всяких указов и приказов слово "красноармеец" и "боец" стали заменяться словами "солдат" и "рядовой"; одновременно появились слова "офицер", "офицерский состав"; стали наводиться мосты преемственности с дореволюционной армией и военной историей России. Все чаще стали упоминаться Суворов, Кутузов, Брусилов, Ушаков, Нахимов и другие русские полководцы и флотоводцы. И, естественно, постепенно стали исчезать введенные в годы революции и Гражданской войны наименования Красная армия, Красный флот, уступив место Советской армии, Советскому военно-морскому флоту. И уж совсем ошеломляющим явился Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении погон в Вооруженных Силах страны. Уже зимой 1943 года погоны украсили форму советских воинов. Эти перемены были значительным событием, словно вместе с ними начинался новый период войны. Кстати, в те годы можно было услышать не только от солдат, но и от офицеров, что жизнь после войны изменится к лучшему, и часто это связывалось с надеждой, что отменят колхозы. Несмотря на строгую цензуру писем, до фронта доходило, как жилось на селе. И если, как утверждает советская историография, без колхозов мы не выдержали бы натиск врага, то с такой же уверенностью можно считать, что никакое другое землеустройство не смогло бы так обирать крестьян, как это делалось через колхозы. В годы войны село стало типичной некрасовской деревней с ее нищетой и произволом местного начальства, который лишь с трудом можно оправдать невзгодами военного времени.

После победы под Сталинградом уже мало у кого оставалось сомнение в нашей окончательной победе над гитлеровской Германией, хотя союзники по-прежнему тянули с открытием второго фронта, ограничивались боями, которые они вели в Северной Африке и ни в какой мере не были сравнимы с боями на нашем фронте. Тем не менее это не мешало им после войны не раз подавать их как бои, решившие исход всей Второй мировой войны. Мы уже стали сомневаться, начнут ли они вообще воевать на европейском континенте.

Летнее наступление Советской Армии на Курской дуге положило начало давно ожидавшемуся массовому изгнанию вражеских войск со всей захваченной ими советской территории. Последовавшая за Курской дугой серия наступлений вплоть до сражения за Берлин в советской военной истории получила название десять сталинских ударов по врагу. Одновременно зародилась традиция устраивать салют в честь освобождения от врага крупных городов.

Вторая половина 1943 года и до полной победы над Германией в мае 1945 года – это время салютов, иногда по несколько в день. Вся страна ожидала, услышит ли в этот день голос диктора Всесоюзного радио Юрия Левитана, только ему поручалось чтение приказов Верховного Главнокомандующего о взятии городов. Сильный и приятный голос, безупречная дикция этого диктора вызывали у слушателей состояние, близкое к оцепенению. Пожалуй, после фамилий Жукова, Рокоссовского и других видных полководцев можно ставить фамилию Левитана за его воздействие на психологическое и моральное состояние народа в военные годы. Уже в послевоенные годы узнал, что в Центральном радиовещании не знали, когда поступит очередной приказ Верховного Главнокомандующего и будет нужен Юрий Левитан, поэтому завели специальную картотеку "Где находится Левитан", а его обязали сообщать о всех своих перемещениях по Москве. Не обошлось без курьеза.

Однажды, идя по столице, Левитан услышал позывные радиостанции, означающие, что через 5-10 минут будет передано важное сообщение, которое читать должен только он. Подбегает к первому встретившемуся милиционеру, представляется и просит остановить любой автомобиль, чтобы доставить его на радиостанцию. Милиционер потребовал документ, удостоверяющий личность. Такого у диктора при себе не оказалось. "Я не обязан каждому встречному останавливать транспорт" – ответил милиционер. Тогда Левитан хватает его за плечи и во всю мощь своего голоса произносит: "Внимание! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза..." Дальше милиционеру незачем было доказывать, кто его просит о машине – и диктор своевременно оказался перед микрофонами Центрального радио. Мальчишки по месту жительства Левитана звали его дядей Салютаном. У людей моего поколения голос Левитана, иногда звучащий в эфире по записям того времени, вызывает чувства, связанные с военными годами. Его роль действительно была значительна, и вклад в победу несомненен. Такое же значение я придал бы публицистическому таланту писателя Ильи Эренбурга, статьи которого в центральных газетах в трудные годы войны помогали людям переносить невзгоды, вселяли уверенность в победе. В военные годы я разворачивал каждый номер "Красной звезды" в надежде найти в нем очередной очерк или статью Эренбурга. Не могу понять, зачем понадобилось "Правде" в начале апреля 1945 года уделить ему целую полосу под названием "Товарищ Эренбург упрощает" и всенародно отчитать его, вместо того чтобы в корректной форме подсказать поубавить пыла по части обвинений немецкого народа в злодеяниях фашизма.

В апреле 1943 года, закончив обучение в учебном полку и получив воинское звание сержанта, я был направлен в Уфимское пехотное

училище. Проходя так называемую мандатную комиссию, отрицательно ответил на вопрос, уже окрещенный мною как постылый.

Длившееся больше года пребывание в училище оставило у меня добрые воспоминания после всего, что я видел и испытал в уже упоминавшихся военных лагерях. Хорошие условия, нормальное питание, гуманное, хотя по-военному строгое обращение с курсантами, офицерский состав, испытавший лихо войны, – таким мне запомнилось Уфимское пехотное училище, просуществовавшее с 1941 по 1956 год. Училищем командовал генерал-майор Назаров, проявлявший к курсантам поистине отеческое отношение. Где, в каком еще военном училище или линейной части можно было в годы войны получить краткосрочный отпуск для поездки к родным? А нас, чей родительский дом находился в пределах Башкирии и транспортной досягаемости, отпускали на 7-е ноября 1943 года, 1-е мая 1944 года и перед отправкой на фронт.

Столь длительное – 15-месячное – пребывание в военном училище было вызвано тем, что в июне 1943 года оно с восьмимесячного срока подготовки офицеров было переведено на годичный срок, и нас, едва начавших занятия по восьмимесячной программе, начали снова обучать, но теперь уже по новой, годичной программе.

... И вот июль 1944 года. Мы сдали выпускные экзамены, но пока не поступит из Москвы приказ о присвоении офицерского звания, все еще будем находиться, выражаясь по-старинному, на положении вольноопределяющихся: уже не курсанты, но еще не офицеры, хотя и одеты в офицерскую форму, правда, на плечах все еще заработанные в Алкино сержантские погоны. Пожалуй, самое значительное обретение в этом положении – на ногах вместо ущемляющих мужское достоинство почти двухметровых обмоток – сапоги, пусть кирзовые, а не кожаные, зато начищенные до блеска. Свободнее стало с выходом в город, увольнительную записку давали по первой просьбе. Наконец-то

узнали, что приказ о присвоении звания получен, но нам его огласят и выдадут офицерское удостоверение личности только накануне отправки к месту назначения, дабы, получив погоны и удостоверение, мы не вышли из подчинения офицеров училища.

В один из августовских дней нас построили, зачитали долгожданный приказ, выдали офицерские погоны с удостоверением личности, и, завершая процедуру, генерал Назаров впервые обратился к нам словами "Товарищи офицеры!" Приказ о присвоении офицерского звания был подписан 28 июля – в день моего двадцатилетия. На следующий день состоялся торжественный обед с выдачей 100 граммов водки, но меня на этом заключительном акте не было – лежал в палатке с высокой температурой, почти без сознания из-за сильного приступа малярии. До войны эта болезнь свирепствовала в нашей республике, я заболел ею весной 1937 года, и периодически она валила меня с ног. Население и врачи привыкли к ней, смертность от нее была редкостью, но изматывала больных основательно. С диагнозом "рецидивирующая малярия" и запасом акрихина я воевал и жил до июня 1945 года, когда она оставила меня.

Едва новоявленные офицеры проснулись после памятного дня, как была подана команда строиться для следования на воинскую площадку Уфимского железнодорожного вокзала, которая и сейчас заметна, когда подъезжаете к Уфе со стороны Демы. И вот колонна, состоящая из двух рот молодых офицеров, с вещмешком за спиной, шинелью в скатку и офицерской сумкой через плечо, из летнего лагеря, расположенного в Затоне, двинулась к вокзалу. Из Уфы нас отправили в тот же день.

Однако прежде чем ехать в сторону фронта, мы две недели провели в полку резерва офицерского состава Южно-Уральского военного округа, который находился вблизи уже упоминавшейся станции Колтубанка. Этот полк остался в моей памяти из-за двух об-

стоятельств, связанных с инициативой его командира полковника Кулакова, личности весьма оригинальной. В 1944 году фронт уже не испытывал острой нужды в офицерских кадрах, был создан их резерв. Линия фронта приближалась к государственной границе СССР, на освобожденной от врага территории были организованы, а точнее, воссозданы такие же крупные запасные военные лагеря, как и в нашей географической зоне, и эти лагеря стали играть роль основного резерва действующей армии. В прежних "горячих" лагерях призывники 1926 года рождения месяцами ждали отправки на фронт, но многие так и не дождались, их очередь воевать наступила позже – летом 1945 года в боях с японскими милитаристами. Там же, в основном, участвовала и молодежь 1927 года рождения. И когда на фронт нужно было направлять офицеров, в полку Кулакова отправляемым устраивался экзамен по основным видам военной подготовки. Немало офицеров засиделось в запасном полку с его режимом, урезавшим офицерские вольности, нормированным питанием и прочими ограничениями, а фронт уже манил: войска вышли на границу, приближалась победа. Поистине, нужен был гений Кулакова, чтобы держать офицеров в рамках уставных требований и заставить еще раз проштудировать азы военной науки. Нас же это ограничение практически не коснулось: только что со "школьной скамьи", мы сходу сдали все экзамены и в полку не задержались. Короче говоря, заслужили доверие и честь ехать на войну.

Второе чудачество полковника Кулакова – он ввел порядок, при котором всем находящимся в строю офицерам полагалось принимать стойку "смирно", когда говорящий перед ними произносил имя Сталина. И только после команды того же говорящего "Вольно!" стоящие в строю принимали нормальное положение. Когда подобное происходило в помещении, то при упоминании Сталина присутствующие вставали, по команде "Товарищи офи-

церы!" садились. О подобном поклонении вождю, близком к обожествлению, я ни от кого не слышал. Полковник был мастером на выдумки, и это у него с блеском получалось.

Фронт

Наконец, мы в эшелоне, везущем на фронт. Куда и на какой фронт неизвестно. Наш эшелон – обычный товарный состав, в котором пять вагонов, оборудованных двухэтажными нарами. Название таким вагонам – телячьи. Постели никакой. Спали на шинелях, укрывались ими же (благо, они были солдатские, способные увеличиваться вширь), а под голову – вещевого мешок. В августе такой спартанский комфорт большого неудобства не составлял, тем более для молодых парней, горящих желанием поспеть к концу войны. Проезжаем Кинель, Куйбышев, Сызрань, Пензу, Борисоглебск, Белгород. Постепенно просачивается слух, что едем на 4-й Украинский фронт, который в это время продвигался с боями в направлении советско-чехословацкой границы, вступил в предгорье Карпат. На остановках, которые могли длиться часами, а то и сутками, бродили по городам, станциям, рынкам, покупали фрукты и продавали кое-что из личных вещей. Но что, спрашивается, может продать военный человек, едущий воевать с солдатским вещмешком, а не с чемоданом трофеев? Нашлось что.

Из наших пяти вагонов в одном находились офицеры, уже познавшие, что такое война. В колтубанский полк резерва они прибыли из госпиталей, некоторые имели по нескольку ранений, оснащение – те же полевая сумка и вещмешок. У них был не только боевой опыт. Когда потратили свои деньги, принялись за наши, и это у них получалось неплохо. Логика обработки нашего сознания была предельно проста и убедительна. Вы же – разъясняли нам – пехота, командиры взводов. В новом обмундировании походишь до первого боя, а там

будешь ранен или убит. Если ранят, в госпитале, при выписке, получишь другое обмундирование, а убьют – не все ли равно, что будет на тебе? Так лучше по дороге на фронт обменять новое на старое, получить деньги в придачу и покутить. И немало из нас именно по дороге на фронт впервые в жизни попробовали зеленого змия, избавившись от запасного комплекта белья, поменяв новые сапоги на старые и т.п. Попробовал такой коммерции и пишуший эти строки. Но меня, как назло, ни в первом, ни в последующих боях не убило и не ранило, сапоги, которые я получил в обмен на новые, развалились, пришлось некоторое время ходить в ботинках с обмотками, пока старшина роты ни нашел сапоги.

Свою конечную остановку наш эшелон сделал в городе Станиславе, областном центре Западной Украины, и уже через неделю я прибыл к месту назначения – в 318-ю горно-стрелковую Новороссийскую дивизию. Она только что перешла границу, вела тяжелые бои, как всегда в таких случаях несла потери, накануне схоронили заместителя командира дивизии. Направление в полк прошло без всякой волокиты, и я сразу же в сопровождении связного отправился в штаб 1331-го горно-стрелкового полка, а оттуда – в первый батальон полка, в его первую стрелковую роту. Ей был придан пулеметный взвод, командиром которого я был назначен. Все было сделано до предела оперативно и по-деловому, даже никто не поинтересовался, кого отправляют на передовую – опытного офицера или необстрелянного юнца, никто не ввел в обстановку, не сделал напутствия.

По пути в батальон проходили мимо горящего склада боеприпасов, и как-то странно выглядел этот пылающий объект: ни единого взрыва, только треск, словно горят сухие ветки; провели нас почти вплотную к пожару. Так состоялось первое знакомство с боевой обстановкой, не считая грохота артиллерии, который был слышен за многие километры от передовой.

В батальон, а оттуда в роту я прибыл уже поздно. Накрыла ночь. То моросил, то переходил в ливень дождь; ни зги не видно и нестихающий артиллерийский и минометный огонь противника. Мне нашлось место в окопе пулеметного расчета; кто-то вручил карабин, и провожающий исчез в темноте. Укрытием от дождя служила натянутая над окопом солдатская плащ-палатка – удивительное творение человеческого гения, сравнимое по универсальности с колесом. Ночью я не стал обходить позиции пулеметов вверенного мне взвода, так как в темноте на незнакомой местности, да еще в лесу, можно было заблудиться. Кроме того, всю ночь не прекращался огонь артиллерии и минометов противника. Ночью же представился парторгу и заместителю командира батальона, которые в сопровождении солдат обходили передний край.

Близко к рассвету огонь противника ослаб, а затем и вовсе прекратился, уступив место неожиданной после такой ночи тишине. Что это – какая-то каверза противника или еще что-то? Но вскоре из штаба батальона поступило приказание оставить занимаемую позицию и следовать в направлении штаба полка. Там узнали, что немцы, выпустив в нашу сторону излишек боеприпасов, который не смогли унести с собой, оставили свои позиции. Иначе говоря, отступили.

Людам, никогда не воевавшим, нелишне знать особенности боевых действий в горно-лесистой местности. Наступающая армия в этих условиях лишена возможности применять танки, малоэффективной становится полевая артиллерия и авиация. Наступать приходится, используя только живую силу и девиз "Вперед!" Как правило, обороняющийся стремится выбрать местность, выгодную для него: господствующие высоты, крутые склоны и все, что вынуждает наступающих занимать уязвимые места. В ходе Отечественной войны, когда линия фронта простиралась на тысячи километров, горные войска наступали преимущественно по долинам рек или на участках, где можно было

применять боевую технику, а там, где это было невозможно, обычно переходили к обороне, пока не продвинутся вперед войска, действующие на равнине, и не создадут для противника угрозу окружения или нарушения коммуникаций, особенно дорог, по которым происходит снабжение войск. В таких случаях находящемуся в горах противнику остается либо отступить и отходить до безопасных для него рубежей, либо обрекать себя на гибель. Этим объясняется непрерывность огня по нашим войскам накануне: палили, чтобы израсходовать боеприпасы и налегке отходить.

В нашем случае правый сосед – 1-й Украинский фронт – успешно продвигался по равнинной Польше, а левый – 2-й Украинский фронт – по менее гористой части Румынии и Венгрии и по долинам Дуная с его притоками. Немецким войскам, засевшим в Карпатах против 4-го Украинского фронта, ничего не оставалось другого, как отходить, выравнивать линию фронта. Прелести войны в горно-лесистой местности с лихвой испытали советские войска в афганской войне 70–80-х годов прошлого века, испытывают сейчас американские войска в том же Афганистане.

Не намерен описывать свое пребывание на фронте в виде хроники – последовательного изложения всего испытанного и пережитого. Я не отношусь к той категории ветеранов Отечественной, чей боевой путь измеряется внушающей уважение фразой "Прошел от Волги до Берлина". В пространстве и во времени он был намного короче – от уже упоминавшейся государственной границы с Чехословакией до треугольника, образованного довоенными границами Германии, Польши и Чехословакии; во времени же – с конца сентября 1944 года до апреля 1945 года. Полгода с небольшим. Но это не маршрут туристической поездки, а путь непрерывных боев, в котором было три естественных для войск состояния – подготовка к наступлению, наступление и короткий, всего несколько дней, отдых, необходимый для по-

полнения дивизии людьми и боеприпасами. Отсюда название такого отдыха – формирование, иногда это была настоящая оборона, если с переднего края не уходили.

За полугодовой фронтовой путь мне удалось увидеть если не все, то многое из того, что скрывается за словом "война": гибель и увечье людей, разрушенные дома и целые города, взорванные мосты и донельзя искореженные железнодорожные пути. И сам я не однажды смотрел смерти в лицо, хотя отделался на редкость легко, получив всего лишь контузию, и то незначительную. Перед моим взором прошли сотни людей, не доживших до победы, еще больше – получивших ранения. Среди погибших были и такие, кто выполнял мои приказы. Они погибли не потому, что приказы были неправильные, а потому, что война без жертв не обходится. Такова логика человеческих побоищ, заставляющая людей идти на заведомо смертельный риск...

Остановлюсь на самых впечатляющих событиях, участником или свидетелем которых я был.

Перейдя государственную границу, мы сразу же оказались на территории Словакии, составлявшей тогда с Чехией единое государство Чехословакию. В годы войны ее оккупировала Венгрия, разумеется с согласия Германии. Во всех населенных пунктах, через которые мы проходили, нас встречали с хлебом-солью, а точнее, с огромными караваемы пшеничного хлеба и кусками копченого сала. Несмотря на различия в языке, объясняться со словаками нам не составляло труда. Словацкие села добротные, строения из горного камня или кирпича. Достаток выпирал из всех углов. Буквально на второй день пребывания в Словакии офицеров вызвал заместитель командира полка по политической части и обратился со словами: "Товарищи офицеры! Мы пришли за границу. Вы видите, как здесь живут. В общении с рядовым составом объясните, что Словакия – это кулацкий край, поэтому здесь нет бедных и нищих. Когда мы

войдем в Чехию, где живет промышленный пролетариат, там увидим, как живут пролетарии". Когда же войска вошли в Чехию, рассмотрелись на жизнь в этом крае, стало совсем не по себе: достаток, высококультурный быт, такое же, как в Словакии, радушное отношение к нам, особенно за то, что танкисты генерала Рыбалко спасли Прагу от разрушения гитлеровцами. Что же касается разъяснения, сделанного заместителем командира полка, то ему, очевидно, в голову не пришло, что слово "кулак" по определению предполагает наличие бедноты, в частности работающих у кулака батраков.

Однако первыми впечатлениями о Словакии ограничиваться нельзя. В ней мы наткнулись на какой-то странный уголок, носящий название Червонная, то есть Красная, Русь. Площадь этой Руси сравнима с площадью наших крупных районов, располагается она в горах, на земле, которую лишь условно можно считать землей – смесь камня с глиной. Здесь единственный раз за всю свою жизнь я встретил дома, которые отапливались по-черному, то есть без дымоходной трубы, так как трубы обкладывались высоким налогом. Дым, как в старинных русских банях, выходит наружу через двери; быт – примитивный. Только в Червонной Руси мне довелось видеть людей, бо-сиком спокойно идущих по улице в середине декабря, в одежде из самотканного материала, расшитого орнаментом. Какой-то реликтовый край, чуть ли не сколок каменного века. И где? В самом центре Европы! Объясняться с жителями Червонной Руси труда не стоило: их язык почти как старорусский.

Еще в советские времена в общественном мнении был поднят вопрос о том, что при обилии мемуарной литературы, посвященной Великой Отечественной войне, в ней очень мало окопной правды, показывающей войну не с командных пунктов командующих фронтами и армиями, а из окопа, как ее видел солдат. Не претендуя на устранение

этого пробела, попытаюсь показать, разницу в восприятии происшедшего на фронте генералом, командовавшим корпусом, и командиром взвода, для чего начну с извлечения из воспоминаний генерал-лейтенанта А.Я.Веденина "Годы и люди" (– М.: Издательство политической литературы, 1964, стр.145–148). Генерал командовал 3-м горнострелковым корпусом, в состав которого входила наша дивизия, в послевоенные годы длительное время был военным комендантом московского Кремля.

"... Наступление назначили на следующее утро (9 декабря - Авт.). Оно пришло пасмурное и холодное. Ровно в 10 часов началась мощная артиллерийская подготовка. 45 минут оглушительно гудели орудия и минометы. За огневым валом бросились гвардейцы 128-й дивизии.

Система огня противника была смята, передний край "Гизелештёлунг" прорван.

Стремительным наступлением гвардейцы нарушили управление и систему вражеской обороны. 128-я дивизия продвинулась на четыре километра, а один батальон 315-го гвардейского полка значительно дальше – в район безымянного хутора восточнее Барда. Гитлеровцы оставили Бачков. Быстро оценив нарастающую угрозу, они начали немедленно перебрасывать на этот участок подкрепления...

На второй день наступления враг продолжал контратаковать части 128-й гвардейской дивизии. Он подтянул к участку прорыва все резервы 101-й горно-стрелковой дивизии.

Бои протекали в исключительно тяжелых условиях. Пользуясь тем, что оба фланга корпуса оставались открытыми, противник проникал в наш тыл и перерезал лесные тропы, питающие передовые части. Вьючные караваны шли под сильной охраной и с боями пробивались на передний край. Часто они не доходили до места назначения.

... Упорные бои в районе Бачков-Даргов продолжались до 26 декабря. Потеряв больше половины боевого состава, только что полноценных танковой и пехотных дивизий, немцы вынуждены были

отказаться от своего замысла. Они потеряли убитыми и ранеными до 5 тысяч солдат и офицеров. Советские воины уничтожили 10 артиллерийских батарей, 18 минометных батарей, 78 пулеметов, захватили много пленных".

Когда читаешь написанное генералом и начинаешь сравнивать с тем, что сам испытал или свидетелем чего был, находишь расхождения, иногда значительные. Хочу привести данные в пользу такого утверждения.

Действительно, наступление, о котором пишет генерал Веденин, началось 9 декабря. Но я не помню, чтобы к нему велась подготовка личного состава, как пишет генерал. До самого начала наступления мы вели непрекращающиеся бои, пусть незначительные, но они были изматывающими и покою не давали. О том, что начинается наступление, мы узнали, когда раздались громовые раскаты катюш, с залпов которых обычно начиналась артподготовка наших войск в последние годы войны. Огонь катюш сразу же был подхвачен и многократно усилен артиллерией и минометами. Наша дивизия, стоявшая во втором эшелоне наступающего корпуса, в ходе артподготовки медленным маршем приближалась к месту событий. Это действительно захватывающая картина: сплошной гул артиллерии; туман, постепенно застилающий местность из-за тысяч разрывающихся мин и снарядов; самолеты, летящие в сторону противника – все это, с моим равнодушием к музыке, я назвал бы симфонией войны. Такое зрелище не каждому, к счастью, дано наблюдать. Я же видел один раз в жизни и, откровенно, не представляю, свидетелями каких зрелищ были войска наших центральных фронтов, где с обеих сторон было во много раз больше войск и артподготовка длилась до двух часов. Но, пожалуй, самое неожиданное и грустное в этой операции было то, что, когда наши войска ворвались в Бачков, упоминаемый генералом, то оказалось, что артподготовка была неэффективной: немцы знали о готовящемся наступлении и даже о дне его

начала, поэтому вывели свои войска из траншей первого эшелона, которые затем усердно обрабатывала наша артиллерия. Когда же 128 гвардейская дивизия не обнаружила противника на переднем крае и продолжила движение вглубь обороны, то наткнулась на его уцелевшие боевые порядки, и завязались упорные бои. Именно этот промах и послужил причиной боев, сразу же принявших жесткий характер. В своих воспоминаниях генерал об этой детали умалчивает. Мы же, зайдя в уже освобожденный Бачков, вынуждены были под непрекращающимся артиллерийским огнем противника, по колена в воде отсиживаться в затопленных им при отходе траншеях.

Чтобы понятным языком раскрыть выражения генерала: "Бои велись в исключительно тяжелых условиях" и "фланги корпуса оставались открытыми", потребовалось бы много бумаги и времени. На огромной территории, покрытой туманом артиллерийского огня и гарью, многочисленными сопками и другими неровностями, все перемешалось; непонятно было, кто наступает, а кто обороняется. Казалось, поменялись местами страны света. Всюду можно было наткнуться на немцев, а немцам – на нас. Пленных обе стороны не брали, потому что некому было их охранять и неизвестно, куда отправлять. Передвижение противоборствующих войск носило поистине хаотический характер. Связь со штабами поддерживалась только по рации.

В конце второго дня боев наш батальон овладел господствующей высотой, и к нам вскоре прибыли корректировщики огня артиллерии и действий штурмовой авиации. Немцы решили любой ценой выбить нас с этой высоты. Начались контратаки, в перерывах между которыми высоту обрабатывала артиллерия и минометы. Наступил такой момент, когда из-за понесенных потерь и усилившегося натиска противника батальон был не способен удерживать захваченную позицию. Тогда командир батальона пошел на крайний риск: запросил у командира полка с началом новой контратаки противника открыть артиллерийский и минометный огонь по позиции батальона, что на языке во-

енных носит название "огонь на себя!" И этот огонь наши минометчики и артиллеристы дали основательно! Идя в полный рост, немцы не имели укрытия, мы же вели по ним огонь из окопов и блиндажей. Большинство атакующих полегло на подступах к нашим окопам или между ними, мы потеряли тоже немало, но позицию не оставили. Когда стемнело, мы и противник стали подбирать убитых и тяжелораненых, причем делали это одновременно, слыша в нескольких метрах от себя приглушенные голоса и стоны раненых врагов. Но как-то само по себе, без договоренности получилось, что ни та, ни другая сторона огонь не открыла, пока длилась эта грустная процедура. Словно сработал инстинкт отдания должного погибшим в бою. Подобное я больше не наблюдал.

В конце декабря, после боев, длившихся почти месяц, дивизию вывели на отдых и пополнение. Мы разместились в старинном словацком городке Сечевцы и в его окрестностях. На этот раз отдых действительно совмещался с боевой учебой, так как дивизия получила пополнение из недавно освобожденных районов. Кратковременный отдых был для меня приятным по ряду причин. Во-первых, за участие в боях меня наградили орденом Красной звезды, во-вторых, было присвоено звание лейтенанта и, в-третьих, меня приняли в ряды ВКП(б).

Еще в ноябре парторг батальона в присутствии других офицеров предложил мне подумать о вступлении в партию, сопроводив это предложение словами: "Мы к тебе уже присмотрелись, ты неплохо воюешь". Я улучил момент и с глазу на глаз поставил парторга в известность о своей политической ущербности. В ответ услышал: "Мы же не отца твоего будем принимать в партию, а тебя". – "А говорить об этом на партсобрании?" – "Если спросят – говори!" Не спросили. Да и кого на фронте интересовала политическая стерильность воюющих! Не интересовались, есть ли у меня репрессированные родственники, и на заседании дивизионной парткомиссии, утвердившей реше-

ние партсобрания батальона. Так я был принят кандидатом в члены партии, а после войны, в 1947 году, – в члены партии. Из рядов КПСС я не выбывал, но в КПРФ не вступил. Партийный билет как реликвию прожитой жизни храню по сей день.

После завершения операции в Восточной Словакии, освобождения городов Кошице и Прешов наш корпус был рассажен в сотни автомобилей "Студебеккер" и "Шевролет" и переброшен в Южную Польшу. С боями либо преследуя немецкие части, которые отходили из-за висевшей над ними угрозы окружения успешно наступавшими войсками 1-го Украинского фронта, мы медленно продвигались на запад. В сводках Совинформбюро часто сообщалось, что войска 4-го Украинского фронта ведут бои местного значения или вообще ничего не говорилось о них. За словосочетанием "бои местного значения" очень часто скрывались не достигшие своей цели кровопролитные бои, то есть заминка, а то и срыв наступления. В таком бою я еще раз участвовал в боях за город Живец в Польше. Вот что пишет об этих боях генерал Веденин в своих воспоминаниях: "Весьма значительную роль в прорыве ... оборонительного рубежа гитлеровцев сыграло то, что наши части, осуществив энергичный бросок в труднопроходимой местности, неожиданно для противника вышли в район Завея, преодолели горный хребет и, прорвавшись к городу Кашарова, создали непосредственную угрозу узлу дорог и важнейшему опорному пункту гитлеровцев – городу Живец. После двухдневных ожесточенных боев Живец был занят войсками нашего корпуса. Задача по обеспечению фланга 38-й армии была успешно решена"(с.150).

Повторюсь: "После двухдневных ожесточенных боев Живец был занят войсками нашего корпуса". Ничего себе два дня! Наш полк вошел в Живец в последних числах января. Но немцы непрерывными контратаками выбили из города часть полка. Первый батальон, обескровленный в ходе предыдущих боев, сумел зацепиться на восточной

окраине города и организовать круговую оборону. В течение четырех дней, а вернее – четырех ночей, гитлеровцы пытались выбить нас из города и уничтожить на ровной, как стол, местности. Контратаки следовали одна за другой с началом темноты и до глубокой ночи. Против нас действовал офицерский штрафной батальон, усиленный самоходными орудиями. Снова комбату пришлось вызывать огонь на себя. Пожалуй, единственное, что спасло нас от верной гибели, это прочные кирпичные дома на высоком бетонном фундаменте. Тем не менее силы таяли с каждым днем и каждой контратакой немцев.

Кульминацией этих боев для меня явились последствия разговора по телефону командира батальона с командиром полка. Комбат докладывал, что батальон находится под угрозой разгрома, а его штаб – захвата противником. Необходимо срочно отводить штаб батальона в тыл (а это около километра), в городе же оставить опорный пункт, в котором сконцентрировать весь остаток батальона, рассредоточенный сейчас по 3-5 человек в нескольких домах, и во главе этого гарнизона поставить временно исполняющего обязанности командира пулеметной роты лейтенанта Никова, у которого уже есть боевой опыт. Не скрою, что услышанное меня не очень обрадовало. По сути дела, нас оставили на верную гибель, если не пришлют подкрепление.

Нам пришлось еще две ночи отбивать атаки немцев, трупы атакующих лежали перед входом в дом. Затем нас сменила другая часть. Вот вам “после ожесточенных двухдневных боев Живец был занят войсками нашего корпуса”!

В чем же причина расхождения в описании боевых событий генералом и младшим офицером? Где ложь, а где истина? Думается, что дело совсем в другом. Причина в том, что командир корпуса и командир взвода, пусть даже исполняющий обязанности командира роты, имеют перед собой разные перспективы, обладают разными масштабами видения происходящего и мыслят разными кате-

гориями. Генерал взял Живец и устремил свой взор в следующий рубеж боевых действий, его не слишком тронуло, что немцы пытались вернуть этот город, так как они уже не представляли угрозы общему ходу боевых действий корпуса. Что после взятия города бои за него продолжались еще целую неделю, его мало волновало. Для чего-то же существуют дивизии и полки со своими командирами и боевыми средствами – они справятся с ситуацией. Поэтому и возникла проблема "окопной правды", которая глубже, подробнее может раскрыть истину о войне без изъятий и прикрас, но едва ли даст основания менять воззрения на нее, противопоставлять генералов и солдат. В этой связи хотел бы напомнить известное определение слова "солдат", данное А.В.Суворовым: "Солдат – слово общее, почетное. Солдатом называется первейший генерал и последний рядовой". Кстати, немецкие офицеры и генералы носили в своих карманах не удостоверения личности, как мы, а солдатскую книжку.

В разговорах о войне часто можно слышать о незабвенных 100 граммах водки, произносимых с прилагательным "фронтовые" или "наркомовские". Последнее название объясняется тем, что они были введены народным комиссаром обороны К.Е.Ворошиловым во время советско-финской войны, происходившей в условиях очень холодной зимы. В нашей республике в ту зиму ртуть в термометрах не раз опускалась ниже отметки 50. Вряд ли нужно оправдывать введение такого "пайка" для воюющей армии, причем только на период октябрь–март. Именно на эти шесть месяцев пришлось мое участие в Отечественной войне.

Решил упомянуть эту тему, вспомнив мудрое изречение древних: все имеет "за" и "против". Водка, действительно, согревает и взбадривает воинов, особенно перед наступлением. Ведь это только в газетах можно было встретить, что перед наступлением солдаты клялись друг

другу не уронить достоинство советского воина, писали домой патристические письма, просили считать их коммунистами, если не вернутся из боя и пр. Чаще перед наступлением пропадал аппетит, солдаты молча обменивались адресами своих родственников. Ближе к истине поэт, написавший: ведь самый страшный час в бою – час ожидания атаки. И как полезны были эти сто грамм, принятые еще до громовых раскатов артиллерийской подготовки, также придававших войнам бодрости и храбрости.

Это – "за", но было и немало "против".

После длительного марша наш полк занял исходную позицию по склону горы. Немцы занимали соседний склон. Расстояние до них едва составляло полкилометра по горизонтали, но надо было преодолеть лощину, разделявшую эти два склона. Была поставлена задача сблизиться с противником и овладеть его позицией. Следовало незаметно, используя кустарник и редколесье, спуститься в лощину, подняться по ее противоположной стороне и ударить по врагу.

На рассвете, перед наступлением, привезли завтрак, но не весь, так как часть вьюков с пищей была разбита минометным огнем немцев, до нас дошли вьюки с хлебом, сахаром и водкой. Позавтракали, а точнее говоря, выпили по сто грамм и закусили чем бог послал, а затем начали скрытый спуск в лощину. И буквально через считанные минуты стал раздаваться клич "За Родину, за Сталина, вперед!" Кричали не воины, а водка в их пустых желудках. Хотя возгласы тут же прекратились, но этого было достаточно, чтобы противник засек начавшееся движение и открыл огонь по заранее пристрелянным маршрутам нашего вероятного наступления. Пока полк к концу дня с трудом достиг намеченного рубежа, он понес потери, сделавшие невозможным штурм переднего края противника. Так и остались сидеть на этой позиции, пока через неделю немцы не отошли с занимаемого рубежа.

Второй пример. Шел бой за населенный пункт. Хмельной командир батальона оставил наблюдательный пункт, решив заделаться снайпером. Произвел выстрел из окна и, как ему показалось, убил немца. Тут же перезаряжает снайперскую винтовку, снова появляется в окне и ... падает мертвым. Спрашивается, зачем комбату так глупо рисковать собой? Даже последний рядовой не должен так поступать в бою. И сколько было нелепых случаев по вине легендарных ста граммов, если они вливались в легкомысленных людей! Этими примерами я вовсе не хочу компрометировать идею выдачи воюющей армии спиртного в осенне-зимнее время, лишь утверждаю, что на войне оно – обоюдоострое средство, способное привести как к успеху, так и к неудаче, подобной случившейся в городе Житомире. Покидая его под натиском наших войск, немцы оставили несколько цистерн со спиртом. До них дорвались наши воины и пили подобно героям фильма М.Евдокимова "Не валяй дурака". Город пришлось брать дважды...

Продвигаясь по Южной Польше, мы встретили совсем иное отношение к нам населения по сравнению с тем, как нас встречали в Словакии. Шли словно по вымершим населенным пунктам. Когда останавливались на ночлег, хозяева спешили уведомить, что у них все отобрали немцы. Стандартное "Ниц нимама – вшиско забрал герман" звучало в ответ на любой вопрос или просьбу, с которыми мы обращались к полякам. Соответствовало это истинному положению дел или нет, нас не интересовало, да мы и не обращались к ним за продовольствием. Нас удивило такое отношение само по себе. Мы знали, что полякам гитлеровская оккупация причинила зла намного больше, чем словакам и чехам; многие погибли в лагерях смерти; происходило восстание в Варшаве, закончившееся волной кровавых расправ... – и такое отношение к армии-освободительнице. Очевидно, накладывала отпечаток сложная и противоречивая история российско-польских отношений, берущая начало много веков тому назад, а также советско-

германский договор 1939 года. Возможно, что о Катynie, где происходил массовый расстрел польских офицеров, попавших к нам в 1939 году, поляки уже что-то знали. Мне довелось с 1952 по 1955-й год служить в Северной группе советских войск, располагавшейся на территории, отошедшей к Польше по решению государств-победителей. Она получила эту территорию из рук Советской Армии, и, казалось бы, поляки должны были испытывать чувство благодарности к нам не только за освобождение от оккупантов, но и за возврат исконно польских земель. Но, увы, отношения с ними мало чем отличались от отношений в годы войны.

В начале апреля 1945 года, в сравнительно спокойной обстановке между боями меня снова свалил приступ малярии, самый тяжелый за все годы болезни этим недугом. В бессознательном состоянии меня отправили в дивизионный медсанбат, а оттуда в армейский терапевтический госпиталь, в котором пробыл несколько дней. Вернулся в свой полк, где меня встретили чуть ли не с объятиями. Дело в том, что полк получил разнарядку направить одного офицера на девятимесячные курсы подготовки военных переводчиков при Институте иностранных языков Красной Армии. Направлять было некого, а тут появился я с моим неполным средним образованием. В тот же день была оформлена командировка, и, переночевав, я убыл из полка. Когда меня принимали в отделе кадров армии, в комнату вошел офицер из наградного отдела. Услышав мою фамилию, спросил, не из 318-й ли дивизии я. "Да" – отвечаю. "Поздравляю Вас, лейтенант! Вы награждены орденом Отечественной войны второй степени за успешные боевые действия по освобождению города Живец". Радости, разумеется, не было предела. Тут же меня пригласили в кабинет начальника наградного отдела, и тот собственноручно прикрепил орден к гимнастерке.

Отъезд на учебу в начале апреля означал для меня прощание с фронтом. Когда я получил это предложение, то подумал, что полгода постоянного пребывания на переднем крае, орден Красной звезды,

принятие в ВКП(б), а затем второй орден – все это должно послужить достаточным основанием для снятия с меня первородного греха. И когда в институте при прохождении мандатной комиссии мне задали все тот же постылый вопрос, я рассказал об отце. Приведу дословно допрос, начавшийся, когда я зашел в кабинет заседания комиссии.

– Откуда Вы знаете немецкий язык? (Экзамен я сдал на "отлично").

– В школе у нас был хороший учитель немецкого языка, кроме того, я занимался в руководимом им кружке, а во время учебы в военном училище часто заглядывал в немецко-русский военный разговорник.

– У Вас есть репрессированные родственники?

– Нет, но были.

– Кто?

– Отец. Он был осужден по 58-й статье, по обвинению в антисоветских высказываниях, к восьми годам лишения свободы. Умер в 1942 году.

– Почему не пишете об этом в анкете?

– Там нет прямого вопроса, обязывающего меня указывать это. Но когда меня спрашивают в соответствующих инстанциях, я, как и сейчас, говорю.

– Можете идти.

Война подходила к концу, внешнего врага добивали, приближалась мирная жизнь, наступала пора усиливать бдительность против внутренних врагов. Когда был вывешен список с результатами приема, я оказался среди не прошедших по конкурсу.

...Известие о нашей Победе застало меня поздно вечером 8 мая на львовском вокзале: я возвращался в распоряжение отдела кадров 1-й гвардейской армии, в состав которой входила 318-я горнострелковая дивизия. Предстояло провести на вокзале ночь, а утром 9-го мая уехать поездом на Перемышль. Поздно вечером город потрясла

беспорядочная стрельба, в небе вспыхнули ракеты, и первая мысль, многим пришедшая в голову, была – бандеровцы! Но тут же стали раздаваться ликующие «Ура», «Победа», «Мы победили!». Ночь не спал, в одиночку переживая радость и бродя по вокзалу в надежде встретить кого-нибудь из попутчиков. Утром, не дожидаясь поезда на Перемышль, сел в первый попавшийся грузовой автомобиль, следующий через всю Польшу; в нем кроме меня находились еще три офицера. О большей удаче и я не мечтал. Весь день 9-го мая находились в пути без пищи и денег, зато с целой канистрой спирта и ящиком масла. Голодные, но слегка под хмелем, ликовали вместе с Польшей, которую за день почти пересекли, и провели ночь в Кракове. На следующий день также попутными машинами выехал в Чехословакию, где находилась 1-я гвардейская армия. Так окончилась для меня Великая Отечественная война.

Не намерен повторять общеизвестные истины о ее значении и об извращениях этого вопроса, которые стали появляться в последние годы. Хочу отметить ее значение во внутривнутриполитическом плане. Победа способствовала консолидации общества. После войны поубавилось охотников делить людей по классовому признаку, ушло из нашей лексики слово «кулак»; вернулись из небытия многие фамилии дореволюционной истории; изменилось отношение к советскому строю среди эмигрантов за рубежом, немало из них вернулись на Родину, хотя некоторых здесь ждал ГУЛАГ. Еще в годы службы в армии слышал, что 37-й год был годом избиения кадров. Однако стоило вождю прийти в себя после напряжения военных лет, как патологическое сознание и страх за собственную жизнь, превратившие его в пленника Кремля и ближней дачи, подтолкнули его к повторению прошлого. Проявлениями этого рецидива назвал бы ленинградское дело, борьбу с космополитизмом, дело врачей, серию постановлений по идеологическим вопросам, призывы усиливать бдительность. Однако до суди-

лиц, подобных печально знаменитым московским процессам и тройкам 30-х годов, дело не дошло.

Не могу обойти вопрос о роли наших союзников в войне с фашистской Германией, в частности вопрос о том, могли бы мы без них победить ее? Этот вопрос не надуманный, потому что второй фронт они открыли только в июне 1944 года, когда Советская Армия уже приближалась к довоенной границе, что порождает соблазн думать, будто мы могли обойтись и без союзников. Пожалуй, с этим можно согласиться, если участие США и Англии в войне свести только к ведению боевых действий на территории Западной Европы. Но есть еще одна сторона этого вопроса и, полагаю, не менее важная, чем их непосредственное участие в войне. Так, за время пребывания на фронте и в прифронтной полосе я, за редким исключением, не видел автомобилей отечественного производства – весь автотранспорт, даже легковой, был американский: целые автоколонны могучих "студебеккеров", бесчисленные "шевролеты", "виллисы", "доджи" и т.п. Все катюши стояли на шасси "студебеккеров". Невозможно представить, что случилось бы с фронтом, если вместо этого транспорта использовались бы наши ЗИСы, "газики" и конский транспорт. Но это еще не все. Союзники ощутимо помогли нам продуктами питания, армейским обмундированием, тканями, обувью и многим другим, чем пользовались и фронт и тыл. Если учесть, в каком напряжении находился наш тыл в годы войны, то на большее он уже вряд ли был способен. И не будь помощи союзников, мы на каком-то этапе войны были бы вынуждены идти на компромисс с фашистской Германией.

Другое дело, что союзники вели с нами нечестную игру: ждали, что в единоборстве с Германией мы ослабнем настолько, что условия послевоенного мира диктовать будут они. Но из этого у них далеко не все получилось, и тут нельзя не отдать должное И.В.Сталину как политическому стратегу, что Рузвельт и Черчилль открыто признавали.

Среди всего, что я видел и пережил на войне, самый глубокий душевный след оставила во мне участь одного офицера, в подчинении которого я находился около двух месяцев. Эта история выходит за рамки боевого эпизода, она – повествование о любви, ее облагораживающем воздействии на человека, переплетении общественного и личного в судьбах простых людей.

Я уже упоминал, что в боевой обстановке мой пулеметный взвод своим огнем поддерживал первую стрелковую роту и находился в ее боевых порядках. На военном языке это означает, что он придавался первой роте, подчинялся ее командиру. В первом же бою с моим участием командир первой роты был ранен, и через некоторое время его место занял прибывший из госпиталя старший лейтенант Аркадий Спектор.

Выше среднего роста, в возрасте 25-30 лет, по-мужски красивый и статный, старший лейтенант в считанные дни завоевал мое расположение, а затем привязанность и беспрекословное подчинение, хотя для последнего обстоятельства армейскому начальнику вовсе не обязательно обладать перечисленными достоинствами: на то и существуют в армии уставы и присяга, чтобы воинство любило свое начальство.

Спектор, в свою очередь, относился ко мне внимательно, с известной долей покровительства, так как понимал, что в моем лице имеет дело с еще необстрелянным птенцом, поэтому занял позицию скорее шефа, чем воинского начальника. Находясь в обороне, мы много времени совместно проводили в блиндаже и скоро обнаружили общие интересы и взгляды по вопросам, касающимся происходящих в мире событий, культуры, искусства и др. Для того чтобы мы привязались друг к другу, на войне хватило одной недели.

Некоторые детали наших отношений я и теперь с трудом могу объяснить. Например, бодрствование в ночное время мы с ним делили поровну. Оно было необходимо, чтобы контролировать передний край, беседовать с воинами, поддерживать в них бодрое настроение и высокую бдительность на посту. Но иногда я просыпал всю ночь на-

пролет, если она была спокойной. В чем дело? Спектор считал, что для двадцатилетнего человека подобная нагрузка тяжела, не будил меня в течение ночи, а сам несколько раз обходил позицию роты. (Признаюсь, что, когда через некоторое время я, уже освоившись с боевой обстановкой, сам был в положении командира роты, подобной заботы о начинающих офицерах не проявлял).

Сблизившись, мы не переходили на фамильярные отношения, иначе как "Товарищ старший лейтенант" я не называл его. Но и уставное подчинение старшему, и официальные отношения между нами лишь дополняли то уважение, которое я к нему испытывал.

Примерно в середине ноября я заметил, что со Спектором происходит что-то неладное: задумчив, избегает разговоров, стремится быть наедине. На мой вопрос, что с ним происходит, ответил, что получил от жены неприятное письмо, а через некоторое время дал его прочитать. Однако прежде чем пересказать содержание письма, объясню, чем оно было вызвано и что ему предшествовало в жизни этой супружеской пары.

Незадолго до войны москвич Спектор, оставив столичный вуз, по комсомольской путевке был направлен на учебу в военно-морское политическое училище, что находилось в городе Благовещенске на Дальнем Востоке. Училище окончил в мае 1941 года и получил направление в Балтийский военно-морской флот. По дороге к месту назначения остановился в Москве, намереваясь провести в столице отпуск, предоставленный после окончания училища. Здесь он женился на девушке, которую любил еще со школьной скамьи. Любовь была взаимная, молодожены переживали самые счастливые в их жизни дни. Но счастье длилось недолго: началась война. Спектор прерывает отпуск, срочно выезжает в Кронштадт, где находился штаб Балтийского военно-морского флота. С этого времени началась его фронтовая жизнь.

В тяжелые дни блокады Ленинграда Спектор, как и многие моряки, "спешился", то есть был переведен в сухопутные войска, стал командиром стрелковой роты. Здесь, в блокадном Ленинграде, он был тяжело ранен, после чего длительное время находился в военном госпитале. Затем снова фронт, но уже не Ленинградский, а не менее ответственная и горячая точка – знаменитая Курская дуга. И снова ранение, снова тяжелое с последующим длительным пребыванием на лечении. До того как попасть в нашу дивизию, он еще раз понюхал пороху и получил третье ранение. Иными словами, к нам прибыл опытный боевой офицер, вдоволь вкусивший фронтового лиха и с двумя боевыми орденами на груди. С этого момента открывается странная и непонятная для меня деталь его личной жизни, которая произвела впечатление, не стертое теперь уже многими послевоенными десятилетиями.

Находясь в действующей армии, постоянно подвергаясь смертельной опасности, Спектор скрывал от жены, где проходит службу, писал ей, что находится в далеком от фронта запасном полку, обучает военному делу призванных из запаса. Подобная ложь во время войны легко маскировалась, поскольку все военные адреса писались по стандарту: войсковая часть полевая почта № , добавлялась заглавная буква алфавита, служившая шифром роты или другого подразделения части, и проставлялась фамилия адресата. Гениально просто, как в чеховском рассказе: "На деревню за рекой, дедушке Константину Макаровичу". Но в отличие от Ванькиного адреса, письма под таким адресом-кодом безошибочно достигали цели. Когда же Спектор находился в госпитале, жене сообщал, что пребывает в длительной командировке в таком-то городе, и письма ему лучше слать на почтамт до востребования, а кого-то из медицинских сестер просил получать их по доверенности. Переписка не один раз прерывалась из-за того, что жена с родителями выезжала из Москвы в глубокий тыл, но через некоторое время восстанавливалась все в той же манере: в тылу, обучаю военному делу. Он это делал

ради единственной цели – оградить любимую женщину от опасений за его жизнь. И ограждал почти три года.

Неспроста говорят, что шила в мешке не утаить. Кто-то из друзей Спектора, с которым он встречался на фронтовых дорогах и, следовательно, делился подробностями своей боевой жизни, встретил в Москве его жену, только что возвратившуюся из Средней Азии. Каково же было недоумение друга, когда она не без смущения рассказала, чем занимается муж. "В странном тылу находится твой муж, если уже трижды ранен и заслужил два ордена", – перебил ее собеседник и рассказал все, что ему было известно об Аркадии. Маргарита (так условно назовем ее) была потрясена услышанным, не могла понять странного поведения мужа и в гневе написала письмо, подвергшее его унынию.

Прочитав письмо, я не мог дословно запомнить его, да и не пытался это делать. Сами обстоятельства, связанные с появлением письма и последующими событиями, способствовали тому, что его содержание врезалось в память. Я приведу его от имени писавшей, но, понятно, в вольном пересказе, по памяти.

Она резко отчитала мужа за обман, за то, что увидел в ней легкомысленную девицу, не понимающую, что происходит со страной, в чем выражается долг каждого советского человека. Неужели – упрекает она мужа – ты считаешь, что я не понимаю, какая война сейчас происходит, что ожидало нас, евреев, если б фашисты не были разбиты там, где ты трижды пролил свою кровь?.. Своими ранами и наградами ты заслуживаешь уважения, и тобой можно гордиться. Я же вынуждена стыдливо отводить глаза от знакомых. Именно стыдливо! Потому что вокруг меня живут и работают люди, которые кого-то из близких потеряли на войне.

Подумал ли ты о том, что своей странной хитростью ты льешь воду на мельницу тех, кто поливает нас (читай: евреев) грязью, будто

все мы окопались по тылам?.. Ты же имеешь высшее политическое образование и прекрасно понимаешь, что отрывки так называемого еврейского вопроса еще живучи. Своим поведением ты только подогреваешь их. По крайней мере, знай, что мне было стыдно стоять с ведрами в руках перед водоразборной колонкой среди женщин, оставшихся вдовами или ухаживающими за искалеченными мужьями. Так было в эвакуации. Стыдно и здесь, в Москве. Может быть, ты хочешь, чтобы я, жена "тыловика", в один прекрасный день получила извещение о гибели мужа, не быв ни одного дня женой фронтовика?.. И так далее, и тому подобное – несколько страниц убористого текста. Я даже удивился, как военная цензура пропустила такое письмо. Видимо, только потому, что цензорами были женщины и девушки, которые не могли по-казенному отнестись к нему.

Пытался ли я успокоить Спектора? Да, но неумело и робко. Скорее, хотел доказать ему, что обида жены имела основания. Даже когда сам стал семейным человеком, я не мог понять поступка Спектора, хотя и считал его нравственно оправданным: это все же была святая ложь. Но и невозможно было опровергнуть ни одного аргумента Маргариты, в гневе разносившей мужа. Налицо ситуация, про которую французы говорят "такова жизнь".

В самое горячее время боев в районе Бачкова, которые я упоминал уже, 10 декабря 1944 года, перед первой ротой была поставлена задача идти в разведку с боем и установить нахождение переднего края противника. Когда на огромной территории все перемешалось, всюду были наши и немецкие подразделения, сделать это было нелегко. Выбор пал на первую роту по той причине, что Спектор был самый грамотный командир роты, никто лучше его не ориентировался по карте и на местности. К выполнению этого задания мой взвод не привлекался, поскольку пулеметы системы "Максим" были слишком тяжелы и неуклюжи для такого маневра. Взвод остался на позиции роты, продолжал окапываться.

Часа через два рота возвратилась, выполнив полученное задание. Вскоре позиция подверглась ожесточенному обстрелу из тяжелых минометов. Когда обстрел закончился, первое, что я услышал, было "Убит командир пулеметной роты!" Старший лейтенант Голубев – командир пулеметной роты – стоял возле окопа, который рыл его ординарец. Услышав шипение приближающейся мины, он бросился в окоп, накрывая своим телом солдата. Но неспроста на фронте говорили, что, если вы слышали летящую на вас мину, укрываться поздно: она ваша! Так и случилось. Мина разорвалась на спине офицера, и то, что я увидел, подойдя к окопу, представляло собой сплошное месиво из человеческой плоти. Был убит и солдат, на которого падал Голубев. В эту же минуту сообщили, что тяжело ранен Спектор. Подойдя к нему, я увидел следующую картину: он лежал на спине, ранение пришлось в живот, что, как правило, означало близкую смерть. Рана сильно кровоточила; остановить кровь и сделать перевязку в этих условиях было невозможно; об отправке в санитарную роту полка и речь не велась – никто не знал, где она находилась. Ни одним движением лица он не выдавал физических мук, был, как всегда, спокоен, при мне успел произнести лишь одну фразу: "Это мое последнее ранение..." Через несколько минут Спектора не стало. Тело боевого офицера около суток оставалось на "смертном одре", пока ни было отправлено похоронной командой в тыл для захоронения. Как всегда в таких случаях, у погибшего вынули документы, в первую очередь партийный билет и офицерское удостоверение личности.

Гибель уважаемого командира, товарища потрясающего впечатления на меня не произвела. Это событие было из тех, к которым за три месяца пребывания на фронте я уже привык. Война до такой степени огрубляет человека, что гибель людей он перестает принимать близко к сердцу. К тому же я сам чудом уцелел в только что закончившемся обстреле. Мина, разорвавшаяся над моим изголовьем в око-

пе, в нескольких местах прошила шинель на животе, оставив в ней несколько дыр, перебила осколком ствол пистолета, загнав его на целый штык лопаты в землю. Сперва я ничего, кроме шума в голове и рези в ушах, не почувствовал. Заметил, когда меня спросили, не ранен ли я. Поэтому не исключаю, что если бы о Спекторе мне никто не напомнил, я давно бы это имя забыл.

...Прошло еще три месяца войны. Марши – оборона – наступление. Между ними короткие отдыхи. Но вот в первых числах апреля 1945 года, во время очередного отдыха я был дежурным офицером по батальону. Поступила почта – целая куча легендарных фронтовых треугольников, которые без труда вскрывались, что облегчало просмотр писем военной цензурой. Разбирая поступившие треугольники, увидел на одном из них фамилию Спектора. Письмо было от жены. Что бы это значило: она еще не знает о гибели мужа или же какое-то недоразумение? Отнюдь не любопытство, а нравственный долг заставил меня раскрыть и прочитать письмо.

Это было трогательное послание, вымаливающее у мужа прощение за то ее письмо, в котором она излила гнев на него. Вот уже четыре месяца я не получаю от тебя весточки. Понимаю, чем вызвано твое молчание, – оно оправдано. В том злополучном письме взял верх мой эгоизм, женская слабость, минутная вспышка гнева. Конечно, мне было обидно, что таким странным образом ты оберегал меня от тревоги за твою жизнь. Но я должна была понять, что ты находишься в несравненно более тяжелых условиях, чем я.

Все это время я провела в ожидании твоих писем, но ты не откликнулся ни на одно мое письмо... Не сплю ночей, терзая себя за допущенную глупость. Прости, прости и еще раз прости! Дай только весточку о себе, чтобы я знала, что ты жив. Если б ты только мог представить себе мое состояние все эти месяцы... Какой бы я была

счастливой, если б мне можно было выплакать свое горе у тебя на груди. Еще раз прости. Отзовись...

К сожалению, я не специалист по части художественного слова, и мне не дано передать нюансы содержания письма. Лишь добавлю, что оно было написано натурой чувствительной, умной, тяжело страдающей. Было нелегко читать его. Образ погибшего офицера воскрес в моей памяти и после этого никогда не тускнел.

На следующий день я отправился в штаб полка, чтобы выяснить, было ли отправлено сообщение в военкомат о гибели старшего лейтенанта Спектора. Было, и своевременно. Следовательно, сбой произошел где-то в пути с фронта в Москву. Тем не менее извещение было отправлено вторично. Я в тот же день написал Маргарите письмо, рассказав в нем об обстоятельствах гибели мужа, о наших товарищеских отношениях. Писал от души, получилось откровенно и трогательно. Ее письмо не сохранилось, так как я сдал его в штаб полка как основание для повторного сообщения о гибели мужа. К сожалению, ее адрес не оставил у себя. И опять по той же причине, что война делает людей безразличными к происходящему с другими. В силу какого-то суеверия я считал, что меня самого ждет участь Голубева и Спектора, потому что я за полгода пребывания на фронте ни разу не ранен. Оказывается, если живешь днем сегодняшним и не уверен за день грядущий, то можно не делать многое из того, что в обычных жизненных условиях кажется обязательным. Но "день грядущий" оказался для меня совсем не таким, каким я его суеверно представлял: через две недели был в Москве с направлением в институт иностранных языков Советской Армии, о чем уже писал. Пробыв в столице до 30 апреля, имел достаточно времени, чтобы навестить родителей и жену Спектора, рассказать им о последнем периоде его жизни. Такие визиты в семьи погибших во время войны наносились, они имели высокий нравственный смысл, и я испытывал потребность в нем. Но адреса у меня не было, как и данных о жене Спектора, необходимых для того, чтобы

найти адрес через справочное бюро. В последующие годы я десятки раз приезжал в столицу, месяцами жил в ней, но ничего не мог предпринять для встречи с родственниками героя этого повествования.

Мне трудно выразить чувства, навеянные воспоминаниями о рассказанной истории. Образ Аркадия Спектора – мужественного и благородного человека; обстоятельства последних месяцев его жизни и гибели; письма его жены, которую он безмерно любил и странным образом пытался оградить от волнений, – все это вызвало у меня целую гамму чувств, которые сохраняются и поныне. Со временем я стал рассказывать эту историю друзьям и близким, в беседах с молодежью перед праздником Победы. Собирался подробно изложить ее и послать писателю Константину Симонову, известному своей приверженностью к военной тематике, в надежде, что он мастерски обработает этот материал и включит в какое-нибудь из своих произведений. Но пока раздумывал, как это осуществить, писателя не стало.

Понимаю, что не каждый, прочитавший об этом эпизоде, поймет причину и суть моего равнодушия к нему. Вероятно, необходимы жизненный опыт, имеющий точки соприкосновения с подобными историями в жизни людей; способность соучастия в переживаниях другого человека; отношение к любви как к ценности высшего порядка. Без этого не понять, какая драма лежит в основе рассказанного. Не случайно я сам только с годами осмыслил нюансы поступка моего героя. Отчасти память о нем постоянно живет во мне в связи с усилившимся у нас пристрастием к антисемитизму, привычкой многих все наши беды валить если не на американский империализм, то на евреев. Некоторым евреям так мешают жить, что готовы хоть сегодня всех выдворить за границу. Не хочу глубоко вникать в этот вопрос, но считаю, что евреям, поистине, приходится платить за их ум, трудолюбие, трезвый образ жизни и за многое другое, чего не хватает нам, русским, и многим другим из обширного семейства россиян. Как и у лю-

бого другого народа, среди них также можно встретить аферистов и нравственных уродов, но и что из этого? Мне нравится отношение к евреям англичан. Когда Маргарет Тетчер кто-то спросил, чем объяснить ее лояльное отношение к евреям, она ответила: "Мы не считаем евреев умнее нас и не завидуем им". Может быть, нам также надо с достоинством относиться к себе, меньше завидовать евреям и другим народам, в себе искать плохого танцора... Кстати, о том, как воевали евреи на фронтах Отечественной войны. Не могу сослаться на источник, но не один раз встречал в литературе, в том числе исторической, что по числу Героев Советского Союза, приходящемуся на миллион представителей нации, евреям принадлежит второе место после русских. Пример из собственного наблюдения: за полгода пребывания на фронте в составе одного полка и батальона я знал четырех офицеров из числа евреев. Трое из них погибли, уцелел только один – командир полка. Из этих трех один – Спектор, второй – комбат капитан Рихтер, пожелавший во хмелю стать снайпером, третий – командир минометного взвода лейтенант Гоман. Здесь случай особый. В самом конце войны наша дивизия из гор была выведена на равнину, где противник применял танки. Но в горно-стрелковой дивизии противотанковых средств борьбы не было. И когда немцы пустили в дело танки, то передний край дивизии дрогнул, начал отходить. Командир полка, увидев бегущих минометчиков, выскакивает из укрытия с пистолетом в руках и в упор расстреливает первого попавшегося офицера. Так командир полка еврей подполковник Алехнович расстрелял командира минометного взвода еврея лейтенанта Гомана. Это было не самодурство и жестокость командира полка, а предусмотренное уставом право и обязанность применять оружие в целях наведения порядка в боевой обстановке. Криминала в действиях подполковника Алехновича не было, да и Гомана никто дурным словом не помянул – похоронили вместе со всеми. Так нередко было на войне...

Повторюсь, что я далек от мысли, будто у всех, прочитавших мои воспоминания о Спекторе, появится душевный отклик. Не ради этого я их привел. Хочется другого: отдать должное памяти моего героя и всех, кто, подобно ему, ушел из жизни молодым, всем сердцем любя другого, способным на нравственный подвиг ради этого другого, каким бы странным подвиг ни казался. Он был посвящен любви, сблизившей и соединившей тела и души двух людей. Эта любовь, еще не прошедшая через тернии семейной жизни, была чистая и яркая, способная воодушевлять, видеть перед собой любимый образ. Сколько таких рыцарей любви поглотила война, и они ушли из жизни, не оставив потомства! Поэтому их забыли раньше других, сложивших голову на войне. Кроме матерей, их просто некому было вспоминать. Поистине без вести исчезнувшие.

Послевоенные годы и мои университеты

Первое мирное десятилетие вошло в историю нашей страны как период восстановления народного хозяйства. Предстояло поднять из руин и пепла 1810 городов, тысячи сел и деревень, бесчисленное множество фабрик и заводов, культурных и других объектов. И восстановили! Нетрудно представить, какого напряжения сил народа, всей страны потребовало залечивание этих ран войны. Напрасно провоевавшие всю войну, неоднократно раненные, потерявшие много сил и здоровья воины рассчитывали на отдых и улучшение жизненных условий. Это пришло, но позже.

Ни сейчас, ни тем более в послевоенные годы не были точно известны наши человеческие потери. Их просто не учитывали. Но тогда редкая семья не оплакивала кого-то павшего в бою, пропавшего без вести, угнанного в немецкое рабство и не возвратившегося оттуда.

Уже в июне 1945 года началась демобилизация старших возрастов. Люди возвращались к родным очагам и семьям, многие – к развалинам жилищ, нетрудно понять их положение. По случаю победы в стране была проведена амнистия, но на осужденных по 58-й статье Уголовного кодекса она не распространялась. Поистине незыблемая статья советского уголовного права. Даже в годы войны, когда осужденных за убийство, грабежи, воровство и прочее направляли в штрафные роты и предоставляли им возможность искупить вину кровью, "врагам народа", медленно, но неизбежно умиравшим в лагерях ГУЛАГа, такая возможность не предоставлялась. Кстати, если до настоящего времени количество жертв сталинизма было неизвестно, то

некоторый свет на это проливает журнал "Свободная мысль – XXI" № 10 за 2001 год: "... за период с 1921 года по настоящее время (1953-й г. – Авт.) за контрреволюционные преступления было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной Коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 человек, в том числе: к ВМН – 642 980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок 25 лет и ниже – 2 369 220 человек, в ссылку и высылку – 765 180 человек... (с.107).

Не была спокойной и международная обстановка. Наши отношения с союзниками испортились сразу же, как только они убедились, что вместе с освобождением стран Восточной Европы от оккупантов наша армия несла им сначала режим народной демократии, а затем диктатуру коммунистических, социалистических и иных партий, приступивших к строительству социализма по нашему образцу. Это создавало напряженность в мире и в стране. Снова нагнеталась обстановка высокой бдительности, борьбы с инакомыслием, "пережитками прошлого" в сознании советских людей. Все это было уже знакомо нам по довоенным временам.

После окончания войны я продолжал службу в армии. В феврале 1946 года получил назначение в Обуховский райвоенкомат Киевской области, что означало нести военную службу в гражданской среде. Военные комиссариаты – очень важное связующее звено между армией, населением и экономикой страны. Ни один человек, служивший в армии, не миновал этого ведомства. Военкоматы имеются во всех административных районах страны. Привыкшему к армейской обстановке офицеру, впервые оказавшемуся в этом ведомстве, много покажется необычным после службы в воинской части: никому не прикажешь, по стойке смирно никого не поставишь, рапортовать не заставишь. Разве только какого-нибудь отпускника срочной службы, который под градусом не в меру разбушевался на родных просторах.

Моя должность в Обуховском райвоенкомате была начальник второй части, то есть ведающий призывом молодежи в армию. Для исполнения этой должности необходимо знать Закон о воинской обязанности, массу инструкций, поддерживать деловые контакты с сельскими советами и знать также много текущих материалов, обычно с грифом “секретно”. Надо знать также гражданскую жизнь, которая многим отличается от жизни военного человека, что требует от него определенной ломки себя – своих установок, привычек, подходов к людям. Все это я постиг довольно быстро и особых трудностей не испытал. Это время полным ходом шла демобилизация из армии старших возрастов. Каждый день – десятки вчерашних воинов, их надо принять, оформить и выдать документы, что требовало слаженной работы офицеров и других работников военкомата. Это давалось без особого труда. Не только я, но и мои коллеги, также недавно прибывшие из частей, быстро адаптировались к полугражданским условиям службы в военкомате. Очень скоро ощутил, что по вечерам мне нечего делать. Вопрос о женитьбе передо мной не стоял. Считал, что еще рано решать его, а кроме того дома, то есть в Ишимбае, в 9 классе учится Коля, матери его нелегко тянуть, поэтому значительную долю своего денежного содержания – зарплаты – я пересылал матери и держал себя в скромном финансовом режиме. Скоро принял решение учиться, при этом не совершал над собой насилия, меня тянуло к учебе, жаждой знаний я страдал с детства и болен этим недугом до сих пор. Так как в Обуховском районе вечерней школы не было, я избрал экстернат.

Кроме большого желания учиться, не застрять на неполном среднем образовании, сыграло свою роль еще одно немаловажное обстоятельство. Из армии, по мере ее сокращения, начали увольнять офицеров, и мне не раз приходилось наблюдать грустную ситуацию, в которую многие из них попадали. Приходит в военкомат офицер в расцвете сил, с боевыми наградами, жизненным опытом, но без специально-

го и даже общего среднего образования. Подобрать работу ему было невозможно. Не идти же секретарем сельсовета с окладом 280 рублей! Первое время они устраивались в райисполкоме, райкоме партии, но там вакансий было не так уж много. И нередко шли в колхоз, в лучшем случае военруком в школу. Многие, кто помоложе, получив паспорт, сразу же уезжали в Киев, устраивались где как могли, по существу начинали жизнь заново. Это не могло не послужить мне импульсом сесть за стол и начать подготовку за среднюю школу, что означало повторить материал восьмого класса и частично девятого, который я изучил в техникуме, а все остальное – учить заново. Вскоре мой стол был завален учебниками за все три старших класса средней школы. Учился я с жадностью, основательно, испытывая глубокое удовлетворение оттого, что началась моя вторая школьная жизнь.

Полтора года упорной работы – и в 1947 году я успешно сдаю экзамены за среднюю школу. В аттестате не было ни одной четверки. Успех придал смелости, и решаюсь продолжить учебу. В те годы офицерам без разрешения командования запрещалось учиться в гражданских высших учебных заведениях, что можно понять, зная, что такое военная служба и какие требования она предъявляет к посвятившему ей свою жизнь. Поэтому обращаюсь за разрешением к военному комиссару. Ответ получил от него более чем оригинальный: "Ты, Григорий, можешь не уходить из военкомата или не приходить в него, но чтобы твоя работа была в порядке". На следующий день отвожу документы на исторический факультет заочного отделения Киевского пединститута. С моим аттестатом был принят без вступительных экзаменов. Напутствие военного комиссара выполнил со скрупулезной точностью: ни разу учеба в институте не отразилась на моей работе, я даже не брал дополнительный отпуск на сессию, жертвуя для этого своим очередным отпуском. Если во время подготовки к сдаче экзаменов за среднюю школу я был холостяком, и было много соблазнов заме-

нить учебу молодежными шалостями, попойками и прочими вещами, чем блещет офицерская молодость, то теперь я был семейным человеком, жена была заинтересована в успехе моей учебы, создавала условия для этого, и она, учеба, проходила спокойно, без сбоев. Я ни разу не имел академической задолженности, что при заочной учебе дается нелегко. Государственные экзамены, как и все курсовые экзамены, сдавал успешно, и в 1952 году преодолел второй образовательный рубеж – окончил институт.

Немного о своей подруге. Первый послевоенный отпуск я провел в Ишимбае, где познакомился с ней. При нашем знакомстве она представилась Марией, я так и стал ее называть при встречах, в письмах, а затем и при совместной жизни. Наша двухгодичная дружба, а точнее переписка, завершилась в декабре 1947 года свадьбой, поистине офицерской. Едва я получил согласие на брак от своей избранницы, а моя мать и ее родители начали размышлять, что и как готовить к свадебному столу, как объявляют о денежной реформе, и мои отпускные деньги мгновенно обесцениваются в 10 раз. Выручило полученное перед отъездом в отпуск обмундирование: продал его, и смогли накрыть стол. Не богаче был стол и у родителей Марии, проживавших в одном из сел Ишимбаевского района. Бутылка водки была поставлена для затравки, а дальше – самогон. О вине в обоих случаях не могло и речи вестись. На столе преобладал винегрет, селедка и пельмени – традиционная роскошь русского человека. Привожу эти детали не для характеристики русской свадьбы, а для того, чтобы показать жизнь российской глубинки в те годы.

Во время войны деревня жила очень плохо. Но еще тяжелее стало жить сразу после войны, колхозников в буквальном смысле душили налогами. Никого не интересовало, где колхозник возьмет мясо, молоко, яйца и другие взыскиваемые продукты. Облагался каждый двор.

Иногда, боясь тюрьмы, приходилось покупать продукты на рынке и сдавать государству.

Еще зимой 1943 года мать Марии была вызвана в суд за 25 километров от дома. Транспорта не было, добиралась своим ходом. Повестка была выписана на хозяина двора, который в это время был на фронте. Судья вызывает к ответу: "Портнов Федор Петрович!" Мать встает: "Я". Судья в недоумении: "А где Федор Петрович?" - "На фронте, где ж ему быть..." "Идите" - и отпустил без наказания, но недоимка осталась.

Но вот кончилась война. Отец возвращается домой. Мария решила продолжать образование и по незнанию жизни поехала в 1946 году учиться за тридевять земель – во Львовский полиграфический институт, а когда через год приехала на каникулы, мать рассказала ей, как им живется: “Дочка, нам с тобой в войну и то легче жилось, чем сейчас с отцом. Вот все, чем я могу встретить тебя” и, заплакав, показала узелок с мукой (едва полкилограмма). В то время четыре члена семьи работали в колхозе, на заработанные трудовые отец получил воз пшеницы и, не занося ее в дом, отвез на рынок, чтобы заплатить налог. Но денег хватило только на погашение недоимки. Надо было думать, где взять деньги, чтобы заплатить налог. Сами ели только картошку и траву.

Мария тут же возвращается в Ишимбай, поступает на работу, с которой уехала во Львов. О дальнейшей учебе в институте не могла и думать.

Но можно привести другой пример, правда, относящийся уже к хрущевским временам. Мой тесть направил в адрес пленума ЦК КПСС, посвященного сельскому хозяйству (1953-й год), жалобу на то, что им, колхозникам, не дают возможности заготовить сено для своего скота (разумеется, не на колхозных лугах, а в оврагах, в лесу, где колхоз никогда не косил). Если кому удавалось накопить немного сена, то приезжали из колхоза и увозили его со двора. Жалобу закончил словами: "До

царя далеко, до Бога – высоко, поэтому власть на местах творит, что ей угодно". Через некоторое время к отцу приехал представитель райкома партии, извинился перед ним и справился, чем ему помочь; если надо – привезут сено. На это тесть ответил, что не просит особого внимания к себе. Разрешите всем заготовить корм для своего скота. И разрешили. Больше подобного бесчинства не было.

В городе еще можно было как-то прожить, хоть что-то горожане получали по карточкам. Поэтому крестьяне своих детей всеми правдами и неправдами отправляли на заработки в город, но для этого надо было получить в колхозе отходную. Паспорт на руки не выдавали, а за самовольный уход из колхоза судили. Таким бесчеловечным отношением к деревенским жителям была подорвана вера в результаты своего труда, что отзывается до сих пор.

Когда на другой день после свадьбы у родителей Марии нас с песнями под гармонь провожали до дороги, из крестьянских изб выбегали дети, некоторые были обуты на босую ногу в какое-то подобие то ли лаптей, то ли глубоких лыковых галош. И это в конце декабря, когда мороз доходил до 30 градусов!

На Украине, где продолжалась моя служба, полным ходом шло восстановление народного хозяйства, требовавшее от народа очередных жертв. Но Обуховский район, как и вся Киевская область, за исключением Киева, сильно не пострадал. В районе я не встречал разрушенных или спаленных сел, так как и в 1941 и в 1943 году фронт проходил здесь без ожесточенных боев. Зато гитлеровцы в каждом районе устраивали массовые расстрелы семей коммунистов, актива советской власти, оставшихся на оккупированной территории.

В 1946 году Украину снова постигла засуха, пусть не такая жестокая, как в 1932 году, но также оставившая край без хлеба. Опасаясь голода, органы здравоохранения вели подготовку к открытию при больницах специальных отделений. Но беды удалось избежать, чему в

какой-то мере помогла Западная Украина, где засухи не было и был получен нормальный урожай. Туда ринулись вчерашние фронтовики с трофеями, привезенными из Германии. Домой же везли зерно и картофель. Некоторые выжили за счет этих челночных поездок.

Но Украина есть Украина – благодатный край. Стоило в 1947 году получить нормальный урожай, как она быстро залечила раны, нанесенные предыдущим годом. Жизнь российской деревни не шла ни в какое сравнение с жизнью деревни на Украине, хотя в 1946 году такой засухи она не знала.

Не лишен резона вопрос, мог ли я поверить в те годы, если бы кто-нибудь пророчествовал, что возможен раскол России с Украиной и между ними ляжет граница? Иначе как свихнувшимся, я такого пророка не считал бы. Ни из своего детства, проведенного на Украине, ни из послевоенных лет я не знаю случая конфликта между русскими и украинцами на национальной почве. Обычными были браки между русскими и украинцами. Численность русских, проживавших на Украине, доходила до десяти миллионов, особенно много их жило в Донбассе и в промышленных центрах республики; иные русские могли разговаривать по-украински, и все понимали этот язык, то же можно сказать и об украинцах относительно русского языка. У многих в России проживали родственники. Кстати, и сейчас на территории России проживают миллионы украинцев. Можно долго вести речь об исторической и духовной общности украинцев и русских. А сколько украинских фамилий можно встретить в структурах власти современной России, причем сверху донизу! И что, это нас очень волнует? Не намерен устраивать что-то вроде научного анализа причин отхода Украины от России, но думается, что здесь определенную роль могла сыграть Западная Украина, которая, по существу, была насильственно присоединена к Восточной, или Великой, Украине, а точнее – к СССР.

Достаточно вспомнить, сколько лет длилась борьба с бандеровцами в послевоенные годы.

Поскольку в городах в послевоенные годы жилось лучше, чем на селе, это подогревало бегство сельской молодежи в город. Особенно заметно было улучшение городской жизни после денежной реформы 1947 года, сопровождавшейся отменой карточной системы. Затем ежегодно, до смерти Сталина, проводилось снижение розничных цен в государственной торговле. На селе же усиливался налоговый гнет и всевозможные поборы. Дошло до того, что дети, живущие в городе, обеспечивали родителей продуктами их же труда; на Украине начали рубить яблони, потому что каждое фруктовое дерево облагалось налогом. На трудодни колхозники получали ничтожно мало – почти все сдавали государству. Как-то в военкомат заходит расстроенный председатель передового в районе колхоза. Войну он мужественно перенес, а сейчас пролил слезу: "Подскажите, хлопцы, что мне делать? Нам был план – сдать 1000 центнеров зерна. Вчера я организовал червонный обоз, провел по этому случаю митинг и вывез на элеватор последние центнеры плана. А сегодня меня вызывают на бюро райкома и требуют сдать еще 1200 центнеров. У меня же ничего не остается выдать колхозникам. Что я им скажу?" Если кто из председателей колхозов пытался избежать дополнительной, то есть сверхплановой, сдачи хлеба ссылкой на то, что нечем будет рассчитываться с колхозниками, его обвиняли в народничестве, демагогии, угрожали лишить партбилета.

Нелегким бременем для города и деревни были государственные займы. Официально они выпускались на добровольной основе, фактически же подписка проводилась по формуле "добровольно в принудительном порядке". Начало выпуска этих займов уходит еще в годы первых пятилеток, во время войны их тоже выпускали, но велась агитация за то, чтобы подписную сумму вносить в фонд обороны, и это ни у кого

не вызывало возражений. Но в годы восстановления, и без того осложненные трудностями, займы ложились на народ тяжелым бременем. И опять-таки в городе с ними было благополучнее: подписался рабочий или служащий на месячную зарплату – с него каждый месяц удерживают эту сумму равными долями. Колхозников же приходилось уговаривать, разъяснять, фактически же обманывать: только подпишитесь, а расплачиваться будете малыми долями в течение всего года. Те подписывались со вздохом или сквозь слезы, и буквально через месяц, а то и меньше с них теребили всю сумму. С угрызением совести вспоминаю, как в 1947 году, то есть после голодной зимы из-за засухи в 1946 году, я участвовал в подписке на займ в селе под названием Украинка. Обходил дома с председателем сельсовета. Заходим в избу к вдове с двумя детьми, она получает за погибшего мужа пенсию, которая не позволяет сводить концы с концами. Живут впроголодь. Достала из печки варено, в котором кроме воды, крапивы и соли ничего не было. И мне, доблестному офицеру, приходилось разъяснять ей, что ее деньги нужны державе для восстановления заводов и фабрик, строительства детских садов и школ в ее же интересах. Фактически так и было, однако чрезмерное давление на народ, только что перенесший тяжелейшую войну, едва ли можно оправдать.

Наверное, меня можно упрекнуть за то, что я увлекся трудностями и занимаюсь очернительством, словно ничего хорошего в послевоенные годы не было. Почему же, было и немало. Быстрыми темпами был восстановлен Донбасс, начали работать заводы в индустриальных районах, и не только Украины, открывались школы и детские сады, с каждым годом хорошел Киев, центр которого Крещатик был гитлеровцами превращен в груды битого кирпича. Постепенно оживала промышленность, работавшая на человека: появились ручные часы "Победа", такого же названия легковой автомобиль. В 1947 году я приобрел свою давнюю мечту – радиоприемник отечественного про-

изводства. Постепенно страна оживала. Поражал своей энергией и подвижным образом жизни Н.С.Хрущев, бывший тогда первым секретарем ЦК КП(б) Украины. И надо отметить, что авторитет на Украине в те годы у него был высокий.

Не могу не упомянуть одно обстоятельство, которое в послевоенном периоде влияло на международные отношения на Украине, и не только на Украине. В силу политического мышления тех лет, проживание на оккупированной территории рассматривалось компрометирующим обстоятельством. Но таких на Украине насчитывалось десятки миллионов. Видимо, кто-то вверху додумался, что при угрозе захвата гитлеровцами местности ее население должно было схватить в охапку детей и со всем домашним скарбом двинуться своим ходом вглубь страны. Во-первых, это невозможно практически, а во-вторых, горький опыт Франции показал пагубный исход такого рода проявления патриотизма и неприятия агрессора. Когда в 1940 году немецкая армия стала продвигаться вглубь Франции, впереди отступающей армии бежали, ехали, ползли кто на чем мог нескончаемые вереницы беженцев. Они лишили свою армию маневра, развертывания, смешались с ней, превратили ее в небоеспособное скопище, в результате чего гитлеровцы прошли до Парижа и овладели им, почти не встречая организованного сопротивления.

Когда освобождали города и села от оккупантов и воссоздавали органы управления, под рукой не оказалось людей, не запятнанных пребыванием в оккупации. Пришлось довольствоваться теми, кого освободили, как косо на них ни смотрели. По мере же возвращения из эвакуации, госпиталей, демобилизации из армии после окончания войны шла их замена, и даже тех, кто после освобождения территории призывался в армию, воевал и с ранением вернулся домой еще до окончания войны. Такая кадровая политика привела к тому, что во многих учреждениях и организациях образовалось засилье евреев, вернувшихся из эвакуации и ничем не скомпрометированных, больше

того – у многих, если не у всех кто-то из родственников был расстрелян гитлеровцами. Достаточно вспомнить Бабий Яр – окраину Киева, где было уничтожено свыше 100 тысяч евреев. Это не могло не вызвать благожелательного отношения к ним. Больше всего евреев оказалось в торговле, здравоохранении, адвокатуре. Их нельзя обвинять за то, что заняли места, которым соответствовала их профессиональная подготовка и опыт, но на Украине, где еврейский вопрос имеет свою историю, подобная ситуация не могла пройти незамеченной. Как и во всей России, не только общественное мнение, но и массовое сознание быстро реагирует на пикантные ситуации в обществе, и вскоре появился анекдот. Еврей с еврейкой идут по Киеву. Она: "Странное дело, почему в Киеве столько много церквей?" Он: "А ты разве не знаешь, что когда-то Киев был славянским городом?"

Но чтобы на Украине в послевоенные годы быть политически надежным, мало не проживать на оккупированной территории, еще надо было иметь "чистых" родственников.

В 1950 году проводился призыв офицеров запаса в систему МВД. Я участвовал в выполнении спущенной разрядки. Это, видимо, делалось в связи с началом "великих строек коммунизма", где преобладал труд заключенных.

Долго вместе с военкомом перебирали личные дела офицеров запаса, выискивая "самых чистых". Прихожу к начальнику райотдела МГБ с отобранными делами, чтобы получить от него согласие всего на одного. Кладу на стол семь дел. Не торопясь перебирает; одно, не раскрывая, откладывает пренебрежительно в сторону, сопровождая словами: "Эту б... заберите обратно. Его дядя во время оккупации был полицаем". Смотрю на него и недоумеваю. Оскорбленный за глаза человек на фронте был политруком роты, в 1941 году тяжело ранен, уволен из армии после длительного пребывания в госпитале, одним из первых вернулся в освобожденный от гитлеровцев родной

район, участвовал в восстановлении колхоза. В описываемое время работал директором школы и секретарем колхозной парторганизации. "Узнал бы ты, деятель, кто стоит перед тобой", – подумал я с грустной усмешкой.

В рассматриваемые годы моя личная жизнь была заполнена работой в военкомате и учебой в институте. Однако этот спокойный, размеренный ритм иногда нарушался какими-либо непредвиденными обстоятельствами, каких в жизни каждого человека случается немало. Наверное, не одним рубцом отложился в моем сердце случай, произошедший в сентябре 1947 года.

Правительство Украинской ССР приняло решение всех мужчин 1923-1926 годов рождения, репатриированных из Германии, куда они были насильственно угнаны в период немецкой оккупации, и, следовательно, не служивших в Советской армии, мобилизовать на три года для работы в шахтах Донбасса, которые испытывали острую потребность в рабочей силе. По Обуховскому району таких набралось 140 человек. Большинство из них не имело паспорта и военного билета. Срок их отправки был установлен весьма жесткий – считанные дни – и времени для оформления документов не оставалось. Вместе с тем было сделано предупреждение, что без документов их в Донбассе не примут. Поэтому паспортный стол и райвоенкомат вынуждены были выдать им временные паспорта и военные билеты без фотографии и отметки о прописке-выписке, приеме и снятии с военного учета. Сопровождать эту команду в Рубцовский район Сталинской области было поручено мне. Чемодан со всеми документами на 140 человек вручили мне с добрым напутствием скорее возвращаться. Везли нас не эшелоном и не в специально выделенных для этого вагонах, а рассредоточено в пассажирском поезде Киев – Сталино. Ночью, когда я, пройдя по всем вагонам, прилег и заснул, меня будит поставленный мной дневальный и докладывает, что чемодан с документами исчез.

Первое, что мне пришло в голову, когда сообразил, в какой ситуации оказался, – это застрелиться. В голове не укладывалось, что по моей вине похищено свыше сотни паспортов, на которые можно наклеить любую фотографию и столько же военных билетов – и любой уголовник или враг сумеет ими воспользоваться. Но смог взять себя в руки и предпринять меры к поиску чемодана, однако его следов не осталось.

Призванных я благополучно, то есть без потерь, доставил к месту назначения, но без документов их приняли с большим трудом. Спасла крайняя потребность в рабочих на шахтах района, а также телефонные переговоры облвоенкоматов и областных отделов МВД Киевской и Сталинской областей. Договорились о том, что мобилизованных примут при условии, если в течение двух недель будут доставлены дубликаты похищенных документов.

С тяжким сердцем и опасением за свое будущее я возвратился в Киевский облвоенкомат, затем в Обуховский райвоенкомат. Но, к удивлению, меня спокойно встретили, не был устроен допрос, не потребовали письменного объяснения и даже не наложили взыскание. Проявилась порядочность и самокритичность старших начальников, стоявших во главе организации этого дела. Ими были нарушены все требования и положения транспортировки людей, особенно контингента, доставшегося мне. На 140 человек надо было, как минимум, поставить трех сопровождающих, выделить отдельные вагоны, а не распределять по пассажирскому составу, а также предоставить штабное купе для руководителя команды и документации. Более чем через полвека после случившегося я испытываю чувство благодарности тогдашнему Киевскому облвоенкому полковнику Кучмистому и его коллегам за их порядочность, помешавшую исковеркать мою судьбу. Ведь только перед случившимся вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об усилении ответственности за разглашение военной тайны и утрату секретных материалов. Подвести меня под этот указ в

то время труда не стоило. Добавлю, что на похищенные документы был объявлен всесоюзный розыск по линии МВД, однако они нигде не всплыли.

Случившееся причинило мне немало тревоги, но не выбило из жизненной колеи. Уже в декабре того же года я женился, вскоре привез жену в Обухов, а еще через год у нас родилась дочь, которую мы назвали Ларисой. Трое – это уже не супружеская пара, а семья. Пришлось постигать, что такое ясли, детский сад, няня или домработница – все это нам с Марией стало знакомо, как и любой начинающей семье. Я полностью отдавался службе и учебе, росла собственная библиотека, благо в Киеве бывал часто и с приобретением учебной литературы проблем не было. Но за пять лет моей учебы в институте мы только один раз провели отпуск в Ишимбае. Остальные отпуска жертвовал учебе.

Благополучно обстояло и с учебой Коли. Поступив в 1948 году в Башмединститут, выбором профессии был доволен, учился хорошо, почти все время был секретарем комсомольского бюро курса. После всего пережитого постепенно приходила в себя мать. Вместе с такой же одинокой женщиной они занялись тем, что сейчас назвали бы малым бизнесом: делали цветы из цветной стружки и бумаги. Этой стружкой я их обеспечивал, в Киеве ею торговали на каждом рынке. От реализации цветов, сделанных своими руками, они имели ощутимую прибавку к своему доходу – одна к зарплате, другая к пенсии. Умели ладить с налоговым инспектором, и обе стороны были довольны.

Окончание мною учебы в институте было нами с Марией оценено как значительное событие, фундамент благополучия семьи. И это вскоре подтвердилось. В ноябре того же года меня вызывают в отдел кадров штаба Киевского военного округа и вручают назначение в Северную Группу войск, что находилась в Польше, на землях, отошедших от Германии. Отказываться я не стал, так как понимал, что шесть

лет служить в одном месте – это редкость для военного человека, и еще большая редкость и ценность – получить за это время высшее образование. Кстати, должность, на которую я получил назначение, требовала высшего образования – корректор, он же начальник типографии канцелярии штаба Северной группы войск.

Встал вопрос, где будет находиться семья в предстоящие годы моей службы за границей. Ведь в сталинские времена офицерам, проходящим службу за рубежом, брать семью с собой не разрешалось. Оставаться Марии с дочерью в Обухове в ожидании второго ребенка – на такой риск не пошли, и я отвез их в Ишимбай, к своей матери. Через несколько дней убыл в Польшу. Перед отъездом из Обухова отнес в школу все свои книги, приобретенные в годы учебы, в знак благодарности за услугу, выразившуюся в принятии от меня экзаменов на аттестат зрелости, и в память о первом и, полагаю, единственном экстерне.

...Вот и Польша, обетованный край: на какой бы железнодорожной станции вы ни вышли из вагона, вас встречают и провожают одним и тем же вопросом: "Цо пан мае пшедать?" – "Что господин может продать?" Откровенно говоря, первое время этот вопрос выводил из равновесия, и хотелось ответить так, чтобы больше не спрашивали. Но постепенно привык, и слышал его все время пребывания в Польше. Убедился, что основания для него у поляков были.

Со своей новой должностью освоился быстро. В обязанности входило руководить типографией, которая по масштабам своей деятельности сравнима с сельской районной типографией, и одновременно выполнять обязанности корректора. Но московские разработчики штата типографии то ли слукавили, то ли глубоко заблуждались. Наличие в штате только корректора означало, что редактор не нужен. Дескать, в крупном штабе служат грамотные офицеры, они умеют са-

мостоятельно разрабатывать серьезные материалы и нужно только проконтролировать, чтобы при размножении этих материалов не вкрались опечатки и грамматические ошибки. Но грамотные в военном отношении офицеры порой так разрабатывали приказы и директивы штаба, что требовался опытный редактор, чтобы превратить их в приличный текст. Мне пришлось обложиться справочниками, словарями, взяться за изучение стилистики. Опыт самостоятельной работы, приобретенный в предыдущие годы, здесь оказал мне услугу.

Запомнившимся моментом моей редакторско-корректорской работы была беседа с начальником штаба Северной Группы войск генерал-майором Тетешкиным, происходившая вскоре после вступления меня в эту должность. Отозвавшись о моей работе положительно, генерал с солдатской прямоотой дал следующую установку: "Отрабатывайте оригиналы так, чтобы выходящие из типографии документы в войсках были понятны каждому дураку." Через некоторое время по моему предложению был установлен порядок, при котором документы на подпись командующего группой войск и начальника штаба не представлялись без моей предварительной правки. Этот порядок быстро прижился. Не скрою, что новая работа мне пришлась по душе. В Польше же у меня состоялась первая проба пера, я стал писать статьи в газету "Вольность", которую политуправление группы советских войск издавало на польском языке. Это были компиляции, освещавшие опыт, как тогда называлось, социалистического строительства в СССР, а также теорию марксизма.

Какими были мои первые впечатления от этой страны (разумеется, за вычетом "Цо пан мае пшедать?")? Отчасти Польша мне уже была знакома по воспоминаниям о войне, когда я прошел весь ее юг. Вообще-то, живя в западной части страны, настоящую Польшу мы мало знали. Вчерашние немецкие земли еще пустовали, их постепенно заселяли поляки, жившие раньше в Западной Украине и в Западной Белоруссии. Убедившись, что эти земли отошли от Польши если не на-

всегда, то надолго, они нерешительно и с неохотой переезжали на запад. Преимущественно мелкие буржуа, бывшие чиновники, ремесленники и интеллигенция – они не рвались к земле, не питали особого дружелюбия к нам, из-за кого с ними произошло подобное. Любопытно поведение тех немногих немцев, которые не покинули эти земли. Они полностью игнорировали поляков и работали вольнонаемными в наших частях (слесари, истопники, электрики и т.п.). Вспоминается эпизод, когда в типографии надо было сменить электропроводку к печатной машине. Отец с сыном работали медленно, дотошно. Наши за это же время сделали бы раза в три больше и успели бы провести капитальный ремонт сделанного. Немцы же словно старались на века.

Отличительная черта поляков, что мы не могли не заметить, – религиозность. Ксендз, то есть священник, в Польше – лицо неприкосновенное и пользующееся большим влиянием на прихожан. Польские власти даже требовали от него подписки о неразглашении государственной и военной тайны. С какой стати? С такой, что каждый поляк в предчувствии смерти исповедовался ксендзу за свои тяжкие грехи и вымаливал прощения. Перед смертью держал исповедь министр и генерал, разведчик и контрразведчик. Поэтому ксендз – лицо, обязанное хранить тайну доверившихся ему и в его лице Богу. О религиозности Польши можно судить и по тому, что за ней утвердился авторитет верной дщери Ватикана, а там Папа Римский Иоанн Павел второй – бывший польский епископ. Проходя службу в этой стране, мы не чувствовали себя хотя бы в какой-то мере связанными с происходящими в ней событиями, жили по своим законам. Экстерриториальность в полном смысле этого слова. Но через некоторое время ситуация изменилась.

Постепенно я привык к новым условиям жизни и одиночеству, тем более что в офицерских общежитиях было уютно, жили по одному-два человека в комнате; питание нареканий не вызывало, блюда

готовили по предварительным заказам – живи как хочешь. Правда, с одним существенным ограничением: не должно быть никаких личных контактов с местным населением, особенно с его нежной частью. Поляки, узнавшие, что советские военнослужащие находятся в чьей-то квартире, обязаны были сообщить об этом полиции, а та – нашей военной комендатуре. И тогда заблудшую душу в офицерских погонах выводили из квартиры как нарушителя одновременно и правил общественного поведения, и правил, установленных для советских военнослужащих. Не знаю, составлялся ли акт о задержании посягнувшего на ласку польки, но разговоров в воинской части о потере бдительности после этого хватало надолго. Крайней мерой в отношении нарушителя порядка было выдворение в Союз. Был случай, когда один подполковник, находясь в гостях у польки, почуял недоброе, но покинуть квартиру обычным порядком уже было невозможно: патрули начали стучаться в дверь. Решив избежать неприятностей, он стал спускаться с четвертого этажа по водосточной трубе, но та не выдержала его веса и рухнула на землю. С переломом позвоночника бедняга полгода лежал в госпитале, но обошлось благополучно, спинной мозг не пострадал. Считая, что подполковник понес тяжелую физическую кару, в Союз его не отправили. Но смеха, иронии при обсуждении его на партсобрании после выписки из госпиталя хватало. Режим пребывания в дружественной нам стране не входил ни в какие рамки, компрометировал нас, а порой ставил просто в нелепое положение. Стоило обратиться к полякам с каким-нибудь вопросом, вроде уточнения, как пройти до определенной улицы, те вежливо отвечали, но не задерживались, добавляя, что им известно о запрете советским военнослужащим вступать в контакт с ними. Какая-то глупая и вредная инициатива не в меру бдительных начальников высокого ранга.

Между тем общения было немало, и не только из-за похоти, но и по более земным причинам. Польша в те годы переживала глубокий

экономический кризис. В стране не хватало многих товаров, особенно предметов первой необходимости и культурного назначения. Собственное производство их только начинало развиваться. Ручные часы, фотоаппараты, радиоприемники, особенно радиолы, – всем этим польский рынок наполнялся советским воинством. Любой военнослужащий возвращался из отпуска, везя что-либо с собой для продажи. Образовался своеобразный челночный рынок: туда везли названные предметы, оттуда – ткани, ковровые изделия и, пожалуй, все. К этому подталкивали трудности в обеих странах, и никто с таким рынком не боролся. Таможенники просто не обращали внимания. По сравнению с ГДР, где также находилась группа советских войск, Польша представляла собой нищую страну, но с присущим ей еще с времен средневековой шляхты высокомерием. Девиз поляка: "Ниц нимама – маем гонор", то есть "Ничего нет, но мы с гонором". Кстати, польский крестьянин не поддавался агитации и принуждению принять коллективизацию сельского хозяйства. Отчасти этому помогло фольварочное ведение хозяйства, традиционное для Польши.

Наступил 1953-й год, который так и хочется назвать судьбоносным в жизни страны. Начну по порядку.

Уже полностью освоился с новой обстановкой, нашел круг друзей и вел жизнь, состоящую из служебного времени и ничегонеделания. После многих лет учебы книги не тянули. Часто получал письма, Мария уже ожидала роды. При расставании и в письмах мы с ней условились, что, если родится сын, назовем его Александром, а дочь – Надеждой. Сына я хотел назвать именем уже упоминавшегося мною А.А.Цветаева, дочь же – именем Н.К.Крупской. Мы много начитались о ее личных качествах; не могли не знать, что ее жизнь, как подруги и соратника Ленина, немало омрачалась тем, что происходило при руководстве Сталиным страной и партией.

Но вот 1-го марта до нас доходит печальное сообщение о тяжелой болезни И.В.Сталина. О его болезнях вообще никогда не сообщалось, и советским людям казалось, что его могучий организм недугам не подвластен, сделан из гранита и мрамора. Правда, старение вождя не могло быть не замеченным по снимкам в печати; по телевидению же его, кроме парадов на Красной площади, редко показывали. Обратили внимание на то, что на торжественном собрании, посвященном его 70-летию, он не произнес ни слова, ни разу не улыбнулся.

Каждому сколько-нибудь просвещенному человеку уже из первого сообщения о болезни вождя стало ясно, что в лучшем случае его ждет скорая смерть, в худшем – остаться на некоторое время живым трупом, еще в более худшем варианте – повторить участь Ленина, почти два года просуществовавшего неполноценной личностью. Каждый день люди по нескольку раз внимательно слушали очередные сообщения о болезни вождя.

Не помню, по какой причине, но 6-го марта первое сообщение о смерти Сталина я не слышал, но когда вошел в офицерскую столовую и услышал звучание по радио финала Шестой симфонии Чайковского, мне не надо было говорить, что случилось.

В трауре прошли все дни до похорон. Не думаю, что в эти дни среди советских людей находились люди с двойной моралью и психологией: на лице печаль, а на душе ликование. В ходе войны, особенно в ее последние годы, затем в годы восстановления авторитет Сталина поднялся до запредельных высот, никому в голову не приходило, что он когда-нибудь будет поколеблен. Еще не утихли звуки победных фанфар, а мы под его руководством уже начинаем переделывать природу, сооружать великие стройки коммунизма, создали атомное оружие, возводим каналы, о которых в прежние времена лишь мечтали, и на фоне этого – ежегодное снижение цен. Перечень сделанного и замышляемого бесконечен. В эти дни не могла не привлечь внимание

поспешность, с какой произошло перераспределение властных портфельей: Н.С.Хрущев становится первым секретарем ЦК КПСС, а Г.М.Маленков – председателем Совета министров СССР.

Говорят, что от великого до смешного один шаг. Подтверждаю эту истину. Переживая вместе со всеми болезнь вождя, я опасался, что роды Марии могут совпасть с днем смерти вождя. Это будет означать, что у нашего второго ребенка день рождения никогда не будет праздничным. Ведь дату смерти Сталина долго будет помнить и отмечать не только советский народ, но и все прогрессивное человечество. Но судьба сжалилась над нашей семьей: второй ребенок – Надя – родилась ровно через две недели после смерти вождя – 19 марта. Вскоре от Марии получил успокоившее меня письмо: все прошло благополучно, она и ребенок здоровы, того же и мне желают. Правда, среди друзей рождение Нади закрепило за мной эпитет: молодец, только девичий отец.

Уже вскоре после смерти вождя стали заметны симптомы начинающихся перемен. В последних числах марта в "Правде" и в других центральных газетах появилось сообщение МВД СССР о прекращении следствия по так называемому делу врачей и о том, что они освобождены из-под стражи. Уникальный случай за всю советскую историю. Кристально чистые, преданные делу революции чекисты никогда не ошибались, раскрывали самые изощренные хитросплетения внутренних врагов и внешних разведок, а здесь опростоволосались: не могли справиться с двумя десятками обслуживающих партийно-государственную верхушку врачей пожилого возраста, с преобладанием евреев. Но уже в сообщении говорилось, что имела место фальсификация, грубое нарушение социалистической законности, назывались лица, ответственные за эту провокацию. Лишили ордена женщину, сыгравшую роль патриотки в разоблачении "убийц в белых хала-

тах", а через некоторое время стало известно, что она погибла под автомобилем. Все как в идеальном детективе.

Из-за краха дела врачей не только послетали папахи с голов многих аппаратчиков МВД, но и наступил шок в армейских политорганах. И стоило из-за чего: в этих органах чуть ли не вся работа строилась на усилении бдительности в войсках, прославлении заслуг товарища Сталина во всех наших победах, борьбе с пережитками прошлого в сознании воинов.

Хочу сделать небольшое лирической отступление. В первую ночь пребывания на передовой вижу сон: я иду в колонне по четыре человека в ряду. Куда и зачем, неизвестно. Впереди идущие ряды один за другим проваливаются в какую-то пропасть; когда же настала очередь нашего ряда, она сложилась в ступеньки, по которым мы начали спускаться, и я мгновенно очнулся. Через некоторое время снова вижу сон: выхожу из школы, в которой учился в Ишимбае, и впереди, на дороге, вижу встречающих меня мать с Колей. Чтобы дойти до них, мне нужно преодолеть снежный сугроб, пытаюсь это сделать. Но с каждым шагом снег становится глубже, я вязну в нем, двигаться больше не могу. Вдруг меня словно кто-то подтолкнул, я подпрыгнул, сбросил с ног галоши и по насту кинулся к встречавшим. И снова также внезапно очнулся... Оба эти сна я вспомнил в декабре 1945 года, будучи в отпуске, и рассказал матери. "Сынок, – услышал от нее, – это были твои вещие сны, они намекали тебе, что уцелеешь на войне". Если эти сны были вещими, то сон, который я видел в апреле 1953 года, снова находясь в отпуске в Ишимбае, был, выражаясь современным языком, супервещим. Снится обстановка комнаты, в которой я реально нахожусь. Лежу в постели, только просыпаюсь и сквозь сон слышу голос Левитана, сообщающего о том, что Берия – враг народа. От этого сразу же очнулся, как ошпаренный, осмотрелся. Радио молчит, рядом спит жена. Уснуть больше не смог, до определенного времени молчал

об этом сне даже среди своих. Прошло немного времени, и сон стал явью. Чем закончилось дело Берии, не вижу необходимости писать – это хорошо известно каждому.

Через некоторое время после ареста Берии я заменял ушедшего в отпуск начальника канцелярии штаба группы войск. Не помню, в какой день не давали покоя телефонные звонки из приемной командующего, спрашивали, не поступил ли приказ Министра обороны Булганина, они повторялись каждые 10-15 минут. Лишь где-то перед полуднем пакет с этим приказом был доставлен в канцелярию. На нем стоит гриф "Совершенно секретно", но без литеры, который означал, что вскрыть пакет имеет право только то должностное лицо, которому он адресован. Следовательно, я могу его вскрыть, зарегистрировать документ и вручить его по назначению. Это оказался приказ, касающийся положения и режима советских войск, дислоцированных за границей. Читаю его, не веря своим глазам. Он был большой, запомнить детали было невозможно, да и не к чему. Память сохранила самое существенное. В приказе отмечалось, что в войсках Советской Армии, дислоцированных за границей, сложилась порочная практика взаимоотношений с гражданами и организациями стран дислокации. Советским военнослужащим запрещаются контакты с населением, их общественными организациями, подвергаются цензуре письма к родственникам, запрещается ввоз за границу семей офицерского состава. Это и многое другое, подчеркивается в приказе, объясняется огульным недоверием к советскому офицерскому корпусу.

Приказ требует устранить все эти извращения, отменить многие ограничения. Офицерскому составу разрешается ввозить семьи, для чего открыть школы для советских детей на территории воинских гарнизонов. Предлагается устанавливать контакты с населением и организациями страны пребывания войск. Иначе говоря, снимался железный занавес, которым советские военнослужащие отгораживались от населения, как тогда называли, стран народной демократии.

Этот приказ для командования группы войск был подобен грому среди ясного неба, оно в буквальном смысле растерялось, я же был предупрежден не разглашать его содержание. Молчание длилось несколько дней, пока не состоялось закрытое партийное собрание с участием представителя Главного политического управления Советской Армии. Оно проходило вначале как обычно. Докладчик официально и сухо изложил содержание приказа, прокомментировал его положения и призвал с полной ответственностью подойти к его исполнению. Выступившие после него руководители управлений и отделов, словно сговорившись, призывали к еще большему усилению бдительности, словно среди жен и детей офицеров окажется немало шпионов, и к укреплению воинской дисциплины. Ни один не выразил своего отношения к содержанию приказа, удовлетворения по поводу того, что жизнь офицеров войдет в нормальные семейные рамки, с ними рядом окажутся не только жены, но и дети, требующие к себе внимания отцов. Не говорю уже о том, что отпадет бесцельное времяпровождение, поубавится пьянства и пр. Расставил акценты и поставил все точки над *i* представитель Главного политуправления. Он разъяснил, что во все не ради укрепления бдительности принят этот приказ, а в целях нормализации жизни офицеров, проходящих службу за рубежами нашей страны, а также их семей, которые в условиях мирного времени оторваны от мужей и отцов. И только с этих позиций к нему следует подходить. Что же касается бдительности, то этот вопрос никто не снимает, но к семейной жизни офицерского состава он не имеет отношения.

Нет сомнения, приказ был чрезвычайным, он ломал сложившиеся полицейские порядки в частях нашей армии за границей, сводил на нет привычный режим и обязывал командование позаботиться о вещах, которые его раньше не беспокоили. Нелегко открыть школу в отрыве от Родины, оборудовать детсады в каждом гарнизоне, создать гинекологическую службу и многое другое. Бы-

ли и пикантные обстоятельства, к примеру такие. Подобно тому как в годы войны, у некоторых офицеров появились пассии, которые ублажали их жизнь, делали ее вполне приятной и без жены. Преимущественно это были девицы из вольнонаемного состава, но были и польки. Везти жену некоторым было не только нежелательно, но и опасно. Что ни говори, жизнь есть жизнь, и вопросов она выдвигает много, особенно при крутых поворотах.

При первой же возможности осуществить мечту жить всей семьей я написал об этом Марии, но предложил серьезно обдумать вопрос, стоит ли пускаться в дальнюю дорогу с грудным ребенком на руках. Вместо ответа по существу моего опасения, получил взбучку за то, что у меня имеются колебания, ехать им или ждать с неба погоды. Получив такое письмо, оформляю документы на пропуск через границу, беру краткосрочный отпуск и выезжаю за ними. Перед Марией пришлось объясниться, почему я не спешил ехать. Даже теперь, через полвека, когда она не в духе, напоминает мне об этом тяжком грехе. Уж не хотел ли я вообще провести годы службы за границей без семьи, испытать вольготной жизни?

Квартирой нас обеспечили сразу по прибытии семьи, впервые мы стали жить в доме с центральным отоплением, газом, холодной и горячей водой. В трехэтажном коттедже разместилось пять семей. Жили вблизи здания, в котором размещался штаб Северной группы войск; некогда это здание служило резиденцией генерала Паулюса, того самого, армия которого была разбита под Сталинградом, а он сдался в плен.

Постепенно в городе Легнице, где было сосредоточено немало войсковых частей и военных учреждений, громче зазвучала русская речь, в военных городках зазвенели детские голоса, жизнь потекла по-иному. Появились две школы, детские сады, стали приезжать звезды эстрады, московские артисты. Жизнь вошла в нормальную колею. Ес-

тественно, набирала масштабы челночная торговля советскими товарами. Польша все еще ничего не производила.

В моей семье довольными считали себя все, кроме меня. Постепенно в сознании оформился вопрос, что делать с полученным высшим педагогическим образованием: забывать, сохранить лишь диплом, или же искать ему применения? Решил избрать второе, а это означало уходить в запас, тем более что для такого шага в армии складывалась благоприятная обстановка. Уже прошло одно сокращение ее численного состава, на очереди второе.

В июне 1955 года подаю на имя командования рапорт об увольнении меня в запас, в котором свое решение объясняю, с одной стороны, тем, что меня не привлекает перспектива роста на административно-штабной работе и что после десяти лет отрыва от службы в строевых частях я уже не пригоден для командной должности. С другой стороны, в нашей стране идет подготовка к введению всеобщего среднего образования, и я на этом поприще смогу принести Родине и народу больше пользы, чем оставаясь в рядах Вооруженных Сил. Такая логика рапорта обеспечила ему беспрепятственное прохождение всех инстанций, и в начале августа пришел из Москвы приказ о моем увольнении. Это была первая ласточка начавшегося сокращения Советской Армии на 600 тыс. человек.

Не скрою, что принять решение об оставлении военной службы было для меня нелегким шагом как в психологическом, так и нравственном отношении. За тринадцать лет службы я сформировался как личность в военной среде, впитал в себя многое из того, что характеризует эту среду – особый стиль мышления и поведения, специфическая этика. В этой связи не могу не вспомнить, что император Николай первый, солдат по натуре, высоко отзывался о казарме за то, что в ней никто не начнет командовать другими, пока сам не научится под-

чиняться. Это – закон военной службы, любой армии, и он свято соблюдался в Советской армии в годы моей службы в ней.

Наша армия в 50-е годы сохраняла черты дисциплинированной, боевой армии. Еще были свежи в памяти подвиги, совершенные в Великой Отечественной войне. Среди командиров рот и выше преобладали участники войны. Если б в те годы кто-то рассказал, что такое дедовщина и что она совет себе гнездо в армии 70-х годов, ему бы никто не поверил. Еще больше не поверили бы, скажи кто о материальном обеспечении армии и ее личного состава, которое достается им сейчас. Словом, я по собственной воле оставлял среду, с которой сросся, которой дорожил, и мало представлял, куда повернет жизненная кривая после увольнения. Но риск – благородное дело. Местом "приземления" мы с Марией без долгих размышлений избрали родной край – Башкирию.

От хрущевской оттепели к брежневскому похолоданию

Итак, я – гражданский человек. Снял погоны с гимнастерки и шинели, долго хранил их как реликвии. За плечами тринадцать лет службы в армии. Понимаю, что случай не уникальный, но это период моей жизни от 18 лет до 31 года, когда молодой человек набирается опыта, гражданского и политического сознания, становится мужчиной. Начавшаяся новая жизнь на военном языке носит название гражданка, ее содержанием для меня стала школа в самом широком смысле слова – от места работы до предмета познания, раздумий, переживаний.

Еще в Польше, на семейном кругу, условились, что остановимся в молодом городе Салавате, что вблизи малой родины Марии, а также Ишимбая, где прошло мое отрочество, и, кроме того, в Салавате проживает сестра Марии с семьей, у них мы будем жить до получения квартиры.

На первых порах с работой обстояло непросто – не было свободных часов по истории. Ведь я появился в городе перед самым началом учебного года, когда школы уже были укомплектованы учителями. Заведующий горОНО П.А.Кириллов отнесся ко мне внимательно и временно устроил на одну треть ставки учителя в школе рабочей молодежи, то есть в вечерней школе. Обещал при первой возможности устроить на полную ставку. Эта возможность предоставилась очень скоро: 1-го октября я уже стал завучем средней школы № 1. Такой взлет человека, ранее не работавшего учителем, объясняется одной причиной – отсутствием в городе резерва учителей для выдвижения

на руководящие должности. А тут прибыл офицер, коммунист, с высшим образованием, фронтовик и пр.; месяц посмотрели на него, в школе не робеет – чем не завуч?

Давая согласие стать завучем средней школы, я понимал, что о предлагаемой должности имею самые общие, поверхностные представления, а вернее – впечатления от собственных школьных лет. Следовательно, предстоит много работать: в школе – на практике постигать секреты должности, и дома – над литературой. Но к этому мне не привыкать.

Пока я ни слова не написал о самом важном и зачастую мучительном вопросе при переходе из военной жизни в гражданскую, поскольку такой переход связан с переменой места жительства. И не случайно, потому что уже в конце сентября мы получили две полнометражных комнаты в трехкомнатной квартире нового дома, а через несколько лет к нам отошла и третья комната. Квартира просторная, теплая, со всеми удобствами. Город полностью благоустроен, не знает ни грязи ни луж. В этом отношении Салават тогда резко выделялся на фоне других городов республики. Это был не только быстро растущий город, но и город молодых – рабочих, инженерно-технических кадров, интеллигенции.

Однако Салават имел одну особенность, которая придавала ему негативный колорит: он создавался руками заключенных. В конце сороковых годов в нем насчитывалось до десятка лагерей, к описываемому моменту осталось четыре. Движение колонн, сопровождаемых вооруженными людьми, да еще с собаками, – не самое приятное зрелище, особенно когда оно вам напоминает о чем-то из пережитого вами или вашими близкими.

Строительство Салавата замышлялось как создание крупного комбината по производству искусственного жидкого топлива на основе кумертауского месторождения бурого угля. Оборудование в поряд-

ке репараций поступало из побежденной Германии. Но когда были обнаружены крупные нефтяные месторождения в Западной Сибири, было решено наполовину готовый комбинат перепрофилировать на производство топлива и других продуктов из нефти. Так постепенно сложился Салаватский нефтехимический комбинат, ныне открытое акционерное общество "Салаватнефтеоргсинтез". Вместе с комбинатом рос город. Сегодня в нем проживает порядка 150 тыс. человек, имеется театр, трамвай, свыше 20 школ, техникум, педколледж, филиал Уфимского нефтяного университета, мощный телевизионный ретранслятор и другие атрибуты современного города.

...Учиться на завуча пришлось на ходу. Свои уроки (история и логика), посещение и анализ уроков учителей, чтение методической литературы, участие в изучении опыта других школ – все это было одновременно и учебой и повседневной деятельностью. Педагогический коллектив в школе был сильный, поэтому учиться было чему и было у кого.

Но событие, которое произвело на меня – и не только на меня! – самое сильное впечатление в 1955/56 учебном году было вне школы и вне всей системы народного образования. Это был XX съезд КПСС, осудивший культ личности Сталина и его последствия. Современникам, которым сейчас меньше 60 лет, даже невозможно представить тот взрыв, каким прозвучал доклад на съезде первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева. Да и обстановку культа личности Сталина им трудно понять. Мало того, что вождь сосредоточил в своих руках всю власть в партии и государстве, что он распоряжался жизнью миллионов людей и многие погибли из-за проводимой им жестокой политики в отношении своего народа – его в буквальном смысле обожествляли. Вряд ли кто-либо из деспотов древности и средневековья имел в своих руках столько власти.

Отход от сталинизма можно было заметить вскоре после смерти Сталина, об этом я уже упоминал. Да, в обществе стало легче дышать, можно было что-то сказать не в унисон политике КПСС, но все это делалось робко, в кулак. И вдруг доклад на съезде партии, который в повестке дня съезда не значился. Партию знакомили с ним на закрытых партийных собраниях, в печати не публиковали.

Доклад Хрущева в буквальном смысле слова вызвал шок у многих людей, выросших в сталинские времена и глубоко веривших в непогрешимость и святость вождя. И по сей день среди пожилых людей можно встретить немало верных ему. Эта вера особенно усилилась после всего произошедшего у нас в 90-х годах, когда резко ухудшилась жизнь простых людей, произошло разрушение державы и разворовывание всенародной собственности. Похоже, вопрос о Сталине, об отношении к памяти о нем еще долго будет будоражить умы в нашем обществе.

То, что я написал выше, можно прочитать в любом журнале. А каково мое личное отношение к Сталину – при его жизни и после нее? Разумеется, в детские и юношеские годы я верил в Сталина. Трагическая судьба отца не отразилась на моем отношении к нему. Не случайно же, когда у нас случилась беда, мы в первую очередь обратились с письмом к нему. Уже к началу войны в него верил весь народ, а в ходе войны, особенно на ее конечном этапе, вряд ли в стране были сомневающиеся в том, что во главе стоит непогрешимый и гениальный предводитель. Но когда услышал доклад Хрущева, то очень многое из его содержания получило подтверждение в моем сознании и восприятии жизни. Я этому не радовался, но и не считал, что произошла катастрофа в обществе. У самого вождя не раз срывалось с языка, что незаменимых людей нет. Уже три года мы жили без Сталина, и ничего со страной не случилось. Съезд раскрыл глаза на произвол вождя, попрание им законности и репрессии 37-го года, которые были организованы и проведены

при полном понимании, что никаких врагов народа не существовало. Следовательно, гибель моего отца и сотен тысяч других невинных людей – ничто иное, как преступление "гения всех времен и народов". Это не могло не вызвать у меня разочарования как в Сталине, так и во многих порождениях нашей общественной жизни. Не скрою, что я все время испытывал угрызения совести из-за того, что вынужден был скрывать историю с отцом, даже угрызение перед партией за этот "обман". Но когда стало известно, что скрывалось за репрессиями, то не раз мелькала мысль, что не я, а партия виновата передо мной. Разумеется, эту мысль я отгонял прочь, так как, будучи в рядах КПСС, мог сотни, тысячи раз убедиться, что основа партии – первичная организация – была чистой и нравственной. Гниение шло выше, в партийной бюрократии, номенклатуре, рядовые же члены партии к злоупотреблениям сталинизма никакого отношения не имели. Но факт остается фактом: политическая организация, называвшаяся ВКП(б), а затем КПСС, представляла собой именно ту силу, на которую опирался ее нечистоплотный лидер. Он даже войну не мог честно вести: главным образом из-за его просчета три миллиона солдат и офицеров в первых сражениях попали в плен, он же отказался от них и объявил предателями. А расстрел 18 генералов во главе с Павловым, не справившихся с обстановкой также в первые дни войны?

Развенчание Сталина я воспринял как должное и считаю, что оно было неизбежно при всех негативных последствиях этой политической акции. Не так быстро партия и народ стали освобождаться от десятилетиями навязывавшихся им стереотипов мышления, догм, началась эпоха, получившая название "хрущевская оттепель".

Событием в моей жизни стало назначение меня директором той же школы, состоявшееся летом 1957 года. Но это уже не представляло

такой неожиданности, как назначение завучем, и не требовало от меня переучивания. Если в описываемые годы не редкостью было, когда директорами школ ставили только что окончивших пединститут, то в случае со мной было иначе: и возраст за 30, и есть опыт руководства учебно-воспитательным процессом школы. С тех пор моя жизнь стала протекать как бы внутри трех взаимосвязанных процессов: в общественной жизни, в школе и в семье. Какому из них я больше отдавал времени, сказать трудно. Правда, за работу в школе и выполнение партийных обязанностей замечаний не имел, дома же, как и каждому женатому мужчине, от жены доставалось нередко за недостаточное внимание к семье.

Моя работа в сфере просвещения совпала с крутыми преобразованиями в советской школе. Дело в том, что к тому времени содержание образования в ней носило явно выраженный академический характер: она готовила своих питомцев к продолжению образования, поэтому из содержания ее работы постепенно ушел труд детей, особенно общественно полезный; были ликвидированы учебные мастерские, созданные еще в 20 и 30-х годах; ее выпускники нравственно и психологически не были подготовлены к труду на производстве – всех тянуло в вуз. В начале 50-х годов школа сделала первые шаги в сторону усиления практической направленности содержания образования. Приступили к осуществлению одной из самых значительных школьных реформ советского периода нашей истории. Ежегодно вводилось что-то новое. Снова появились такие учебные предметы, как домоводство, основы производства, электротехника и др. Как в городе, так и на селе школа восстанавливала утраченный трудовой характер. Сельские школьники трудились на колхозных полях, животноводческих фермах. Появились ученические производственные бригады, лесничества и опытные участки. Все эти начинания получили законодательное подтверждение в законе о школе, принятом в 1958 году. В ее названии появилось слово "трудовая". Дел было по горло: создавать

школьные мастерские, кабинет электротехники, автокласс и многое другое, что школа уже успела забыть. Пришлось заниматься ее перестройкой в буквальном смысле этого слова: ломали стены и приспособляли под мастерские классные комнаты, устанавливали подаренные шефствующими предприятиями станки и громоздкие производственные верстаки, расчищали от хлама подвалы и в них размещали мастерские. Через несколько лет школам стали сооружать пристройки для учебных мастерских, а заодно и спортивные залы. Много можно говорить об энтузиазме, которым кипели школы, особенно средние. Нам хотелось приблизить школу к запросам жизни, производительному труду, даже к коммунистическому завтра, которое, как нам казалось в хрущевские времена, уже не за горами. Ведь на состоявшемся в 1961 году XXI съезде партии была провозглашена задача построить коммунистическое общество к 1980 году.

Среди знакомого мне круга людей к программе коммунистического строительства многие относились скептически, если не с иронией. Я же, очарованный прекрасным Салаватом с его удобствами, молодежным задором, перспективами и реальными успехами, не сомневался, что скоро вся наша страна покроется такими городами. А это и есть коммунизм. Но то обстоятельство, что магазины были пустые, что хорошую вещь, особенно мебель и приличную одежду, купить невозможно, надо ехать в Москву или научиться доставать – это как-то в голову не приходило: привыкли считать нормальным положением. Прибавилось оптимизма у меня еще и потому, что XX съезд партии очистил мою совесть от груза, связанного с участием отца. Теперь, повторяюсь, меня уже нигде и никто не спрашивал, есть ли у меня репрессивные родственники. Я состоял в партийном активе города, дважды избирался членом горкома партии, был активным лектором, преподавателем университета марксизма-ленинизма. Салават остался в моей памяти светлым периодом жизни: интересная работа, и молодость, и авторитет.

В годы моей жизни в Салавате его партийную организацию возглавлял незаурядный человек – В.Н.Якимов. Прекрасный организатор, трибун, широкая русская душа делали его подлинным вожаком, партийным руководителем в лучшем смысле этого слова. Он не был святым, но его недостатки затмевались позитивными чертами и с лихвой окупались неутомимой работой. Не случайно из Салавата его перевели в обком КПСС, где он вырос до секретаря обкома, а затем стал председателем Комитета народного контроля республики. Не раз задумывался над вопросом, произошло бы с нами пережитое в последние два десятилетия минувшего века, будь у нас на ответственных уровнях руководители, подобные Якимову?

Три года я работал директором школы № 1. Думаю, что удалось сдвинуть с мертвой точки те застойные явления, которые были присущи школе до упоминавшейся реформы 1958 года. Школа в буквальном смысле стала трудовой, политехнической с производственным обучением. В 1959 году мне предложили принять строящуюся в Салавате школу-интернат. Что это такое, многие наши современники либо уже забыли, либо просто не знают.

В лучшие годы своего пребывания во главе партии и государства Н.С.Хрущеву пришло в голову либо по чьей-то подсказке приступить к созданию школ, отвечающих требованиям новой, коммунистической эпохи. Название они получили "школа-интернат", то есть школа с постоянным пребыванием детей в ней, на полном государственном обеспечении, с оплатой в зависимости от доходов семьи. Школа будущего – так окрестили ее и политики, и ученые мужи от педагогики. За границей поспешили известить, что Советский Союз приступает к созданию школ для подготовки коммунистической элиты. В печати промелькнуло, что, по мнению Н.С.Хрущева, эти школы будут чем-то вроде Царскосельского лицея, в котором учился Пушкин, многие декабристы. Иными словами, школа нового образца, за которой будущее

вплоть до постепенного преобразования по ее подобию всех школ страны. И вот мне оказывается доверие создать такую школу. Мог ли я или кто-либо другой на моем месте отказаться от такого доверия?

К началу учебного года школа была не готова: заканчивались отделочные работы, завозилась мебель, а самое главное – не готов был пищеблок. Учителями нас укомплектовали хорошо, буквально из всех школ города отбирали лучших, как правило молодых. Эту миссию взял на себя заведующий горОНО П.А.Кириллов в расчете для себя, так как собирался возглавить новую школу, однако руководство города почему-то этот вопрос пересмотрело. Начать занятия мы смогли числа 10 сентября, но с неготовым пищеблоком, и пищу нам поставляла одна из городских столовых. Работали с энтузиазмом и полной отдачей делу, каждому хотелось показать себя и преимущества школы нового типа. В самом деле, новые здания, мебель; все дети одеты в новую школьную форму, новые учебники; ежедневно школу навещает кто-нибудь из отцов города. Директор не знал, что такое финансовые ограничения, школа финансировалась из республиканского бюджета, собственная грузовая машина, школьный врач и много другого, чего не знала обычная школа. Но уже первые учебные итоги показали, что школа-интернат – явление виртуальное, то есть возможное, но пока, при данных условиях, недостижимое. И здесь решающую роль сыграло то, что при их комплектовании верх одержала гуманная идея: спасти детей из неполных или малообеспеченных семей, а таких в нашей стране в пятидесятых годах было хоть отбавляй. Не только сейчас, но и в те годы было немало детей опустившихся родителей. Вообще это было время, когда рано было мечтать о возрождении элитных школ, существовавших в дореволюционной России и существующих сейчас в богатых странах. Но при всей неудаче замысла школа-интернат стала заметным явлением в нашей стране, пусть не в системе народного образования, зато в системе социальной защиты детей. Фактически их

можно считать вторым, улучшенным изданием детских домов. Говоря об этом, не имею в виду специальные школы-интернаты для одаренных детей или же в местности с редкими поселениями, где невозможно иметь сеть школ обычного типа. Если выразиться иначе, то как тип учебного заведения школа-интернат при определенных условиях сохранилась, но система школ-интернатов, способная заменить или конкурировать с обычной школой, на что рассчитывали ее основатели, не состоялась. Причем не только потому, что ей достался педагогически запущенный детский контингент, но и потому, что идея воспитания детей в отрыве от семьи несостоятельна в принципе. На эту тему можно вести бесконечный разговор, но вспомним Жан Жака Руссо: где нет детей, там нет семьи.

Как и сейчас, в советские времена руководителям школ и учителям спокойно жить не давали. Начальствующее око не дремало, проверки устраивались и по случаю, и без случая. Нас также часто проверяли, и оценка обычно была высокой. При проверке в начале 1963 года особо отметили хорошую постановку массовой воспитательной работы. Но вот в апреле того же года случилось ЧП: девятиклассница Таня Б. на почве безответного чувства покончила с собой. Сделала это намного красивее, чем Анна Каренина: если та бросилась под колеса мчащегося поезда, то наша воспитанница спокойно легла шеей на рельс. Естественно, сразу же комиссии – городская, министерская и прокурорская. Опросили всех воспитанников, не преследуют ли их за пустяки, перебрали все имущество, рылись в моем столе. Иначе как проверкой с пристрастием не назвать. Хотя самоубийца сама описала причину своего поступка, искали корни случившегося. И нашли: запись в акте предыдущей проверки о том, что в школе-интернате хорошо поставлена массовая воспитательная работа. Это, решили проверяющие комиссии, – признак плохой постановки индивидуальной воспитательной работы. Так и квалифицировали наш грех на заседании бюро Салаватского горкома партии. Я и два моих заместителя,

старший воспитатель и секретарь партбюро получили по строгому выговору с занесением в учетную карточку, а прокурор намеревался завести против нас уголовное дело. Это было единственное партийное взыскание, которое я получил почти за полувековое пребывание в партии. Но после добровольного ухода из армии оно побудило меня сделать очередной решающий шаг в жизни.

Примерно за полгода до описанного случая заведующий кафедрой педагогики Стерлитамакского пединститута Е.О.Заруди сделал мне предложение переходить к ним на работу. Я не принял предложение, так как меня не слишком привлекала научная карьера в области педагогики, больше влекли история с философией, уже начал сдавать кандидатский минимум, да и в то время я жил интернатом, не был готов расставаться с ним. Плюс к этому я внутренне отторгал Стерлитамак из-за тяжелых воспоминаний об отце. Е.О.Заруди принимал участие в обеих комиссиях, проверявших нашу работу до ЧП и после него. И через несколько недель после избияния нас на бюро горкома партии он меня спросил: "Скажите, Вы сейчас гарантированы от того, что подобное у Вас не повторится?" – "Нет" – отвечаю. – "Так имейте в виду, что, повторись у Вас нечто подобное, Вас не примут не только в Стерлитамакский пединститут, но и в Стерлитамакскую тюрьму..." Старый, мудрый Ефим Оскарович! Он попал в уязвимую точку. После разговора с ним я долго не размышлял, посоветовался с женой, встретил понимание с ее стороны и оформил документы для участия в конкурсе на должность старшего преподавателя кафедры педагогики Стерлитамакского педагогического института. В начале июня меня известили, что я прошел по конкурсу. Таким образом, закончился салаватский период моей трудовой жизни, воспоминания о котором вызывают во мне самые теплые чувства. И потому, что я любил этот город даже тогда, когда его начала душить развивающаяся химическая промышленность; и потому, что в нем прошли лучшие годы жизни; и потому, что там я встретил много замечательных людей; и, разумеет-

ся, потому, что благополучно протекала жизнь в нем. Сталинизм с его извращениями канул в Лету.

Жизнь в Салавате моим переходом на работу в Стерлитамакский пединститут не закончилась. Без малого четыре года я жил в нем, а на работу ездил пригородным транспортом. Особых трудностей это не составляло.

Как-то по дороге в Стерлитамак краем уха уловил возбужденный разговор о Хрущеве. Прислушался. Оказывается, его сняли с должности и отправили на пенсию. Даже сейчас не могу понять, удивила меня такая новость или нет, но на что обратил внимание – не объявили врагом народа, агентом мирового империализма, что свидетельствовало о преодолении стереотипов сталинизма. А то, что 70-летнего старца освободили от всех высоких должностей, удивления не вызвало, хотя сам Никита Сергеевич на чествовании его в день юбилея, за полгода до снятия, заявил, что у него есть еще порох в пороховницах. Видимо, порох этот уже был сырым...

Хрущевское десятилетие заслуживает того, чтобы ему уделить внимание.

О том, что происходило в стране после смерти Сталина, написано много, и не вижу необходимости воспроизводить детали тех лет. Обобщенно можно отметить, что в обществе за два-три года изменился политический климат: пошел процесс оздоровления нравственности, избавления от шпиономании и подозрительности, а также от такого зла, позорившего наше общество, как доноительство. И хотя идеологические шоры оставались незыблемыми, всем стало легче, особенно интеллигенции. Если корректно понятие "социализм с человеческим лицом", то, считаю, такой социализм у нас был после смерти Сталина, и основы его заложил Н.С.Хрущев, а "хрущевская оттепель" – это не миф, а полоса, длившаяся целое десятилетие и оставившая о себе добрую память,

особенно среди творческой интеллигенции. Именно тогда были опубликованы повесть А.Солженицына "Один день Ивана Денисовича" и мемуары И.Эренбурга "Люди, годы, жизнь" – первые вестники перемен в духовной жизни общества. Но в конце правления Хрущев, как и Сталин, уверовал в собственную непогрешимость, стал некомпетентно и бесцеремонно вмешиваться в дела творческой интеллигенции. Правда, при нем не принимались постановления, которые, как в сталинские времена, требовалось изучать на собраниях, клясться в верноподданических чувствах к марксизму-ленинизму, но на встречах с писателями, художниками, скульпторами он устраивал разносы проштрафившимся, сопровождая их своими указаниями. Основательно скомпрометировал себя в глазах народа повсеместным навязыванием кукурузы, в том числе и в местностях, где она никогда не произрастала или же возделывание ее было экономически невыгодно. Так, однажды "Правда" на первой полосе поместила снимок, на котором был изображен сидящий верхом на лошади мужчина, а рядом с ним – стебель кукурузы выше его вместе с лошадьёю, выращенный не где-нибудь на Кубани или в Молдавии, а в ... Архангельской области! Кукуруза, авральное освоение целины, увлечение реорганизациями и односторонние подходы Хрущева к решению государственных вопросов постепенно вели к снижению его авторитета в народе и в партии. Последний этап правления Н.С.Хрущева вообще непонятен: призывы к колхозникам отказаться от домашнего скота, исчезновение продуктов в магазинах, введение списков на продовольственные товары и ряд других негативных моментов. Причем буквально через несколько дней после его снятия в магазинах появилось много продуктов, ими даже торговали с лотков на улицах. Трудно не согласиться с мнением, что снятие Н.С.Хрущева было хорошо продуманным и обставленным спектаклем.

В личной жизни 60 и 70-е годы были благополучными. Жена работала главным бухгалтером медсанчасти Салаватского комбината. Старшая дочь, Лариса, окончила с серебряной медалью школу, поступила в медицинский институт, где также хорошо училась. Младшая дочь, Надя, начала ходить в школу и проблем с учебой нам с женой не преподносила. В семье был достаток. Правда, поездками на юг жизнь нас не баловала, но один раз в Сочи, другой – в Ялту ездили всей семьей, а по бесплатным и льготным профсоюзным путевкам Мария трижды, я дважды проходили курс лечения в санаториях юга. Несколько раз мы проводили отпуск в природе, спускаясь на плоту по реке Белой от Старосубхангулово до Юмагузино или Мелеуза. Обычно это была компания из друзей и родственников, инициатором и организатором чаще всех был Николай. Плавали и семьями. Если благоприятствовала погода, то лучшего отдыха в условиях Башкирии, пожалуй, не придумать. Все время на свежем воздухе, в окружении гор и лесов, с заходом в Каповую пещеру, с частыми приключениями, которые иногда были и опасными, – все это навсегда осталось в нашей памяти, тем более что по возвращении из путешествия литературно дорабатывался дневник, в котором подробно описывалась жизнь на плоту. Снабженный фотографиями, обильно приправленный юмором и остротами, он выходил в свет как творение самиздата. Приходится сожалеть, что этому туристическому маршруту готовится участь стать короче из-за строящегося Юмагузинского гидроузла.

Добавлю, что в Салавате у нас сложился хороший круг друзей. Все мы были вчерашними офицерами, одного возраста, все участвовали в Великой Отечественной войне и почти одновременно ушли в запас. Некоторые знали друг друга со школьной скамьи. Дружили семьями. Мы постоянно общались, вместе отмечали праздники и проводили отпуск. Когда я с семьей переехал в Стерлитамак, мы эту связь не нарушали: либо мы с Марией на праздник ехали в Салават, либо дру-

зья приезжали к нам. Одних уже нет в живых, с оставшимися поддерживаем связь. Благотворное воздействие этой дружбы мы испытываем и сейчас, о ней нам напоминают воспоминания и реликвии – многочисленные фотографии, дневники путешествий. Ну разве не затронет сердце дневник нашего первого (мужского по составу) путешествия по Белой, совершенного в 1965 году? Мы заранее условились, что в нем будет отдых, работа, юмор, смех и все, что восстанавливает силы и здоровье. Наш плот решили считать кораблем, присвоив ему название "Корсар". В команде, состоящей из шести человек, утвердили должности: кавторанг (капитан корабля), комиссар, помпотех, боцман, главный интендант, главный врач. Была установлена и резервная должность – корабельный раб, который был обязан толкать плот на мелководье, или же, если нет течения, тянуть его лодкой, сидя на веслах. Для одного такая работа сопоставима с работой гребцов на галерах. Рабом назначался нарушитель порядка или небрежно выполнивший свои обязанности. Контроль кавторанга и комиссара на этот счет был строжайший.

Итоги каждого дня подводились приказом, который составлялся комиссаром. Привожу текст приказа № 12 от 19 июля 1965 года.

"В связи с тем, что "Корсар" вступил в малообжитые края, сократились запасы продовольствия и растет аппетит членов экипажа, провести следующие организационно-хозяйственные мероприятия:

1. С сего числа ввести одноразовый прием горячей пищи, имея в виду уху по рецепту помпотеха.

2. Утвердить следующий рецепт ухи по помпотеху: на ведро воды – две пачки горохового концентрата и два килограмма картофеля. Соль, лавровый лис, перец, условная рыба и комары – в неограниченном количестве. На двух человек – полбуханки хлеба, он подается в крошку, тюрей. Посуда после ухи по рецепту помпотеха моется в холодной воде.

3. Все пищевые продукты вторичного использования, как-то: картофельные очистки, корки хлеба, крошки печенья, рыбная чешуя – собирать, сортировать и передавать главному интенданту на длительное хранение.

4. Слово "рыба" из речевого обихода исключается. Рыболовную бригаду переключить на сбор пищевых отходов, съедобных растений и окурков. В дневном рационе повысить содержание растительных компонентов.

5. Убрать с глаз экипажа натюрморты, изделия из кожи, резины, полиэтилена и другие предметы, способные возбуждать аппетит по ассоциации.

6. Помпотеху соорудить по периметру судна защитные ограждения, которые исключали бы падение ослабевших членов экипажа за борт из-за бокового ветра.

7. Врачу привести в состояние готовности № 1 все средства неотложной помощи при дистрофии, пищевых отравлениях, кишечной непроходимости.

8. Комиссару провести дополнительные воспитательные мероприятия, имея в виду, что при умелой постановке идеологической работы духовная пища намного полезнее плотоядной и растительной.

9. Помпотеху за разработку рецепта и технологии приготовления ухи, названной в его честь, а также главному интенданту за внедрение десертного блюда "облизывание миски" – объявить благодарность.

Призываю экипаж "Корсара" проявлять выдержку, стойкость и мужество на оставшемся участке маршрута. Вперед, не зная страха и сомнений!

К а в т о р а н г "

Такого рода "опусы" получал каждый участник путешествия. И когда с годами просматриваешь их, то чувствуешь себя словно ока-

завшимся в той счастливой поре нашей жизни – уже зрелым, но не утратившим молодой задор, юмор, раскованность.

Событием в жизни нашего клана было окончание Николаем института в 1954 году. Хирург от Бога, он с первых дней работы в Федоровской районной больнице набрал авторитета и сохранял его до конца дней своих. Наши отношения с ним были больше чем братские. Так их охарактеризовал известный хирург и ученый Н.Г.Гатауллин, с которым Николай много лет вместе работал и рос при его поддержке. Иные братья, разъяснил свое суждение профессор, годами друг другу письма не пишут, вы же постоянно общаетесь, вместе путешествуете. Профессор отдавал отчет в том, что говорил: я питал к Николаю чувства покровительства; как мог, давал жизненные советы, с которыми он считался; он же был благодарен мне за помощь, которую я по своим возможностям оказывал им с матерью, пока он учился; в чувствах он иногда признавался, что я ему вместо отца. Проработав три года в Федоровском районе, Николай поступил в аспирантуру, в 1962 году защитил кандидатскую диссертацию, а еще через десять лет – докторскую и вскоре стал профессором. Затем, по моему субъективному мнению, он как ученый и специалист совершил серьезную ошибку: в расцвете сил и профессионального мастерства принял предложение создать в Республиканском онкодиспансере кафедру онкологической хирургии. Я был против его решения, считал, что республика потеряет одного из талантливых специалистов в области общей и сосудистой хирургии, но не приобретет равноценного онколога. Так и получилось. Он очень скоро убедился, что онкология – не его призвание, что эффективность его работы здесь не идет ни в какое сравнение с той пользой, которую он приносил прежде. Короче – разочаровался в ней. Не хочу писать больше об этой его драме как врача и ученого. Кто его знал лично и общался с ним, не нуждается в детальном изложении происходившего с братом в последние годы его жизни...

Я уже упоминал о нашем брате Петре, с которым мы расстались в 1934 году. Около года он прожил в Ялте у бездетного брата отца, Ивана, затем его взял к себе другой брат – Алексей. В 1937 году дядю арестовали, семью из приличной квартиры переселили в убогий барак. В Красную Армию Петр, как и я, был призван, когда уже были подчищены все призывники его года рождения. Как и я через два года, он оказался в группе не внушавших политического доверия. У Петра положение на этот счет было даже сложнее: если у меня только отец был "врагом народа", то у него – отец и дядя, заменявший отца. Кстати, в Ишимбае нас, такой братии, моего года рождения оказалось 18 человек, в Баку же, со слов Петра, – свыше 800. Всех их распределили по строительным частям, Петр оказался в аэродромно-строительном батальоне, и всю войну прошагал в нем.

После демобилизации он возвратился в Баку, начал работать на нефтепромысле, женился, а в 1947 году в составе группы добровольцев для оказания помощи в развитии Второго Баку прибыл в г.Октябрьский, где, как я уже упоминал, жил и работал, пройдя путь от электрослесаря до начальника электроцеха НГДУ Туймазанефть.

Просматривая как-то газету "Советская Башкирия", я заметил в одной статье нашу фамилию. Она относилась к секретарю парторганизации электроремонтной мастерской НГДУ Туймазанефть, находившейся в г.Октябрьском. Современная связь не потребовала много времени для того, чтобы узнать, как зовут и домашний адрес упомянутого Никова. Это был наш Петр. Быстро списались, и первая встреча состоялась в день памяти отца – 13 февраля 1958 года. Многие годы разлуки не легли льдом между нами, встреча была истинно братской, волнующей, и связь после этого, а также встречи не обрывались. Когда писались эти строки, его уже настало. Он ушел из жизни в 2004 году, и с его уходом замкнулся жизненный цикл нашего с матерью поколения родственников. Остались внуки и правнуки.

одно,
подразумеваем
другое.

Это "подразумеваем другое" причинило столько вреда советскому строю, что невозможно переоценить. Оно было злом, которое правящая верхушка не только не хотела видеть, но и подталкивала к нему всю партию коммунистов.

Родившемуся в год смерти Ленина, мне события тех лет известны не только по литературе, но и рассказам старших из близкого окружения. Похоже, что вранья в те годы не было или же было не столько, чтобы оно накладывало отпечаток на жизнь страны и партии. Началу жизни в двойной морали, как я понимаю, положили события 1935 и 1936 гг., а точнее – события, связанные с убийством Кирова и воздвигнутой вокруг него стеной лжи. В результате санкционированного вранья, длившегося более полувека, мы разучились называть вещи своими именами, стали жить в трех измерениях. Одно – как следует жить, то есть должное, – в конституции, уставах партии и комсомола, в моральном кодексе строителя коммунизма; второе – в кино, газетах, по радио и телевидению, в литературе социалистического реализма как идеальное, плод богатой фантазии; третье измерение – реальное, то есть какой жизнь была и, по сути, продолжает оставаться в наши дни. Кроме того, существовала еще своего рода ложь во спасение, а точнее, ложь умолчанием. Дабы не волновать советских людей, не сообщалось о катастрофах, авариях, убийствах. Мы, например, не знали о катастрофах наших самолетов и гибели десятков, а то и сотен людей, если среди погибших не было иностранцев, зато с завидной скрупулезностью нам сообщали, когда и где разбивался американский или британский истребитель с двумя человеками на борту. Нам даже убавили силу землетрясения в Ташкенте, боясь, что ООН объявит его международным бедствием и направит свои силы и средства для ликвидации последствий. И то-

же, дабы не волновать советских людей. Мы также никогда не знали о конфликтах, расхождении мнений в руководящей партийно-правительственной верхушке. Не случайно же толстые журналы были так популярны во второй половине 80-х годов, когда публиковали литературную залежь, раскрывавшую обществу глаза на события прожитых десятилетий.

Не утверждаю, что разница между этими срезами жизни была противоположной. В различные периоды она менялась. Но обманывать себя и других научились, достигнув здесь высочайшего мастерства. Вспомним, во что вылилось в конечном итоге соцсоревнование, успехи и достижения вначале социалистического, а затем коммунистического строительства, потемкинские деревни в честь приезда высокого гостя. А многочисленные сдачи в эксплуатацию промышленных объектов к празднику Октября или ко дню открытия очередного съезда партии, затем, на следующий же день, постановка этих объектов на длившуюся месяцами так называемую пусконаладку?

Постепенно такой стиль работы и жизни выработал в нас способность находиться в почти воображаемой реальности, созданной шумихой, показухой и т.п. Наконец, научились обманывать себя. Вспомним девизы "Советское – значит отличное", "Догоним и перегоним Америку", понятия "единая этническая общность советский народ", "дружба народов", "развитой социализм" и многое другое.

Или, к примеру, общественные начала. В нашу жизнь это понятие вошло в хрущевские времена как показатель продвижения к коммунизму, объективного процесса постепенного свертывания государственного регулирования общественной жизни и замещения его общественными началами, не связанными с деятельностью государства. Неплохие на бумаге, общественные начала оказались орешком не по зубам созданному нами обществу. Если народные дружины, поддерживаемые партийной властью, что-то делали, то очень многие организации мало приносили пользы. Вспоминаются семидесятые годы, ко-

гда общественные начала находились в расцвете. В каких только обществах, комиссиях не состояли люди, обладавшие социальной активностью. Заведуя кафедрой в пединституте, я редкий день уходил с работы с чувством выполненного долга, всегда была тяжесть на душе от неделанного или невыполненного. И однажды, задумавшись над тем, что мешает своевременно выполнять возложенные на меня обязанности, я уразумел: учебный процесс в институте. Парадокс! Ведь ради этого процесса и нужен заведующий кафедрой. Но, увы, многочисленные заседания в комиссиях и подкомиссиях, в правлениях обществ и организаций на общественных началах, разъезды по районам республики, не связанные с работой института, и многое другое постоянно отвлекали от основной деятельности, за которую, собственно, я получал заработную плату.

Разумеется, фасад общества развитого социализма имел привлекательный вид. Здесь и великие стройки коммунизма, и успехи в освоении космоса, и БАМ, и всемирные фестивали, олимпийские игры и многое другое, что свидетельствовало о могуществе страны. Не говорю уже о великодержавной внешней политике, позволявшей на ты разговаривать с любой страной мира. Самолюбование этими успехами не позволило лидерам партии и государства серьезно отнестись к предупреждению, которое прозвучало в Сенате США: время для удара в лоб по мировому коммунизму упущено, теперь надо делать ставку на превосходство в области производства, в частности в производительности труда, и навязать советам такую программу вооружения, которая их разденет. Что американцы и сделали, подтолкнув нашу экономику к пропасти.

На брежневское правление пришлось введение в нашей стране всеобщего среднего образования. Гордиться было чем, и гордились. Но опять возобладала престижная сторона дела. То ли не знали, то ли забыли мудрое предупреждение древних о том, что всякое благо, если оно продолжено за его естественные пределы, превращается в свою противоположность – в зло. Добровольное общедоступное среднее

образование – это, действительно, благо, обязательное же... Рука не поднимается, чтобы написать "зло", но оно очень далеко от блага, и мы в этом убедились. В годы, когда ввели всеобщее среднее образование, фактически было запрещено оставление учащихся на второй год в одном и том же классе. Понятно такое требование, когда речь идет о первом классе, даже о всей начальной школе, но чтобы в старших классах переводить всех до одного – это нелепость. А переводить надо было. И тогда появилась спасительная для учителей формула "три пишем – два в уме". В конечном счете обязательное среднее образование вылилось в обязательную выдачу аттестатов зрелости. Что это означало для высшей школы, да и для страны, не вижу необходимости писать. Но справедливости ради скажу, что в высшей школе запрет оставлять на повторное обучение на одном и том же курсе не успел утвердиться, хотя попытки предпринимались, во всяком случае в педагогических институтах.

Повторю, что в 1963 году я начал работу в Стерлитамакском педагогическом институте. В годы войны он был открыт как учительский институт с двухгодичным сроком обучения, дающий неполное высшее образование, а в 1956 году стал педагогическим институтом, то есть высшим учебным заведением. Когда я начал работу, в нем произошла смена руководства: бывший ректор доцент Т.Г.Султангузин по своей просьбе оставил должность, перешел на работу в Башкирский государственный университет. Вновь назначенный ректор кандидат исторических наук И.И.Насыров, бывший партийный работник, принял. Т.Г.Султангузину можно было завидовать: многие годы его вспоминали в институте добрым словом и как руководителя, и как педагога, и как человека. Насколько мне известно, такой же авторитет он снискал и в БГУ.

Дав согласие на переход в пединститут, я знал, что без ученой степени и научного звания там, собственно, нечего делать. Высшая

школа, как и армия, сохраняет почти средневековую иерархию. Как в средние века члены общества делились на дворян и недворян, а дворяне – на баронов, графов, князей, так и в высшей школе имеются преподаватели со степенями и званиями и так называемые неостепененные. Последние, по сути, лишены преимуществ преподавателей высшей школы. Поэтому, еще работая в школе, я готовил себя к очередной ступени своего образовательного и научного роста, начав сдавать экзамены кандидатского минимума.

Завидую современной молодежи Башкортостана, начинающей работу в высших учебных заведениях. Будущим ученым нет нужды ездить в московские библиотеки, научно-исследовательские институты для того, чтобы получить возможность разработать и защитить диссертацию. Большинство наших вузов имеют фундаментальные библиотеки, аспирантуру, ученые советы по защите кандидатских и докторских диссертаций. Не так обстояло дело 40 лет тому назад, когда я работал над диссертацией и выходил на защиту. Научного руководителя, тему диссертации, ее обсуждение и консультации по теме – все это могли дать только Москва с Ленинградом, да еще несколько городов по всей необъятной территории Союза. Во всяком случае, так обстояло с педагогической наукой. Я связал свою научную судьбу с Институтом трудового воспитания и профориентации Академии педагогических наук. Предметом исследования взял вторично зарождавшуюся тогда в нашей стране профессиональную ориентацию школьников. Опыт, приобретенный в школе, затем в педагогическом институте, послужили мне хорошей основой для экспериментальной и практической работы, необходимой для раскрытия темы. Разумеется, в аспирантуре я не учился, шел к защите диссертации соискателем. Прежде чем защититься, я совершил 13 поездок в столицу для выполнения всех формальностей, завершения сдачи кандидатского минимума, консультаций и работы в библиотеках. И если бы ни товарищеская

поддержка ректора института И.И.Насырова, который почти всякий раз находил повод для выдачи мне командировочного предписания, вряд ли я смог бы стать в те годы кандидатом наук. Тогда одна дочь была студенткой, другая – близка к окончанию школы, оклад же старшего преподавателя института составлял 1700 рублей, что не так уж сильно отличалось от современного содержания такого же оклада. Вот почему я завидую (отнюдь не черной завистью) современной молодежи, решившей связать свою жизнь с наукой. Но это еще не все о моем вхождении в науку.

Защита диссертации состоялась в ноябре 1968 года. Я прошел при двух голосах "против". Это в порядке вещей, даже, как мне объяснили, лучше, чем единогласное "за", потому что свидетельствует о дискуссии в ходе защиты, столкновении разных точек зрения. Возможно, так и должно быть. Тем не менее, утверждение меня в Высшей аттестационной комиссии (ВАК) задержалось. Решил, что рецензенту что-то не понравилось. Почти через полгода, в мае 1969 года, я предстал перед экспертной комиссией ВАК и ответил на все вопросы, не вызвав возражений. Ничто не говорило о том, что ко мне имеются претензии, тем более предвзятость, и я был утвержден в ученой степени кандидата педагогических наук. Спрашивается, зачем же меня вызывали, а не утвердили сходу? Ответ на этот вопрос узнал несколько позже.

Оказывается, у членов ВАК при изучении документов моей защиты возникло сомнение во мне как в личности: заочно окончил институт; в аспирантуре, даже заочной, не обучался; на защиту шел соискателем, и научный руководитель не доктор, а кандидат наук. Надо было взглянуть на меня, послушать мою речь, убедиться в том, что я вполне нормальный и вменяемый человек. Узнав об этом, не без иронии подумал, что произошло бы с членами экспертной комиссии, узнай они, что и школу я окончил не обычным путем, а экстерном. Не случился бы с кем-нибудь инсульт? Подготовка и защита кандидатской диссер-

тации были моим последним университетом, который, как и предыдущий, я преодолел самостоятельно.

Не скрываю, что, пройдя самостоятельный путь в науку, я в какой-то степени горжусь этим. Действительно, нужно иметь упорство, силу воли, умение организовать свою жизнь так, чтобы годами один на один грызть гранит науки. Но и не меньше была нужна способность моей подруги спокойно относиться к тому, что муж постоянно корпит за письменным столом, не уделяет из-за этого внимания ни ей ни детям, живет интересами, далекими от повседневности. За это ей безграничное спасибо. Да и сейчас я такой же книжник, вечный студент, не расстающийся с книгами и письменным столом. Прямо скажем: не каждая женщина потерпит такого мужа. Но я не только горд за свой путь в науку, а и вижу его изъяны. Учась все время самостоятельно, пусть даже имея под руками добротную литературу, я не прошел научной школы, то есть не учился в научной среде, не прослушал ни одного лекционного курса кого-либо из крупных ученых, не имел перед собой образца. А этого никакие литература и упорство не заменят, поэтому свой путь в науку не рекламирую, считая его вынужденным, аварийным. Он либо не приводит к настоящей науке, либо приводит слишком поздно. Как в таких случаях говорят психологи, сензитивный период упущен.

Вскоре после защиты диссертации меня ставят на должность проректора института по учебной и научной работе. Опять завуч, но уже не средней, а высшей школы. Работа была нелегкая. Организация и контроль за ходом учебного процесса и научной работы преподавателей, планирование и отчетность, собственная преподавательская деятельность – все это требовало много времени и опыта. Но после семи лет работы в институте это у меня было. С ректором И.И.Насыровым мы сработались, он предоставлял возможность для проявления творчества, не опекал, был демократичен с коллективом. Особенно я уважал в нем такое качество, как терпимость к критике со стороны чле-

нов коллектива. Пединститут в городе был престижным учебным заведением, удавалось без особых трудностей обеспечивать преподавателей квартирами, создавать им условия для научного роста. Но по мере развития промышленности в городе в нем усиливалась загазованность, и это отражалось на кадровом обеспечении вуза. С годами сложилась такая схема: молодой преподаватель добивается направления в аспирантуру; после аспирантуры несколько лет тратит на подготовку диссертации (редко кто успевает сделать это за годы учебы в аспирантуре), из-за чего месяцами отсутствует в институте; затем, защитившись, начинает искать повод для конфликта с администрацией и увольнения, уже имея договоренность в другом вузе о его приеме. Приходилось всеми правдами и неправдами удерживать людей, представляющих ценность для института, и И.И.Насыров умел это делать, не прибегая к администрированию. Со временем, по мере роста города, увеличения численности дипломированных преподавателей их состав стабилизировался. Ныне Стерлитамакский пединститут – достаточно крупный вуз, имеющий своих докторов и профессоров, надежно обеспечивает потребность в учителях школы юга республики.

Работать с И.И.Насыровым мне было легко и приятно. Он мне доверял, шел навстречу моим предложениям и просьбам. К сожалению, его участь сложилась печально, если не сказать трагически. Вскоре после нашего расставания его освободили от должности и определили место работы – доцентом кафедры истории КПСС Башкирского сельскохозяйственного института (ныне университет). Отстранение от должности и такое назначение он перенес болезненно, что привело к сердечному приступу со смертельным исходом.

В 1973-м году, после десятилетней работы в Стерлитамакском пединституте, я подал заявление об участии в конкурсе на должность заведующего кафедрой педагогики Башкирского государственного педагогического института (ныне педагогический университет). Поскольку должность проректора вуза была номенклатурой обкома

КПСС, то за согласием на освобождение от занимаемой должности обратился к секретарю обкома КПСС Т.И.Ахунзянову. Получил "добро", прошел по конкурсу в институте и затем руководил кафедрой до наступления пенсионного возраста.

Тогда Башкирский пединститут переживал период своего становления. Он был открыт в 1967 году, состоял из четырех факультетов, почти ежегодно в нем открывались новые факультеты или отделения, не прекращалось расширение корпусов, строительство новых. Отцом-основателем Башпединститута был М.Я.Янгиров. Когда я пришел в институт, его возглавлял Р.Г.Кузеев. С ним работать мне было интересно, но не легко. Он исходил из того, что в педагогическом вузе кафедра педагогики – ведущая, поскольку она заглавная кафедра, то есть ее название вынесено в название института. Отсюда многое из того, что в институте вводилось, проходило через кафедру педагогики (не имею в виду, конечно, специальные вопросы других кафедр). Редкий день я не просиживал в его кабинете, совместно обсуждая текущие и перспективные вопросы. Мне часто приходилось разрабатывать общеинститутские материалы, принимать участие в подготовке решений совета института. Причем нередко случалось, что едва совет института принял решение, над которым пришлось не один день сидеть, как на второй день приглашает ректор и выдвигает новую идею, зачастую не возвращаясь к только что принятому решению. Если мне нелегко работалось с Р.Г.Кузеевым, то представляю, каково было его первому помощнику Э.Ш.Хамитову. Немного сетую на уже покойного Рустема Гумеровича, должен признаться, что он был щедр ко мне: за годы работы под его началом получил все награды, какими только мог быть удостоен заведующий кафедрой, вплоть до присвоения мне почетного звания Заслуженный деятель науки Башкирской АССР (1978 г.). Дважды он доверял мне самостоятельно ездить в округ Галле (ГДР) для ведения переговоров о содружестве с руководством пединститута им.Крупской; дважды я

избирался секретарем партийного бюро института. При этом должен добавить, что, требуя работы от своих помощников, Р.Г.Кузеев сам много работал и не щадил себя, даже уже будучи тяжело больным человеком. Добавлю, что он был инвалидом Великой Отечественной войны. Сдав должность Э.Ш.Хамитову, он не ушел на пенсию, продолжал преподавательскую деятельность до последнего вздоха. Институт провожал его в последний путь в 1995 году.

Повторюсь, что кафедра педагогики в педагогическом вузе – главная и с необъятным объемом работы. Я принял ее укомплектованной хорошими преподавателями, имеющими ученую степень и звание, а также опыт работы в школе. Ее основатель доцент М.Г.Сагдетдинова имела за плечами опыт руководства районным отделом народного образования. Руководить таким коллективом было одновременно и легко и трудно из-за необъятного фронта работы. Но мы ее – работу – тянули неплохо, нареканий от руководства не получали. Сейчас ряд преподавателей, начавших при мне работу на кафедре, являются деканами, заведующими кафедрами, а бывший в семидесятых годах студентом, затем секретарем комсомитета института Р.М.Асадуллин, пройдя все ступени роста преподавателя вуза, ныне доктор педагогических наук, профессор и в качестве ректора возглавляет свою альма матер. В научном росте и служебном продвижении бывших моих коллег я вижу и частицу своего вклада.

В советские времена не последнее место в системе народного образования занимало Педагогическое общество РСФСР. Добровольная организация, членством в которой было охвачено чуть ли не все учительство республики, Педобщество много делало для изучения и распространения передового педагогического опыта. Почти все 80-е годы я был заместителем председателя республиканского отделения этого общества, председателем же – тогда ректор Бирского педагогического института К.Ш.Ахияров. Одновременно я был руководителем секции коммунистического воспитания республиканского отделения общест-

ва "Знание". Что и говорить, жаловаться на избыток свободного времени не приходилось. Редкий месяц проходил без того, чтобы я самостоятельно или в составе бригады лекторов ни выезжал в сельские районы с пропагандой педагогических или же общественно-политических знаний. Хотя они отрывали от основной деятельности, я любил подобные поездки; они помогали глубже знать жизнь, встречаться с интересными людьми, своими учениками прошлых лет. Как-то попытался прикинуть, сколько раз я выступил с лекциями за 70 и 80-е годы, получилось порядка полутысячи.

В название данной главы я едва не включил упоминавшееся выше выражение "брежневское средневековье". Застой происходил не только в духовной, но и в материальной сфере. По-прежнему неразрешимой проблемой оставалось обеспечение населения продовольствием. Того обилия продуктов, которое наступило на второй день после снятия Н.С.Хрущева, хватило ненадолго, а затем снова очереди, особенно за молочными и мясными продуктами. Стали обычным явлением поездки за продуктами в Москву из близко расположенных к ней городов. Именно в те годы родилось выражение: в Москву мясо везут в рефрижераторах, из Москвы – в авоськах. И здесь случались курьезы. Однажды, возвращаясь из командировки в ночное время, от вокзала до квартиры ехал на такси. Выходя из машины, прихватил чужую авоську. В ней оказались яблоки, а ее хозяйину досталась моя авоська с тремя курицами.

Все могу простить советскому прошлому, не питаю обиды за исковерканное детство и юность. Но был один эпизод в моей жизни, за который я его не хочу прощать. Стоял 1984-й год, июль. Для нас с женой знаменательный: мы с ней не только одногодки, но и родились в одном месяце, следовательно обоим предстоял юбилей. Обычно дни рождения мы отмечаем по-семейному, даже детей не приглашаем. Хотя – приходят без приглашения. Юбилей же отмечаем в один день

между 12 и 28 июля – нашими днями рождения. Но подготовка к юбилейному дню начинается задолго. В 1984 году продукты к юбилейному столу и спиртное в магазинах было не купить, выручил глагол доставать. За водкой и птицей с колбасой съездил в Москву, благо подвернулась служебная командировка, кое-что достать здесь попросил Николая. У него было немало пациентов, работающих в торговой сети, никогда не отказывавших ему в таких услугах. Вспоминаю кафе на пересечении улиц Коммунистическая и Социалистическая (названия-то какие!). Оно обслуживало Министерство внутренних дел, и деликатесы в нем водились. Брат обратился к заведующему кафе, тот обещал помочь. От меня принял заказ и предложил на следующий день приходить к шести часам вечера, что я и сделал. Заказ меня уже ожидал. Быстро, почти по-воровски, уложил продукты в чемодан, рассчитался с учетом наценки, будто эти продукты переработаны и выданы как блюда (наценка составляла что-то около 30% от цены в магазине). Затем заведующий посоветовал ждать, пока во дворе станет меньше людей. Когда настало время уходить, он предложил следовать тропинкой между кустами, чтобы, упаси бог, меня не заметил народный контроль, который постоянно ходил возле значных мест. И вот, оглядываясь, украдкой, боясь разоблачения народным контролем, воровски шел с этим грузом, за который честно рассчитался. Придя домой, разволновался, никак не мог понять, ну почему достаточно обеспеченный человек должен таким способом приобретать то, что во всем мире свободно каждому по его доходу.

Как нужно было извратить идею социализма и коммунизма, чтобы через 70 лет после победы революции оставить страну без продовольствия! Делить людей на продовольственные касты: одни пользуются распределителями, другим на квартиру привозят, третьим выдается удостоверение, дающее право покупать продукты вне очереди. И при всем этом называть общественный строй развитым социализмом. Чем не пародия! Какую еще сатиру можно придумать на все те идеа-

лы, которые нам вдалбливались, а затем, повзрослев, мы сами стали вдалбливать их в голову молодежи! И что, опять дело рук ЦРУ, сионистов, предателей и прочих врагов?

Повторюсь, что программу построения коммунистического общества в нашей стране, принятую XXI съездом партии, я воспринял как должное и активно участвовал в ее пропаганде. Однако уже вскоре не мог не заметить ее расхождений с ходом жизни. Так, программа предусматривала в 1973 году догнать Америку по промышленному производству на душу населения. Это должно стать разездом, на котором мы обойдем ее и двинемся дальше – к коммунистическим рубежам. Но уже в начале 70-х годов стал замечать, что с коммунистическим строительством не получается, жизнь становится хуже, ни одна программа, направленная на повышение благосостояния народа, не выполняется. Ценные предметы быта и красивую, добротную одежду невозможно было купить честным способом. Заграница стала посмеиваться, что Советский Союз – это империя, метрополия которой с каждым завоеванием становится беднее. Надеялся, что соберется пленум или съезд партии, обсудит сложившуюся ситуацию, на нем прозвучат честные заявления относительно несостоятельности программы коммунистического строительства. Но ничего подобного не произошло. Новую программу партии приняли, как всегда, – с помпой и безудержным самовосхвалением. В ней – ни слова о провале предыдущей программы. Призывы идти к светлому будущему поутихли, но эта цель продолжала маячить в сознании правоверных коммунистов, усилился золотой звездопад на грудь правящей страной верхушки. Именно в те годы в самом начале проспекта Октября, что в Уфе, появился огромный портрет слегка прищуренного, улыбающегося Ленина со словами "Правильной дорогой идете, товарищи!". Хотелось продолжить выражение: "...если идете в Черниковск". В это время Октябрь никуда уже не вел, его потенциал был исчерпан...

А чем жила тогда школа, с которой я, работая в пединститутах, никогда не порывал? Как и в других сферах жизни, после снятия Н.С.Хрущева здесь тоже была проведена контрреформа. Чтобы не свести к сухим фразам объяснение этой контрреформы, приведу пример из жизни. Перед нами газета одного из учебных заведений Уфы. Она датирована 1 июня 1961 года. Газета пестрит заголовками "Настойчиво овладевать знаниями и профессиями", "Разряд и норма", "Рабочий, техник, студент", "Учиться – требует новая техника" и им подобными. Невольно возникает вопрос, чья это газета, какого техника или профтехучилища? Не волнуйтесь и не утруждайте напрасно голову. Перечислю профессии, которыми гордятся авторы статей и заметок, и все станет на свое место: слесарь, токарь, фрезеровщик, швея, копировщица. Пишут о них с высоким пафосом. Молодые рабочие, как правило, комсомольцы, выбрав эти профессии, нашли свое место на трудовом фронте и выражают отношение к ним, как это сделал один из авторов: "Когда приходит время придти на работу, то даже не глядя на часы чувствуешь, что пора. Иногда не хочется отрываться от интересной книги и приходится со вздохом сожаления закрывать ее, но, вспомнив, что ты идешь трудиться, сразу становится стыдно за сожаление, что пришлось оторваться от любимого занятия для работы... Пускай наш труд не такой значительный, но даже от сознания, что ты трудишься, загорается желание сделать как можно больше и лучше".

Конечно же, мы имеем дело с профессионально-техническим училищем, готовящем рабочие кадры. Сказано с точностью до наоборот! Мы привели выдержку из газеты 39-й уфимской общеобразовательной школы, ныне гимназии, хорошо известной не только в Уфе, но и в республике.

Но вот перед нами еще один номер многотиражки "Дружный коллектив" этой же школы. На этот раз от 16 сентября 1965 года, то есть разрыв между двумя цитируемыми номерами составляет четыре года.

Но тональность школьной газеты совсем иная. Если аншлагом на весь разворот газеты за 1961 годы были слова "И в наш век космоса – рабочий на переднем крае", то разворот этого номера выпуска призывал: "Множить лучшие традиции школы". О чем шла речь? "Лучшие традиции 39-й – по настойчивому овладению знаниями, трудовыми навыками, физической закалке, активному участию в общественной жизни, развитию товарищеской взаимопомощи, умению жить в коллективе и для коллектива." В статье директора приводятся фамилии выпускников, которыми гордится школа. Здесь упоминаются офицеры, преподаватели вузов, учителя, врачи. Замыкают список фамилии выпускников, ставших квалифицированными рабочими. Поистине поворот на 180 градусов. В чем дело, что произошло? Почему так резко изменилась тональность школьной жизни? Четыре года назад выше всего в школе ставился труд, который, казалось, затмил все другие стороны школьной жизни, теперь же – гимн хорошей учебе, прославление отличников и тех, кто упорным учебным трудом занял достойное место в обществе. В газете приводятся фамилии золотых и серебряных медалистов со дня основания школы. Тем, кто знает, что такое школа, чем она должна заниматься, такая постановка вопроса, несомненно, ближе к сердцу.

Поворот в работе школы объясняется просто. После отставки Н.С.Хрущева многие принятые при нем меры и реформы были отменены, среди них и введенное в средних школах производственное обучение; изучение профессий заменялось профессиональной ориентацией. Однако это не означает, что школа возвратилась к дохрущевским временам. Пусть в несколько урезанном виде, но в ней сохранились трудовое обучение и воспитание, учебные мастерские, политехнический характер образования. Что же касается отмены производственного обучения, изучения профессий, то и мировой школьный опыт свидетельствует о том, что

гибрид, состоящий из общего и профессионального образования, в условиях школы не эффективен, он редко удается.

Хочется остановиться еще на одной черте наследия, оставленного советским строем, особенно заметным оно было в брежневские времена.

Провозгласив утопическую идею о превращении труда в первую жизненную потребность, предав анафеме труд по экономическому принуждению и установив зарплату, самую низкую среди развитых стран, в итоге советский строй взрастил тип людей, желающих хорошо жить, но не способных хорошо работать. В социологии это явление получило название "детрудализация". За границей же с усмешкой говорили о том, что СССР – единственная в мире страна, где безработица существует на рабочем месте. На редкость склонный к юмору, наш народ на эту свою черту среагировал частушкой, которую я "собственноушно" слышал в городе Пермь: Мы работы не боимся, / На работу мы пойдем, / Но работать мы не будем / И с работы не уйдем.

Детрудализация коснулась не только людей исполнительного, но и творческого труда. Вспомним времяпровождение в многочисленных КБ, учреждениях, на стройках (популярное "утрам-тутрам" Райкина), да и на производстве с трудом объяснимый парадокс: в стране находилась третья часть всех ученых мира, но она оказалась не в состоянии решать собственные экономические проблемы. Да, у нас хватило талантов справляться со сложнейшими научно-техническими задачами в сфере обороны и космоса, с проектированием и возведением гигантов, объявлявшихся великими стройками коммунизма, но не в сфере, которая обслуживала человека.

Высокомерный взгляд на труд по обслуживанию человека усвоен и обществом в целом. Поэтому в сфере обслуживания у нас много случайных людей, больше всего беспорядков. Между тем во всем мире в этой сфере занята основная часть населения. В США, например, к началу 90-х годов насчитывалось 11,7 миллионов индивидуальных предприятий и 1,7 миллиона семейных предприятий, состоящих из 2-3

работников и возможных не только в сфере услуг. Этот опыт – малый бизнес – у нас пока прививается с большим трудом.

Уроки нашей истории учат, что если общество гарантирует своим членам выживание без учета трудового вклада каждого в производство благ, оно обрекает себя на деградацию. Хотели освободить человека от заботы о себе, а получили люмпена. Симптомы подобного наблюдаются сейчас в Швеции, где был достигнут высокий уровень социальной защищенности населения. Ненапрасно оппоненты марксизма критиковали его основателей за то, что, разобравшись в современном им обществе, они остановились перед личностью, не уделили ей внимания.

На финише века

В годы перестройки на пресс-конференции в одной из европейских столиц к советскому журналисту подошёл датский коллега и задал ему несколько вопросов, касающихся событий в нашей стране. Журналист был удивлён любопытством датчанина, спросил, чем оно вызвано. В ответ услышал: "Представьте себе, что Вы живёте в уютном коттедже, на ухоженном участке, что у вас всё есть и вы довольны жизнью. А рядом, качаясь из стороны в сторону, стоит гигант небоскрёб. Вы что, будете равнодушно ждать, когда он рухнет и своими руинами накроет вас вместе с коттеджем?"

Датчанин как в воду смотрел: небоскрёб рухнул. Правда, придавил свой народ, но никого в соседних странах. И как тут не вспомнить популярное в своё время ленинское сравнение политической системы царской России с гнилой стеной: ткни её - и она развалится. Ткнули в 1917 году - она рухнула, но успела откликнуться самой жестокой в истории гражданской войной, стоившей стране миллионы жизней. В нашем же случае ничего подобного, к счастью, не случилось. Мировая держава, обладательница кнопки, одного нажатия которой могло бы хватить, чтобы смести всё живое на планете, тихо сошла с исторической арены...

Люди старшего поколения помнят, что, готовясь к нападению на нашу страну, Гитлер считал её колоссом на глиняных ногах, и стоит только ударить по нему, как он развалится. Ударил. Что из этого получилось, хорошо известно – просчитался фюрер. А кто ударил по колоссу в 1991 году и развалил его на части? Опять про-

иски ЦРУ, план Даллеса и что-нибудь в этом роде? Или, может, согласиться, что это был уже не тот колосс, а с подгнившими ногами и внутренностями? Подгнившими оттого, что не по нормальному пути пошло его развитие в послевоенные годы, когда мирное строительство было отягощено далеко идущей и дорогостоящей имперской внешней политикой и непомерными военными расходами. Когда обещания народу по части повышения благосостояния провозглашались чаще, чем выполнялись. И тем не менее кажется странным, непонятным, почему советские люди, с гордостью считавшие себя патриотами Родины, спокойно отнеслись к развалу созданной их трудом державы? Они, казалось, обязаны были не допустить такого исхода. Но вспомним заседания съездов народных депутатов горбачёвской эпохи. Мы были свидетелями того, как не сразу, постепенно, но с упорной последовательностью таяло так называемое морально-политическое единство советского народа и общества. Уже тогда можно было опасаться, что нас ожидает что-то грозное.

Ещё не так давно в нашем языке было в ходу выражение типа "событие века". Например, БАМ - стройка века, легендарный Зорге - разведчик века, убийство президента Кеннеди - тайна века. На фоне этих событий распад СССР, вне всяких сомнений, стал событием не только XX века, но и ушедшего с ним тысячелетия. Он, так сказать, подвел черту под этим тысячелетием. На тебе, род человеческий: если ты не смог уразуметь, куда делась во втором тысячелетии цивилизация Майя в Центральной Америке и почему она так неожиданно рухнула, то поломай голову над тем, что привело к гибели колосса, называвшегося СССР.

Можно встретить точку зрения, будто крах СССР представляет одну из загадок, над постижением которой человечество будет биться еще 1000 лет. Я перелистал немало литературы и внятного ответа на интересующий вопрос не нашел. Внимательно просмотрел один из последних учебников по новейшей истории XX века для высшей

школы, но тщетно. Приводится детальное перечисление событий 80 - 90-х годов, а обобщенных выводов о причинах случившегося – ни слова.

Чтобы связать повествование о своей жизни с рассматриваемым вопросом, я решил опереться на весьма интересные мысли, приведенные известным историком и социологом В.Лекторским в статье "Историческое познание", опубликованной в журнале "Свободная мысль – XXI", № 7 за 2001 год. Он пишет: "С высоты нашего возраста мы иначе начинаем оценивать многие события прожитой жизни, понимать незначительность, эфемерность того, что раньше казалось очень важным, и, наоборот, глубокий смысл тех событий, которые раньше не замечали. Течение времени помогает нам "отодвинуться" от событий прошлого на определенную дистанцию и увидеть, выявить в них те связи, которые раньше не замечались. То же самое происходит при освещении истории. Время не только выявляет новые связи, отношения между событиями, но и нередко заставляет нас иначе видеть значение тех или иных фактов прошлого. К тому же меняются и наши общие представления о человеке и обществе. И в свете этих новых представлений мы начинаем видеть в прошлом то, что не видели раньше. Недаром говорят, что современники не могут понять подлинного значения того, что происходит у них на глазах" (С.86).

...Тихо, спокойно протекали последние годы правления Л.И.Брежнева. Он окружил себя такими же старцами, как и сам, изредка менял и переставлял их без лишнего шума. В печати можно было встретить заверение, что нашу страну возглавляет самое опытное руководство. И можно было поверить: портретная галерея членов политбюро ЦК КПСС сверкала золотыми звездами Героев и дважды Героев социалистического труда. Сам же лидер, страдая настоящей звез-

доманией, – имел их аж четыре. (Специально ли кто подсчитывал, но после смерти Брежнева вычитал, что он имел свыше ста наград. Кто и за что его только ни награждал! Кроме советских звезд, орденов и медалей он был удостоен наград всех стран, входивших в так называемое социалистическое содружество. В этом отношении он имел только единственного исторического соперника – Германа Геринга, ближайшего сподвижника Гитлера).

Самое опытное руководство Советского Союза не остановилось перед тем, чтобы начать военные действия в демократическом Афганистане. Исход этих действий известен: из дружественной нам страны мы получили враждебный рассадник терроризма и наркоторговли.

Смерть Брежнева была принята обществом спокойно, никто его не оплакивал, похороны, как и положено, были помпезные, с участием многочисленных зарубежных делегаций. Председателем похоронной комиссии был секретарь ЦК КПСС Ю.В.Андропов, а это значило, что не надо гадать над вопросом, кто станет генеральным секретарем ЦК КПСС.

Ю.В.Андропов, не задержавшийся надолго на доставшемся ему посту, был руководителем с большим политическим багажом. Но у современников он оставил о себе противоположные чувства. Одни видели в нем только душителя Венгерской революции 1954 года – в бытность его послом в Венгрии – и председателя КГБ в течение 15 лет. Я же нахожу основания считать его умным политиком, от которого, пробудь он долго во главе нашей страны, можно было ожидать перемен к лучшему, в частности избежать постигшей нас позже катастрофы. Мне непонятно стремление некоторых публицистов взвалить на него ответственность за кровавые события в Будапеште. Не мог посол какого-либо государства выступить в роли первого лица в подавлении восстания в стране пребывания, а то, что он принимал активное участие в этих событиях, свидетельствует лишь о выполнении инструк-

ций, данных ему правительством. Также не разделяю взгляд, будто КГБ при Андропове чуть ли не проводил линию НКВД - МГБ сталинских времен. Я бы сказал, что это был уже другой орган. Как-то в те годы, слушая передачу на русском языке английской радиостанции Би-би-си, узнал, что в СССР насчитывается до 2000 человек, осужденных по политическим обвинениям. Но численность населения страны тогда приближалась к 300 миллионам человек и 2000 составляли ничтожные доли процента! Не мог не обратить внимания и на то, что, выступая в журнале "Коммунист" № 3 за 1983 год со статьей "Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР", Андропов подверг серьезному научному анализу наше внутреннее положение. Он выразил мнение, что нам надо лучше разобраться в вопросе о том, в каком обществе мы живем, чем был сделан программный намек не только общественным наукам, но также политическим и государственным деятелям. Однако судьба распорядилась по-своему, Андропов ушел от нас непонятым, не успев раскрыть свои замыслы. До сих пор можно встретить критику Андропова за его попытки поднять дисциплину труда необычным образом: в Москве и в некоторых других городах задерживали празднующихся или же стоящих в очередях за дефицитом и требовали от них объяснений, почему они не на работе. Некоторые усматривают в этом возврат к сталинским временам. Допускаю, что такой способ наведения порядка некорректен. Но что оставалось делать, если в стране уже сложилась теневая экономика, падало производство, царило телефонное право?

Не хочу, да и не могу ничего внятного сказать о Черненко – очередном генеральном секретаре, сменившем на этом посту умершего Ю.В.Андропова. Человек, всю жизнь проработавший на вторых ролях, ни разу не выступавший с докладом на съездах партии, на сессиях Верховного Совета и также больной, как его предшест-

венники, он ушел из жизни, не оставив о себе ни добрых, ни худых воспоминаний.

Прошла молва, что на пленуме ЦК КПСС, собравшемся после смерти Черненко, на должность генерального секретаря была предложена кандидатура А.А.Громыко. Выйдя на трибуну, Громыко отвел себя вопросом, обращенным к участникам пленума: "Долго мы будем устраивать пышные похороны, и не пора ли избрать генеральным секретарем человека, которому предстоит еще жить?" Так партия и страна получили очередного лидера – 54-летнего М.С.Горбачева, непродолжительная деятельность которого на этом посту оставила глубокий и неоднозначный след не только в истории партии, но и страны, даже мирового социализма.

Теперь, когда мы пережили последствия начатой Горбачевым перестройки, трудно однозначно ответить, кого сейчас больше в обществе – его доброжелателей или недругов? Пожалуй, вторых, я же отношу себя к первым.

В подтверждение того, что строительство коммунизма у нас не пошло и что в обществе и в партии все больше людей убеждалось в нереальности не только принятой XXI съездом программы, но и самой идеи коммунизма, не вижу необходимости приводить аргументы. Постепенно само слово “коммунизм” из сферы серьезных разговоров перекочевало в анекдоты. Но никто не набрался смелости открыто возразить упоминавшемуся портрету В.И.Ленина на проспекте Октября в Уфе относительно правильности пути, которым мы идем. Заслугу М.И.Горбачева вижу в том, что у него хватило мужества провозгласить перестройку, призвать к "социализму с человеческим лицом", плюрализму мнений, свободе слова, больше внимания уделять человеческому фактору и др. Много из этого утвердилось в бытность его во главе партии и государства. Беда Горбачева, а из-за него всего советского общества, как я понимаю, заключается в том, что он вызвал к

жизни движение, сложность которого превзошла его личные возможности как идеолога и руководителя, из-за чего оно пошло самотеком. К чему это привело, известно всем. И сейчас непонятно, как можно было начинать такое сложное политическое действие, не имея перед собой ясных целей, не определив способы их достижения, не рассчитав шаги приближения к ним – словом, всего того, что называется программой действий. У меня, как и у многих бывших коммунистов, сложилось убеждение, что М.С.Горбачев не смог или не захотел создать ядро своих сторонников из авторитетных деятелей партии и государства. Он слишком большую ставку сделал на Раису Максимовну. Куда умнее и хитрее действовал Б.Н.Ельцин, которого, кстати, Ю.В.Андропов перевел из Свердловска в Москву по рекомендации М.С.Горбачева.

В то время, когда Горбачев разъезжал со своей спутницей жизни по стране, разъяснял необходимость перестройки и немало обещал, Ельцин вел словесную борьбу с привилегиями, ездил по столице в общественном транспорте или на старом "Москвиче", объезжал московские магазины, пользовался общей поликлиникой. То он по какой-то непонятной причине оказался под мостом, то падал с самолетом в Испании, то еще что-нибудь откалывал, обретая этим авторитет рубахи-парня. Затем засел в председательское кресло Верховного Совета РСФСР. Финалом его явной и неявной борьбы с партией, которая его взлелеяла и возвысила, был демонстративный уход со съезда КПСС.

Многое в поведении М.С.Горбачева как руководителя партии и государства мне было непонятно. Он имел за плечами многолетний опыт партийной работы, знал, что такое организаторская работа, но почему-то не воспользовался этим рычагом, то есть не привел в движение партию, а она бы пошла за ним. Коммунисты ждали перемен в партии и стране, все понимали, что экономика топчется на месте, принимаемые программы развития производства, особенно товаров народного потребления, выполнялись не полностью, страна жила за счет

экспорта нефти и газа, постепенно превращаясь в сырьевой придаток Запада, за что прежде осуждали дореволюционную Россию. Как всегда в советском обществе, недовольство не выливалось в акции протеста, в требование улучшить ситуацию, в недоверие правительству и т.п. Правда, атмосфера на съездах народных депутатов свидетельствовала о том, что общество меняется, они проходили бурно, вызывая тревогу у населения. Многие свидетельствовали о том, что страна находится накануне значительных событий.

Думаю, что не только для меня началом постижения смысла слов "демократия", "свобода слова" послужили именно съезды народных депутатов. Они ничего общего не имели со съездами КПСС, сессиями Верховного Совета СССР, проходившими как хорошо отрепетированные спектакли. Заседания съездов транслировались по радио и телевидению, люди часами просиживали перед экраном, выслушивая такое, о чем прежде не могли подумать. Особенно привлекали внимание выступления А.Сахарова, А.Собчака, С.Алексеева, отличавшиеся своей остротой, актуальностью. Торжеством демократии и свободы слова было в те дни неожиданное выступление Сахарова, когда он, поднявшись с воздетыми руками во весь свой рост, призвал съезд взять в свои руки власть в государстве. Никто, разумеется, к призыву академика серьезно не отнесся, и было жалко смотреть на него, но никаких ответных мер по отношению к нему не последовало. Поведение многих делегаций, особенно грузинской и прибалтийских республик, нагнетало тревогу своей резкостью, нескрываемой враждебностью по отношению к Союзу. Какую-то надежду подало предложение Горбачева ввести должность президента СССР, и он ее получил. Но это уже не помогло справиться с обстановкой. Затем последовала попытка ГКЧП грубо вмешаться в ход событий. И наконец 17-е августа 1990 года, означавшее фактическое поражение Горбачева, и последовавший за ним беловежский сговор глав трех союзных республик – Российской, Украинской и Белорусской – о выходе из состава СССР и

образовании СНГ – Союза Независимых Государств. Вся страна молча проглотила это действие Ельцина, Кравчука и Шушкевича. В одночасье не стало могучей державы, десятилетиями противостоявшей лидеру капиталистического мира Соединенным штатам Америки, владевшей такими средствами обороны, которые делали ее неуязвимой для любой враждебной группировки. Чем не задача со многими неизвестными для современников и потомков?

Память не сохранила деталей многих событий, происходивших в стране в начале 1990-х годов. Но ряд "мазков" исторического полотна врезался в ней основательно. Как-то просыпаюсь в саду, включаю радиоприемник в 8 часов утра, и вместо обычных в это время новостей на меня полилась нежная музыка Чайковского. Что бы это значило? Умер кто-то из великих? Но тогда наверняка звучала бы его же Шестая симфония. Началась война или где-то вспыхнул крупный мятеж? Тогда пустили бы в эфир что-нибудь из Бетховена. А тут ласкающая слух мелодия "Лебединого озера"... Оказалось, что этим заявил о своем рождении упоминавшийся ГКЧП, иначе – сговор, а точнее путч на вершине КПСС. Не отдавая отчета в том, что нам можно ожидать от этого путча, мы с одним солидным соседом обменялись мнениями о происходящем и пришли к выводу, что нам, коммунистам, отныне стыдно будет перед людьми. Такое на финише Ново-Огаревского процесса, накануне подписания соглашения об образовании нового союза бывших советских республик! Это же предательство, покушение на зарождающуюся демократию, причем исходящее от лиц, близких к президенту и правительству! И когда в итоге августовских событий верх одержал Ельцин, я считал, что победила демократия, что КПСС прекратила существование как политическая сила. В те дни уже происходил ее распад.

Невозможно было не обратить внимания на такой парадокс, как безмолвие 19-миллионной армии коммунистов в отношении происхо-

дящего в партии и стране. Допустим, что 40-миллионный комсомол, став настолько массовым, что утратил свою политическую сущность, слился со всей молодежью, и не вступить в него, скажем, старшекласснику было просто невозможно, значило превратиться в белую ворону. (Что любопытно, именно в недрах комсомола, а точнее, в студенческих строительных отрядах происходил задел будущих предпринимателей, потому что эти отряды создавались и действовали на рыночной основе). Коммунисты тоже не пытались протестовать против развала партии, многие успели еще до августа официально, через подачу заявления, выйти из ее рядов. А ведь, вступая в партию, каждый клялся в верности идеям марксизма-ленинизма. Куда она делась, эта верность, а затем и сами идеи? Остается предполагать, что они изжили себя, не выдержав испытания временем.

Теперь, когда после описываемых событий прошли годы, можно видеть, как складываются отдельные "мазки", сливаясь во фрагменты исторической картины, дающей достаточно оснований утверждать, что крах потерпел окостеневший марксизм, то есть советский вариант марксизма, превратившийся из науки в разновидность религии с ее догмами и нетерпимостью к инакомыслию. Неспроста в перестроечные годы преподавателей общественных наук нередко называли попами марксистского прихода. Вскоре эти дисциплины были сняты с преподавания и заменены историей отечества, основами экономических учений, а содержание преподавания философии подверглось существенным изменениям. Постепенно мы осознавали, что у нас не было подлинного социализма, обеспечивающего социальную защищенность личности. Мы имели государственный социализм, основу которого составляла общественная собственность на средства производства. Другие же основополагающие принципы не были осуществлены или осуществлены лишь частично, хотя социализм и называли развитым, то есть достигшим своего совершенства.

Итак, общественный строй, господствовавший в нашей стране семь десятилетий, прекратил существование. В конце 1991 года с Кремлевской башни был спущен красный флаг, уступив место трехцветному флагу Российской Федерации. Сказать, что все советские люди ликовали по этому поводу, нельзя, но и рыданий не было, тем более, что новый глава государства Б.Н.Ельцин в дни жарких августовских событий 1991 года сделал заверение, что тяжелые времена долго не продлятся – с 1992 года начнется устойчивый рост экономики. Он даже обещал лечь на рельсы, если это не произойдет. Однако прошел 1992-й, за ним 1993-й и последующие годы, а экономика не только не пошла в рост, но и продолжала падать, страна вошла в кризис, поразивший практически все основные сферы теперь уже не советского, а российского общества. Семимильными шагами росла инфляция, вздувая цены и уничтожая сбережения народа. Сгорел и наш с женой вклад, накопленный годами специально для скорбных дней.

...Что касается моей личной и семейной жизни, то она протекала спокойно, своим чередом. Семья поредела: в 1979 году померла мать. Причина – рак, видимо, самим Богом предназначенный всему ее роду. Обе дочери были уже замужем, появились внуки; в квартире мы с Марией Федоровной остались вдвоем.

Незадолго до нашего шестидесятилетия я обратился к ректору института не ставить вопрос об избрании меня на должность заведующего кафедрой на третий срок. Мотивировал свою просьбу тем, что пенсионный возраст хочу провести в спокойной обстановке, уделить больше внимания творческой работе. Р.Г.Кузеев отнесся к моей просьбе с пониманием. Если же быть откровенным, то к указанному мотиву сдать руководство кафедрой добавилось еще желание передать ее кому-нибудь из молодых, у кого больше чувствительности к нововведениям, которых в те годы в педагогических науках было хоть отбавляй. Я уже стал чувствовать некоторое давление возраста. Когда

слух о моем предстоящем уходе с заведования кафедрой дошел до преподавателей, и не только возглавляемой мной кафедры, нашелся человек, который пожал мне руку и поздравил с редким примером добровольного ухода с руководящего места. Последующие годы я продолжал работать доцентом кафедры, вел активную работу в Педагогическом обществе и обществе "Знание".

В 1986 году у Николая случилась крупная неприятность: его исключили из КПСС. Все его близкие болезненно переживали это событие, хотя понимали, что основание для этого было. В разгар антиалкогольной кампании он был задержан в нетрезвом состоянии. Кто-то говорил, что это ему подстроили, и дружинники уже ожидали его у входа в дом, перед которым должен был остановиться автомобиль. Однако в разговорах со мной Николай отрицал подобную версию и считал, что сам виноват в случившемся. Несправедливость была допущена позже, когда по указанию бывшего первого секретаря обкома КПСС М.Шакирова ему не разрешили работать в Уфе и отправили в "ссылку" в Чишмы, где в качестве рядового хирурга он два года работал в районной больнице, помог чишминским коллегам разрядить обстановку по части хирургии, причем лечил не только чишминцев, но и уфимцев, приезжавших к нему на консультацию. Вернувшись в Уфу, он снова работал на кафедре онкологической хирургии, но уже профессором, а не заведующим.

В годы работы в педвузах я не порывал связь со школой. Кафедра педагогики органически связана с ней: немало преподавателей ведут часы в школе; все члены кафедры участвуют в руководстве педагогической практикой студентов, в их научной работе преобладает школьная тематика. Через все это прошел и я за годы работы в педагогических институтах. Даже теперь, находясь на пенсии, дружу с коллективом 39-й гимназии Уфы, возглавляемой заслуженным учителем Башкортостана А.Г.Садыковой. Началось с того, что в 1991 году ректоратом мне было предложено возглавить работу по реорганизации этой

школы в гимназию и пришлось вместе с преподавателями института и учителями школы основательно потрудиться над разработкой материалов, необходимых в таких случаях. Затем я продолжал свое участие в жизни гимназии в качестве научного консультанта. Дружить с таким учебным заведением приятно: хорошо поставленный учебно-воспитательный процесс; чувство нового и творческая атмосфера, всегда присущие руководству и педагогическому коллективу; высокие показатели в работе (почти все выпускники ежегодно поступают в высшие учебные заведения).

Могу без преувеличения считать, что школа вошла в мою душу. Поэтому задержусь немного на ее проблемах.

До 80-х годов школа отчасти показана в предыдущих главах. Хотя она по-прежнему сохраняла высокий уровень работы, в ней не все обстояло благополучно. Не случайно же в сфере образования часто проводились реформы, и последняя из них, принятая в 1983 году, была значительной. Металась в поисках более эффективных форм работы не только отечественная, но и зарубежная школа. Это было вызвано требованиями НТР. Как тогда говорили, научный прогресс наступает школе на пятки. А отстающая от науки общеобразовательная школа сдерживает работу высшей школы.

С началом перестройки в школе стали ощущаться новые веяния, усилилась критика. Кто и за что только ее не критиковал! За то, что она единообразная, и что все дети изучают одни и те же предметы по однообразным программам; что в школе царит авторитарная педагогика, а обучение и воспитание заидеологизированы и, конечно же, за перегрузку детей занятиями. Одновременно ей досталось и за отставание от переднего края науки; раздавались требования включить в учебный план новые предметы, вплоть до того, чтобы перенести в школу некоторые предметы из высшей школы.

Но и в эти же годы достигла своего расцвета педагогика сотрудничества, появилось немало оригинальных методик обучения. Всей стране стали известны имена педагогов-новаторов В.Ф.Шаталова, С.Н.Лысенковой, Ш.А.Амонашвили и др. В нашей республике заявил о себе талантливый учитель математики из Белоречья Р.Г.Хазанкин. Движение педагогики сотрудничества по энтузиазму и масштабам напоминало мне липецкий опыт 50-60-х годов.

С развалом Союза ССР рухнула идеология, на которой строилась советская педагогика, содержание учебной и воспитательной работы школы; произошли существенные изменения в содержании гуманитарных предметов; распались пионерская и комсомольская организации, что оказалось невосполнимой потерей для школы; ушло из школы идейно-политическое воспитание; школа заняла нейтральную позицию по отношению к политике и религии. Появились школы разных типов (гимназии, лицеи, колледжи, частные школы и др.).

Общество неоднозначно отнеслось к появлению гимназий, многие увидели в этом селекцию школьной молодежи, ущемляющую интересы и право на образование учащихся, которые остались за бортом гимназий. Если рассуждать абстрактно, то так и есть. Но наш опыт показал, что единообразная всеобщая школа сдерживала развитие ребят с хорошими способностями, желанием учиться и готовиться к продолжению образования в высшей школе. С введением обязательного среднего образования в старших классах оказалось много таких учащихся, которые в школе бесполезно проводили время, мешали нормально заниматься остальным. Кроме того, надо считаться с тем, что хорошо успевающие старшеклассники нуждаются в обучении на повышенном уровне трудности, во внимании к ним и в помощи учителя, что невозможно обеспечить в обычной школе. Да и нужно считаться с мировой школьной практикой. Во многих странах существует дифференциация учащихся старших классов в соответствии с их интересами и способностями. В одних школах дети делятся по потокам,

работающим по разным программам и с разным уровнем трудности, в других, как теперь и у нас, имеются гимназии и обычные школы. И вовсе необязательно, будто способным детям из малообеспеченных семей закрыт путь в гимназию. В некоторых гимназиях Уфы и не только Уфы, обучение бесплатное, в других существует фонд социальной поддержки ребят из малообеспеченных семей. В конце концов наше общество также заинтересовано в том, чтобы создать благоприятные условия для развития способностей и дарований подрастающего поколения. Другое дело, что школа должна быть ограждена от коррупции, ведущей к взятке, подкупу, засорению состава гимназистов бездарью из обеспеченных семей. Но это уже вопрос нравственности, а не профессиональной педагогики.

Как всегда бывает в переломные моменты жизни, заработала мысль над тем, какой быть нашей школе. Одни хотят, чтобы существовал государственный образовательный стандарт, то есть чтобы школа работала по документу, определяющему минимум знаний, который она должна давать своим питомцам. За рамками стандарта любая школа вправе организовать обучение по предметам, связанным с местными условиями, географическим положением, интересами и склонностями детей. Немало сторонников точки зрения, что школа сама может решать, какое содержание образования давать своим питомцам. Что касается моей позиции в этом вопросе, то стою за общегосударственный стандарт, на который выделяется от $2/3$ до $3/4$ учебного времени, а остальное содержание образования определяет школа. Действительно, где гарантия того, что школа, работающая по собственному учебному плану, сможет правильно определить потребности общества, и смогут ли ее выпускники поступить в вуз? В общем потоке мнений и точек зрения существует опасность ошибиться. Ведь школьное дело – очень сложная и тонкая материя, ее легко сбить с правильного пути, зато трудно поднять на нужный уровень. В пользу этого утверждения приведу лишь один пример.

В начале 90-х годов был принят очередной закон об образовании РФ, а вслед за ним – такой же закон Башкортостана. В них традиционное для нас ключевое понятие "воспитание" оказалось заменено понятием "образование", а учебно-воспитательный процесс уступил место образовательному процессу, и школа из учебно-воспитательного заведения превратилась в образовательное учреждение (именно учреждение, а не заведение). Это послужило для многих школ и учителей поводом отодвинуть воспитание на второй план. Вроде бы безобидная игра слов, но она нанесла ущерб воспитательной работе, и как раз на это время пришлось затухание работы школьного комсомола и пионерии. Лишь спустя годы было понято, что допущена ошибка, Министерство образования и школы стали исправлять положение.

Если воспитательная работа для школы всегда было нелегким бременем, то что тогда говорить о современной нашей школе, когда в обществе происходит кризис, поразивший экономику, культуру, власть и нравственность. Зарешеченные окна и металлические двери в жилых домах, разгул бесстыдства и другие прелести нашей жизни властно диктуют ей необходимость привести в действие все свои резервы воспитания, иначе не уберечь подрастающее поколение от тлетворного влияния безнравственности. Хочется отметить, что в последнее время наметилось усиление внимания к школе и учителю со стороны центральных и местных органов власти. Несомненно, положительно сказалось на ее работе проведенное в канун 2002-го года значительное повышение заработной платы учителей. Оно сравнимо с повышением в 1936 году, которое я упоминал в начале воспоминаний. На горизонте появилось удвоение зарплаты учителя. Наконец-то...

Система образования страны обогатилась в 90-х года такой новинкой, как внебюджетные высшие учебные заведения. Одним из первенцев таких заведений в Башкортостане, да и в России, явился Восточный институт экономики, гуманитарных наук, управления и права (ВЭГУ), созданный в 1993 году группой энтузиастов, возглавляемой

профессором, доктором исторических наук Е.К. Миннибаевым. Вряд ли надо объяснять, какое беспокойное и сложное дело – создать учебное заведение. В данном же случае внебюджетное, на которое государство не выделило ни копейки; друзей, готовых поддержать начинание, не было, недругов – хоть отбавляй, в первую очередь ректоры государственных вузов, оказавшиеся психологически не готовыми к восприятию новичка. Лишь Башпединститут поддержал начинание, предоставив ВЭГУ на первых порах свои помещения. Хочется отметить двойную пользу этого высшего учебного заведения. Во-первых, оно сразу же отвлекло от бесцельного времяпровождения свыше пяти тысяч юношей и девушек, поступивших на его факультеты, а во-вторых – оказало ощутимую материальную поддержку преподавателям государственных вузов в тяжелые для них 90-е годы, помогло избежать их оттока в коммерческие структуры. ВЭГУ прошел государственную аккредитацию, уже сделал несколько выпусков специалистов разного профиля, создал необходимую материальную базу, собственное издательство и постоянно расширяется. Сегодня на его семи факультетах и в свыше 20 филиалах и отделениях в различных городах РФ и РБ занимается 12 тысяч студентов.

Ведя речь о ВЭГУ, не могу умолчать, что, по мнению некоторых скептиков, коммерческие высшие учебные заведения – это не вузы. Считаю такое мнение заблуждением. Ведь во всем мире университеты существуют как раз на коммерческой основе. С самого начала работы основатели ВЭГУ пригласили из уфимских вузов много преподавателей высшей категории, то есть профессоров и доцентов, обеспечив им более выгодную оплату труда, чем по основному месту работы. Разумеется, в этом вузе имеются начинающие преподаватели, но найдите высшее учебное заведение, в коем работают только профессора и доценты!

Убежден, что всякий испытывающий потребность в получении высшего образования, в ВЭГУ не разочаруется. Иное дело, когда в него идут, следуя моде времени или родительскому наставлению. Но это уже, как говорится, из другой оперы.

Пишу о ВЭГУ не просто как уфимец, знающий вузы своего города. Я семь лет в нем работал, вначале как преподаватель логики, затем редактором издательства.

... Как-то в апреле 1997 года раздался телефонный звонок. Поднял трубку, услышал Колин голос: "Брат, у меня рак". – "Откуда ты взял это?" – "Показал анализ, на который уже пришло подтверждение". С диагнозом рак предстательной железы Коля вскоре прекращает работу и ложится в постель. От обнаружения рака до кончины прошло год и четыре месяца. Почти полный отказ от пищи, постоянные боли, исхудание до неузнаваемости, под конец потеря памяти – в общем, все то, о чем мы догадываемся, когда встречаем в газетах строку "после продолжительной тяжелой болезни скончался...". Похороны брата были скромные, но проститься с ним пришло много народу: врачи, бывшие пациенты, знакомые. Перед выносом гроба очередь желающих отдать ему последнюю дань уважения тянулась со двора на четвертый этаж, где находилась квартира. С покойного несколько раз снимали цветы, было много венков. На месте захоронения теперь стоит скромный памятник, на котором высечено:

НИКОВ

Николай Петрович

23.III.1930 - 22.VIII.1998

ТЕНЕШЕВА

Рауза Хасановна

12.XII.1930 - 14.VIII.2000

Его подруга ненадолго пережила мужа. Вскоре после похорон Николая с ней случился тяжелый инсульт, около года она лежала без движения и речи, а затем, видимо, и без сознания. Судьба ей уготовила участь навеки лечь рядом с любимым человеком. Они полюбили друг друга еще в студенческие годы. Женившись на Розе в 1954 году, Николай оказался в интеллигентной семье, где его приняли как сына и создали все условия для плодотворной учебы в аспирантуре и жизни, свободной от забот. Тещу – Нафису Халимовну Мещерову и тестя – Хасана Аминовича Тенешева он помнил до конца дней своих.

Десять лет – срок, дающий основания на определение "исторический". Человек в состоянии отодвинуться от событий десятилетней давности на дистанцию, позволяющую, по В.Лекторскому, выявить "новые связи и отношения между событиями... иначе видеть значение тех или иных фактов прошлого. К тому же меняются и наши общие представления о человеке и обществе". Что же мы увидели в событиях, произошедших в 1991-м году, а также в предшествовавших и последовавших за ним годах?

Пал тоталитарный режим, просуществовавший семь десятилетий и стоивший стране многих миллионов человеческих жизней. (Не будем дотошно копаться в числе миллионов, главное здесь в том, что даже без учета военных потерь жертвы советского строя исчисляются в миллионах). Чего стоит одно лишь раскрестьянивание страны! А насильственный слом многовекового уклада жизни не только русского, но и других народов? О допущенном произволе свидетельствует повсеместное возрождение многих этнических обычаев и традиций; да-

же народы крайнего Севера возвращаются к своему традиционному образу жизни, оставляя специально для них созданные поселения. Все 70 лет нами правили самые жестокие эксплуататоры – идеи, особенно несбыточные. Теперь мы уже знаем, что такое коммунизм и стоит ли за него расплачиваться человеческими жизнями.

Довоенному периоду нашей жизни я дал оценку. Ну а было ли хоть что-нибудь положительное в послевоенные годы?

Было, и достаточно много. Начну с того, что кривая материального положения населения пусть медленно, но шла вверх. Уже в довоенные годы были ликвидированы доставшиеся от царского режима нищета и безграмотность. Росло материальное благосостояние народа в целом, правда, противоречиво: то город жил за счет села, то село за счет города. В стране не только не прекращалось, но и расширялось жилищное строительство, на географической карте появилось много благоустроенных городов. Только в Башкортостане назову такие города, как Салават, Кумертау, Нефтекамск, Октябрьский, Сибай и др.; менялся облик старых городов, ярким примером чему может служить Уфа. Хотя жилищную проблему в целом решить не удалось, но страна с каждым годом приближалась к этой цели. Начиная с 50-х годов стало менять свой облик село. В жизнь значительной части населения вошли электричество, радио, телевидение, газификация города, а затем и села.

Разумеется, страны "золотого миллиарда" по материальному уровню населения мы не догнали, да и не ставили перед собой эту цель (если не учитывать пресловутый хрущевский призыв догнать и перегнать США), но в ряд стран с низким уровнем не входили. Существовали такие отрасли и сферы, в которых мы вышли в число передовых стран мира. Среди них наука, особенно фундаментальная, образование, социальное обеспечение, бесплатная медицина, культура. Не намерен приводить цифровые выкладки в пользу этого утверждения: достаточно сослаться на такие современные факты, как спрос на наших ученых в других странах, в том числе в США, приглашение на

гастроли наших музыкантов, артистов, балета. А успехи в спорте, в освоении космического пространства! И многое другое.

Нет оснований гордиться советской демократией. Здесь нам нечего противопоставить демократическим странам, но процесс постепенного преодоления этой ущербности советского строя шел. Начался он при Хрущеве упоминавшейся оттепелью. Если о годах правления Брежнева еще при его жизни говорили, что это сталинизм без Сталина, то Горбачев открыто заявил о социализме с человеческим лицом. Может быть, с нашей распущенностью, тягой к вседозволенности, действительно, нужен был сталинизм, но без таких его крайностей, как попрание законности, произвол вождя, а также им подобные? Сегодня мы стонем от разгула вседозволенности, произвола чиновников, казнокрадства, взяточничества и уголовщины. Как же снова не напомнить о предупреждении древних мудрецов, что все имеет "за" и "против"!

А как жили я и близкие мне люди в описываемые годы?

В 60-70-е годы нас, по современной терминологии, можно было отнести к среднему классу. У всех были квартиры, удовлетворяющие наши семьи с их потребностями в жилплощади и удобствах. Квартирплата была незначительной. Мы неплохо питались и одевались, у меня и Николая были пианино, нанимали для детей учителей музыки. Не часто, но ездили в дома отдыха, санатории, на Юг. У всех были садовые участки, служившие подспорьем в семейном хозяйстве.

Сегодня мы с Марией Федоровной вправе говорить, что вместе прошли свой жизненный путь. Он составляет 60 лет – выше средней продолжительности жизни россиянина.

Мы познакомились в возрасте 21 года. У обоих уже был опыт переживания первого чувства. Оба влюбились в одноклассников, которых и теперь вспоминаем с теплым чувством. Но война и другие обстоятельства жизни развели нас с первой любовью в разные стороны, а иные погибли. Я над своей подругой подшучиваю, что она переписывалась с доброй половиной холостых фронтовиков, а на двух даже

получила извещение о гибели. Она же попрекает меня за затянувшуюся память о предмете первой любви. Однако, соединившись брачными узами, мы ни разу не позволили себе причинить переживания другому на почве сердечных дел, и наши дочери выросли в обстановке, не знавшей дразг между родителями.

Как-то в шестидесятых годах она поехала на юг в санаторий. Первое письмо от нее было хуже не придумать: и моря здесь нет, и горы какие-то странные, и отдыхающие скучные, только и ведут речь о своих болезнях. Иными словами, не письмо, а настоящий плач Ярославны. Я написал ей, чтобы отбросила пессимизм и тоску по родному краю, отдыхай как тебе нравится; даже можешь изменить, но только мне, а не Родине, так как турецкая граница от тебя совсем недалеко. Приехав домой, рассказала, какое оживление внесло мое письмо в души отдыхающих вместе с ней женщин.

Не хуже были условия у братьев и сестры Марии Федоровны. Так, брат Иван после службы в армии в родное село не вернулся. С образованием четыре класса (учиться дальше не позволила война) он освоил в Ишимбае рабочую специальность по ремонту тракторных двигателей и всю свою трудовую жизнь провел в одной организации, получив от нее современную двухкомнатную квартиру. Ведя нормальный образ жизни, не порывая связи с селом, где жили родители, Иван смог накопить деньги на автомобиль “Жигули”. Родители же с наступлением старости при поддержке детей оставили село и переехали в Ишимбай, вселились в отдельную однокомнатную квартиру. Подобная обстановка была и у сестры Марии Федоровны – Анны. Ее муж работал слесарем. Трудолюбивый и ответственный человек вместе со своей подругой обеспечили благополучие семьи, смогли дать высшее образование дочери. К концу жизни вернулись на родную землю.

Приведенные примеры были типичными для советского периода, носили массовый характер. Поэтому, подытоживая их, можно утверждать, что если теперь благополучие россиянина во многом зависит

от его изворотливости, умения крутиться, то в рассматриваемые годы оно определялось трудолюбием, ответственным отношением к порученному делу. Сказывалось и то, что за годы советского строя и социализма люди постепенно привыкли к сложившемуся при нем жизненному стандарту; одни мирились с ним, другие, испытав последствия раскулачивания, коллективизации, репрессий и войны, о лучшем не мечтали. Привыкли и к очередям, этому хроническому недугу советского социализма. Больше того, сформировался тип людей, зараженных патернализмом (от латинского *pater* - отец), уверенных в том, что государство не даст им умереть с голоду, возьмет на себя воспитание их детей или окажет материальную поддержку и даже при недобросовестном отношении к труду не оставит без зарплаты, к тому же вовремя выданной.

Как-то в 1970-х годах прошел слух, что ЦК КПСС принял решение выделить в социальной структуре общества прослойку участников Великой Отечественной войны. Действительно, вскоре нам военкоматы выдали соответствующие удостоверения, а в магазинах, поликлиниках и учреждениях бытового обслуживания появились таблички с текстом: "Инвалиды и участники Великой Отечественной войны обслуживаются вне очереди".

Льготы ветеранам войны оправданны, они существуют во многих странах, и отношение к ним нормальное. Но у нас же, при постоянном дефиците продуктов и предметов первой необходимости, эта мера вскоре породила скрытое недовольство, особенно в очередях за продуктами. Теперь за ними стояли две очереди: с одной стороны – ветераны, с другой – все остальные. Понятная в отношении бывших защитников родины мера фактически реализовалась за счет ущемления интересов народа, даже той его части, которая всю войну в поте лица трудилась во имя победы. Отсюда нередко в глазах неветеранов можно было уловить отнюдь не самое доброжелательное отношение к "вовикам" (слово, произ-

водное от аббревиатуры ВОВ – Великая Отечественная война; так с усмешкой стали называть бывших фронтовиков). Пропаганда явно перебарщивала с заботой о благе народа, и когда на одном из съездов КПСС прозвучал девиз, сразу же ставший лозунгом "Все для блага человека, все во имя человека!", он тотчас же породил лукавый вопрос: кто тот человек, во имя которого партия так старается?

Это о советском социалистическом строе, а какую жизнь принес нам сменивший его ...изм?

Подлинная перестройка, отнюдь не в духе горбачевского социализма с человеческим лицом, началась в 1992 году. Президент Ельцин всенародно обещал, что уже к осени того же года будут преодолены трудности и лишения, начнется "стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей". Под термином "экономические реформы" мы пережили освобождение цен из-под контроля государства (так называемая либерализация цен), ускоренную приватизацию, земельную реформу с куплей-продажей земли, реформирование банковской системы. Собственно, в этом векторе реформирования общества мы живем и по сей день. Что характерно, прорабы перестройки Ельцина по своим деловым качествам намного превзошли прорабов горбачевской перестройки. Недолго размышляя, учитывая наш высокодинамичный век и открывшиеся перед ними перспективы, они с молниеносной быстротой приступили к ломке десятилетиями складывавшегося механизма хозяйствования. Вот уж поистине, ломать – не строить! Не успели разобраться в реформах, поверив Маргарет Тетчер, что пропасти преодолеваются только одним прыжком, они разрушили все связи в экономике, вызвав падение производства, и как следствие – рост цен, безработицу. Когда была проведена приватизация, окрещенная в народе прихватизацией, тут же в городах и на их окраинах, подобно грибам после дождя, стали расти особняки, в которых с ши-

ком можно разместить не только многодетную семью, но и добрый взвод солдат. Если по самым пессимистическим прогнозам цены в 1993 году должны были вырасти в 10 раз, они выросли в 36 раз! (См.: Новейшая история отечества – XX век. Том 2. Учебник для вузов. - М., 1998, с.392).

После развала экономики она несколько лет топталась на одном месте, и нам стало казаться, что ее падение прекратилось, мы достигли дна пропасти, начинается стагнация, за которой непременно последует подъем, как обычно происходит в странах с рыночной экономикой. Но оказалось, что в нашу историю был вписан еще один август – август 1998 года, когда правительство Российской Федерации заявило о дефолте, то есть о своей неспособности платить по долгам. И снова повтор 1992 года, хотя, правда, не в таких масштабах. Снова повышение цен и снижение курса рубля. В 2002 году мы, похоже, достигли уровня, предшествовавшего дефолту, наметилось некоторое оживление в экономике, во многих регионах стали своевременно выдавать пенсию и зарплату бюджетникам, но уверенности в завтрашнем дне нет. То нас кто-то предупреждает, что на износе основные средства в энергетике и с 2004 года начнется остановка электростанций, то кто-то пугнет тем, что экономику задушат долги, то еще что-нибудь устрашающее. Стоит только где-то начаться подготовке к выборам губернатора, как тут же начинается волна запугивания, компромата и устрашающих прогнозов. А если начинается подготовка к выборам Президента или Думы, то впору не включать телевизор: один телекомментатор типа Доренко нагонит страха на всю страну.

Не стану утверждать, что все наше общество впало в нищету. При единодушии, что жизнь стала хуже, чем была в советские времена, нельзя не заметить резко возросший поток легковых автомобилей в городах, обилие шуб на наших дамах и девицах, меховых полушубков на мужчинах; работают рестораны, появились увеселительные заведе-

ния, коих мы не знали в прошлом. Все это свидетельствует о происходящем имущественном расслоении населения, общества: больше стало бедных и богатых, заметно поубавился средний класс, из которого выпали живущие за зарплату врачи, учителя, научные работники и другие категории бюджетников, зато вошли люди, получающие доходы за счет своей разворотливости – удачливые челноки, а также занимающиеся мелким бизнесом в производственной сфере.

В какой степени произошедшие перемены коснулись меня и моих близких и коснулись ли вообще? Ответить на этот вопрос непросто. Нас с женой, пожалуй, нет. Пенсий нам хватает, но с учетом двух обстоятельств. Во-первых, мы уже состарились и кроме продуктов питания ничего не покупаем, а во-вторых, после ухода на пенсию я постоянно подрабатывал вплоть до 2001 года. Что же касается семей наших дочерей, то не стал бы утверждать, что они бедствуют. Так бы я оценил и положение семей из круга наших знакомых. Люди постепенно приспосабливаются к изменившимся условиям, преодолевают упование на государство как на гаранта их материального выживания, больше проявляют инициативы, учатся разворотливости. Разумеется, это не всем дается. Многим, особенно старшему поколению, мешают стереотипы прошлого, "совковость", а также физическое состояние. Так, иные никак не могут принять современное наше социально-экономическое устройство и порожденные им нормы выживания, подобно Галилею готовы на каждом углу повторять его слова "Стоял и буду стоять на этом". С другой стороны, в коммерческих структурах и в политике можно встретить немало людей, бывших в свое время в активе КПСС, в партийных и советских органах. Так что, предатели, изменили своим убеждениям? Этот вопрос заслуживает внимания.

В советские времена мы усиленно внушали себе и друг другу, что убеждения (читай: коммунистические) неизменны. В качестве примера ссылались на Дзержинского, Павку Корчагина, Зою Космодемьянскую и многих других вымышленных и реальных героев, положивших свою

жизнь на алтарь убеждений. Но август 1991 года показал, что постулат о неизменности убеждений утопичен. Ближе к истине были еще многие выдающиеся личности прошлого. Так, Достоевский писал: "Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще непрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения?" А Герцен, считая ломку стереотипов страшным судом разума, добавлял, что такой суд ставит человека перед выбором: казнить старые верования и идти вперед или миловать их и остановиться на полдороге. Проще смотрят на этот вопрос французы, у которых есть поговорка: убеждений не меняют только два человека – дурак и мертвый. Если жизнь, практика служат критерием истины, то они служат также критерием правильности убеждений.

Известно, что история не повторяется. При всей трудности людям приходится соглашаться с тем, что советский строй канул в прошлое. Наши отцы и мы не смогли реализовать заложенный в нем положительный потенциал и спокойно отнеслись к его краху, поддались легковесным обещаниям Ельцина и его окружения. Это уже потом, когда убедились, что оказались не там, на что рассчитывали, мы начали умнеть и выражать недовольство случившимся. С нами произошло по известной русской пословице: "Как бежали, веселились, прибежали – прослезились".

О кризисе, в котором мы оказались, говорят и пишут, что он носит системный, то есть всеобъемлющий, глобальный характер. Грустно слушать такую аттестацию обществу, в котором находишься, но от фактов, от истины не уйти. Коррупция власти на всех ее уровнях, мафия, разгул уголовщины и мздоимства; бессилие правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Если каждое из этих зол способно нарушить нормальную жизнь общества, то каков же их суммарный эффект?! Наложим на это еще деградацию семьи, пропаганду ее обреченности на отмирание, снятие всех и всяческих покровов с интимной жизни.

Иные успокаивают, что подобная нравственная распущенность была в начале 20-х годов, но ведь пришли же в себя, поумнели. Согласен – было такое. Но в то время нравственный хаос был преодолен без больших усилий потому, что он не получал мощной поддержки, какую в наше время ему оказывают средства массовой информации, особенно телевидение. Нескончаемые американские боевики, полупохабная реклама, перекочевавшее к нам из-за океана низкопробное, по сути своей балаганное эстрадное искусство, называемое шоу; даже некоторые тематические, казалось бы просветительные, на деле же пошлые передачи и многое подобное – все это выливается на головы нашей молодежи, на ее еще не окрепшую нравственность.

Не могу подавить в себе впечатления от одной телепередачи на семейную тему. Аудитория – женщины молодого и среднего возраста. Речь идет о сексуальной совместимости супругов. Понятно, что это немаловажный фактор прочности брака, но представить его как главное, чуть ли не единственное условие, на котором держится брак, по меньшей мере странно. Речь вели матери и будущие матери, и хотя бы одна из них промолвила, что смотреть на прочность брака только через призму секса – безнравственно и нелепо! Приходится апеллировать к истине, что когда соединяются две жизни, то в силу самой природы человека появляется третья, а зачастую и четвертая жизнь (боюсь писать пятую – сочтут за выжившего из ума), и эти жизни требуют от соединившихся многих жертв, в том числе сохранения семьи, если для этого существует хоть какая-то возможность. Увы, эта истина не дошла до представительниц прекрасного пола, участвовавших в той телепередаче...

Произошедшие в стране коренные изменения в социально-экономической сфере отразились на всей нашей жизни. Мы вынуждены согласиться с тем, что появилась частная собственность – это источник всех бед человечества, как мы привыкли считать ее, а она в

свою очередь породила слой населения, получивший название "новые русские". Их отличает жажда наживы, изворотливость, высокомерие. Часто необразованные и невежественные, не способные к грамотному ведению дела, новые русские не только быстро обогащаются, но также быстро и разоряются. Именно в их среде больше всего криминала. Но "новые" – неизбежный плод зарождающегося предпринимательства, из их среды появляются люди, которые придадут ему цивилизованный облик. Уже сейчас можно говорить о спонсорстве – безвозмездной помощи разбогатевших культурно-просветительным учреждениям, школам, общественным организациям. Поэтому я не сторонник их огульного охаивания и не намерен относить приведенные выше черты к каждому из представителей бизнеса. Кстати, изданием своих воспоминаний я обязан одному из них.

В течение ряда лет я близко наблюдал жизнь одного предпринимателя в коммерческой сфере. Он несколько раз богател и разорялся. Как-то в начале 90-х годов, еще до деноминации рубля, гордился тем, что его состояние достигло миллиарда, в конце же десятилетия продал свой сад, чтобы свести концы с концами. Сейчас, как будто, держится на прожиточном минимуме, как оценивают люди его окружения. Даже в лучшие дни его бизнеса я ему не завидовал. Он в буквальном смысле дневал и ночевал в офисе или в разъездах, устраивал в ресторанах встречи с "нужными" людьми, хотя слабости к застольям с возлияниями не питает, никогда по-настоящему не использовал отпуск. Уже немолодой, он в течение суток мог, сидя за рулем автомобиля, съездить по делам в Магнитогорск и вернуться в Уфу. Руководители снабженческих организаций такого напряжения в советском периоде не знали. Осыпьте меня с головы до ног золотом, я на такую жизнь не соглашусь – она мне не нужна. В своем же герое я видел азарт, страсть к деньгам, готовность ради них на риск. И тем не менее я не сторонник точки зрения, что все наши беды происходят из-за новых

русских. Безнравственных, аморальных людей достаточно во всех слоях общества. Ведь не новые русские "очищают" наши садовые домики и дачи, громят в них все, что попадет под руку; не от них мы защищаемся, ставя в своих квартирах металлические двери и решетки на окнах; не они занимаются насилием в подъездах и подвалах домов; не из-за них с наступлением темноты опасно выходить из квартиры. Беда в том, что наше общество нравственно разложилось сверху донизу.

В демократическом государстве значительно слабее контроль за личностью со стороны власти в сравнении с тоталитарным государством. Это мы уже почувствовали, ностальгия по сильной руке – царю или вождю – усиливается. Сегодня мы готовы вручить власть кому угодно, лишь бы ее обладатель за нас навел порядок в стране. Между тем это можно сделать и самим, если каждый научится уважать и соблюдать законы. Законопослушность граждан – неременное условие подлинной демократии, правового государства. Его основные принципы: никто не имеет права нарушать закон; разрешается все, что не запрещено законом; каждый член общества свободен в той мере, в какой его свобода не ограничивает свободу других. Вседозволенность – искаженное представление о демократии и свободе, она карается законом. Государство призвано обеспечивать гражданам свободу заниматься любой деятельностью в рамках законности.

К сожалению, эти прописные истины у нас мало кто знает, еще меньше кто их знает и соблюдает. Больше того, принцип «разрешено все, что не запрещено законом» используется нечистоплотными людьми для оправдания противоправных действий, в том числе совершаемых в политических целях.

О чем хочется сказать, заканчивая воспоминания? Прежде всего, доволен ли я своей жизнью, состоялась ли она как полноценная, оправдавшая связанные с ней надежды? Думаю, что состоялась. Такое утверждение не противоречит названию, которое я дал своим воспоминаниям, так как надежды народа, страны и надежды отдельного человека – не одно и то же.

Действительно, несмотря на невзгоды, выпавшие на долю родителей в мои отроческие годы, я не стал их жертвой, что позволило мне разделить участь, общую с моим поколением. Я честно, достойно провел жизнь; какое бы положение ни занимал, никто никогда не сказал, что я ему не соответствую или же злоупотребляю им. Больше того, несмотря на мой почтенный возраст, ко мне все еще обращаются за помощью, советом и с другими просьбами. Следовательно, я продолжаю служить людям, приношу им пользу, а это вселяет в меня силы, уверенность, оптимизм. Если же мне какое-то время приходилось таить истину о пережитой родителями трагедии, то время, история показали, что с моей стороны это было всего лишь противостоянием злу, искалечившему жизнь миллионам соотечественников. Ни нравственного, ни иного осуждения это противостояние не заслуживает.

Состоялась и моя семейная жизнь. Наш с Марией Федоровной брачный союз оказался на всю жизнь. Он не был и сейчас не является безоблачным, такой сладостной идиллией, как некоторые представляют себе удачный брак. В нем хватало всего, кроме легкомысленного отношения к жизни, долгу друг перед другом и детьми. Поэтому состоялась и жизнь наших дочерей: обе нашли достойное место среди людей. Это позволяет нам с супругой спокойно проводить старость.

Какие же несбывшиеся надежды и разочарования я имею в виду? Начну с тех, что в жизни нашей страны и народа были связаны с так называемым "коммунистическим завтра". С 1917 года все наши помыслы были устремлены к этому "завтра", и, опьяненные светлой перспективой, мы считали, что живем в самой счастливой стране и в та-

ком же веке. Даже пытались построить коммунистическое общество, пока не убедились в безнадежности затеи. Но лишь после развала СССР открыто сознались в несостоятельности самой коммунистической идеи, под знаком которой прошел XX век, и не только у нас. Первое и причем тяжелое для многих разочарование.

Не оправдал многих надежд и построенный нами социализм, который был рассчитан не столько на обеспечение социальной защищенности членов общества, сколько на то, чтобы служить "столбовой" дорогой в коммунизм. Не случайно же он был назван первой фазой коммунизма. Это еще одно разочарование, сродни первому, осмысленное нами уже в 90-х годах, когда мы вдоволь наслушались и начитались о социализме, скажем, в Швеции и Норвегии, да и в Китае.

Каждый раз с принятием очередного пятилетнего плана мы радовались жизни, которая должна наступить после его выполнения, и почти всегда разочаровывались. Планы выполнялись по чугуну и стали, бетону и кирпичу, по добыче угля и руды, но только не по производству материальных благ для человека.

Десятилетиями мы воспитывали так называемого нового человека, гордились им, посвятили ему уйму песен, стихов, даже научных работ. Описывали его подвиги. Но стоило только появиться на горизонте частной собственности и ослабить контроль за личностью, что неизбежно в условиях демократического общества, как этот человек во всех социальных слоях общества стал до неузнаваемости меняться. Расползлась по швам еще одна утопия из серии коммунистических иллюзий.

Достижения в области образования, науки и культуры выдвинули нашу страну в число лидирующих стран мира, но это обстоятельство почему-то не подсказало руководителям государства, что общество, достигшее высокого образовательного и культурного уровня, не может довольствоваться постоянным дефицитом предметов первой необходимости; что специалисты высокого уровня претендуют и на высокий уровень жизни; что в квартирах, прозванных хрущобами, не

создать нормальных условий для двух-трехдетной семьи, отсюда не зачем ждать высокой рождаемости и что, наконец, ничего с социалистическим обществом не случится, если население будет проявлять экономическую инициативу за пределами государственных предприятий, как, скажем, в Китае, также социалистической стране.

Перечисленное здесь о советском строе – это его негатив. Но я уже говорил, что в нем было и много положительного, что растеряно в годы так называемой перестройки. К упомянутому раньше добавлю.

Возможность реализации надежды на образование и социальное продвижение. Вряд ли кто станет оспаривать, что в советские времена такая перспектива открывалась перед каждым молодым – и не только молодым – человеком, независимо от пола и национальной принадлежности. Ограничения, существовавшие в 20-30 годах и некоторое время после войны, преодолены полвека назад и вспоминаются как извращения, досадный сбой в жизни общества.

Надежды на реальную и бесплатную медицинскую помощь независимо от вашего достатка и положения в обществе. Допустим, уравниловки здесь не было, и номенклатурная верхушка пользовалась привилегиями, однако люди с тяжелым заболеванием годами пользовались бесплатным лечением, нередко санаторно-курортным лечением.

Сравнительно дешевые – если не символические – цены за коммунальные услуги, общественный транспорт, печать. А бесплатное предоставление жилья причем с некоторых пор далеко не барачного типа!

Все перечисленное – что у нас было, а что стало после распада Союза ССР и проведенных в обществе реформ?

Состояние экономики известно каждому, нет необходимости перечислять ее беды. Произошло расслоение общества на бедных и богатых, и не видно признаков преодоления пропасти, образовавшейся между ними. Что касается среднего класса, то из области мечтаний он еще не вышел. Так и хочется сказать, что наше общество нуждается в собственном Ден Сяопине – мозге нации, способном грамотно опре-

делять шаги последовательного продвижения. Будет ли этот Ден Сяопин отдельным человеком или коллективным органом – неважно, лишь бы он был...

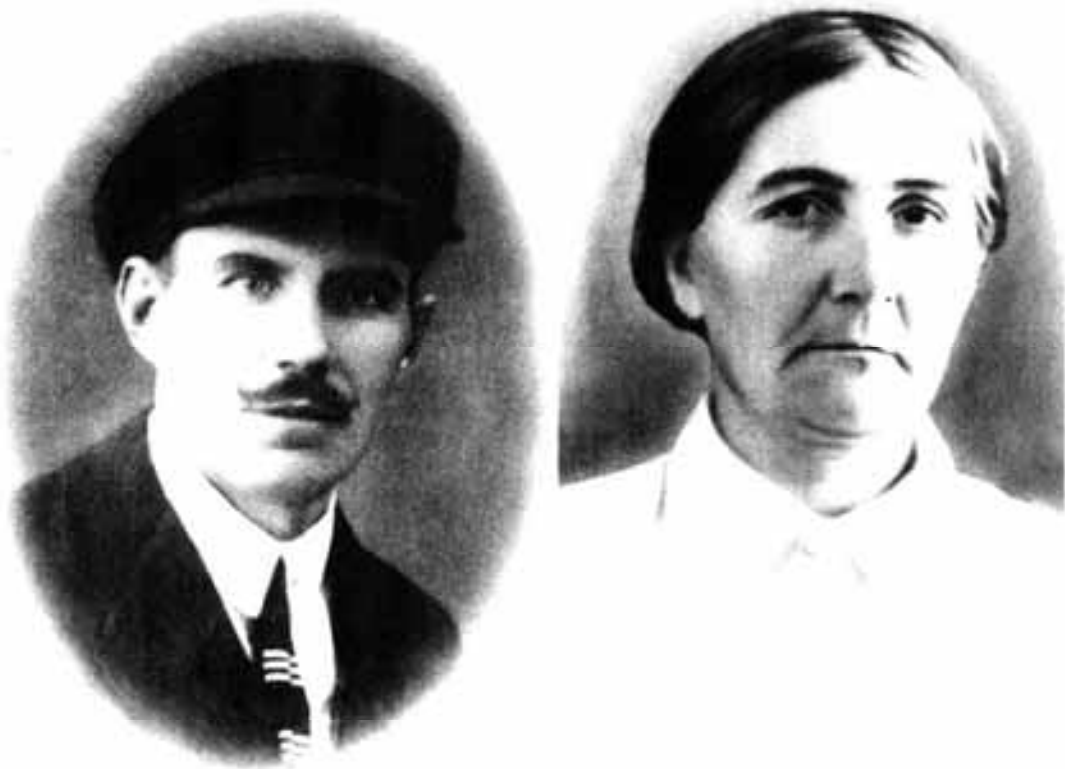
Есть ли у нас демократия? Да, и думаю, что этот факт никто отрицать не станет. Но она вышла за свои естественные пределы, превратилась во вседозволенность. Лишь один пример: свобода слова. По сути, она была у нас уже в горбачевские годы, затем претерпела такую эволюцию, что сегодня ей больше подходит название свобода сквернословия. Если люди старшего поколения в свои детские годы знакомились с этой гадостью на улице или в пошлой компании, то современные подростки осваивают ее еще при помощи эфирного и печатного слова. Причем можно встретить публикации, оправдывающие это отвратительное явление. К особенностям нашей свободы слова отнес бы и то, что на публичное слово никто не реагирует. Пишите и говорите сколько угодно о происходящих на ваших глазах несправедливостях и безобразиях, но не надейтесь, что по вашим выступлениям будут приняты меры или дан ответ.

Не буду продолжать бухгалтерию плюсов и минусов советского и постсоветского периодов нашей жизни: в каждом из них хватает и того и другого. Ясно, что, как и после 1917 года, предстоит длительный период восстановления былого могущества государства и нормальной жизни в нем. Хочется надеяться, что худшую часть этого пути мы уже прошли и, наученные горьким опытом минувшего века, наступивший XXI век проведем с большим достоинством.

Мои краткие очерки об ушедшем веке и проведенной в нем жизни суть плод воспоминаний о пережитом и осмысленном мной, а не результат научных изысканий. Следовательно, они субъективны и не могут быть иными. Сегодня в нескончаемом потоке статей и фолиантов по затронутым вопросам можно встретить самые различные мне-

ния. Причем редкий автор не выступает с претензией на истину в окончательной инстанции. Я на это не претендую.

...Вспоминаются школьные и юношеские годы. Это был конец 30-х годов. Средства массовой информации с особым пафосом приводили изречение великого критика В.Г.Белинского: "Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного мира, дающую законы науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества". Как же мы умилялись такой прозорливой похвалой! Постепенно, однако, это умиление спало и замерло. Что и кто помешал нам выйти на позиции, завещанные Белинским: классовые враги, мировой империализм или времени не хватило? Возможно и то, и другое, и третье, как, например, война. Но главное, мне представляется, именно то, о чем предупреждает башкирский писатель Б.Зайнетдинов: "Только созидающий ум сохранит жизнь". Эту несущую в себе глубокий жизненный и философский смысл лаконичную фразу я заимствовал с Мемориала жертвам сталинских репрессий, что возведен на бывшем Иваньковском кладбище в Уфе.

Такими остались в памяти наши родители

Декабрь 1947 года

Декабрь 1997 года

Пройден путь от свадьбы до золотой свадьбы

Июль 1982 г. Встреча с выпускниками Салаватской средней школы № 1, выпуска 1958 г.

БРАТЯ

Петр

Николай

Ветераны института в День защитника Отечества.
Во втором ряду четвертый справа ректор Э.Ш. Хамитов, справа от него Р.Г. Кузеев

Открытие пионерского лагеря Салаватской школы-интерната

Внуки Юлия и Кирилл

Ветеран института и войны Г.З. Зеляетдинов
выступает в своем амплу на первомайской демонстрации

У входа в Капову пещеру

Высокие гости в Стерлитамакском пединституте.
Второй слева ректор института И.И. Насыров

Семейный портрет. Справа зять Александр Польшев

Содержание

П р е д и с л о в и е.....	3
От автора.....	8
Годы детства и отрочества.....	9
Роковой 37-й.....	28
Война.....	58
Фронт.....	78
Послевоенные годы и мои университеты.....	108
От хрущевской оттепели к брежневскому похолоданию....	136
На финише века.....	172

Научное издание

Ников Григорий Петрович

**Век светлых надежд и разочарований
Воспоминания**

Публикуется в авторской редакции

Оформление, верстка: И.В. Пономарёв

Vagant 2008

Подписано в печать 26.03.2008. Формат 60X84/16.
Компьютерный набор. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. – 13,5. Уч.-изд. л. – 13,3. Тираж 500 экз.
Заказ № 354.

ООО «Вагант»
450076, г.Уфа, ул. Коммунистическая, 22 а
E-mail: salavatv@rambler.ru